ОБ УВЕКОВЕЧЕНИИ В СОВЕТСКОМ СОЮЗЕ ПАМЯТИ ИНДИРЫ ГАНДИ

Учитывая выдающиеся заслуги Индиры Ганди в деле упрочения всеобщего мира и безопасности народов, дружбы и сотрудничества между СССР и Индией, Советское правительство приняло решение об увековечении в Советском Союзе ее памяти.

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫЙ ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ И ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ЖУРНАЛ

Основан 1 апреля 1923 года

№ 50 (2995)

8—15 ДЕКАБРЯ

К 50-ЛЕТИЮ СТАХАНОВСКОГО ДВИЖЕНИЯ

ВСТРЕЧА ТР

Комбайнер Константин Борин и ткачиха Мария Виноградова, трактористка Дарья Гармаш и свекловод Мария Демченко, сталевар Михаил Привалов и проходчица Татьяна Федорова — герои юности нашей страны, родоначальники славного стахановского племени. На днях нам посчастливилось снова, во второй раз, приветствовать их в стенах редакции «Огонька» — читатель встречался с ветеранами гвардии рабочих и колхозников на страницах нашего журнала двенадцать лет назад (см. №№ 27 и 33 за 1972 год).

На этот раз в числе наших дорогих гостей и прямые наследники стахановцев первых пятилеток — представители новых поколений новаторов производства, высоко несущие знамя коммунистических идеалов. Свершения многих из них отмечены высочайшими наградами Родины и всенародным признанием,— они избраны депутатами Верховного Совета СССР.

Мы пригласили также победителей социалистического соревнования коллективов рабочих и строителей на призы журнала «Огонек» БАМа, КамАЗа, «Атоммаша», Оренбургского газоперерабатывающего комплекса.

Взволнованные рассказы участников этой встречи — в них перекличка поколений — будут опубликованы в «Огоньке».

На снимке: в первом ряду слева направо — главный сталеплавильщик «Союзметаллургпрома» Герой Социалистического Труда М. М. Привалов; заместитель начальника московского Метростроя, Герой Социалистического Труда Т. В. Федорова; агроном М. С. Демченко; доцент академии имени Тимирязева, Герой Социалистического Труда К. А. Борин; заместитель директора ЦНИИ

ЕХ ПОКОЛЕНИЙ В «ОГОНЬКЕ»

промышленности лубяных волокон Герой Социалистического Труда М. И. Виноградова; директор Рыбновского СПТУ Рязанской области Герой Социалистического Труда Д. М. Гармаш.

За ними, как дочери и сыновья, как внуки по духу и по масштабам содеянного (второй ряд, слева направо)— бригадир мостоотряда № 47 Главбамстроя кавалер ордена Дружбы народов Э. Г. Амирасланов; бригадир-механизатор совхоза имени Навои Узбекской ССР депутат Верховного Совета СССР К. Бойболаева; звеньевой чаеводческого совхоза Зугдидского района в Грузии, депутат Верховного Совета СССР, Герой Социалистического Труда В. Г. Меунаргия; ткачиха Ивановского камвольного комбината, член ЦК КПСС, член Президиума Верховного Совета РСФСР, дважды Герой Социалистического Труда В. Н. Голубева; начальник участка шахты «Трудовская» объединения «Донецкуголь» депутат Верховного Совета СССР, дважды Герой Социалистического Труда И. И. Стрельченко; прядильщица Ореховского хлопчатобумажного комбината Герой Социалистического Труда В. Е. Гиталова; трактористка совхоза «Харьковский» Кустанайской области, депутат Верховного Совета СССР, Герой Социалистического Труда К. Б. Доненбаева; (третий ряд, слева направо) сталевар завода «Электросталь», депутат Верховного Совета СССР А. Р. Коротеньков; главный агроном колхоза «Москва» Ферганской области депутат Верховного Совета СССР К. Худайбердыев; оператор свинокомплекса «Ширвинта» депутат Верховного Совета СССР, Герой Социалистического Труда В. И. Нарбунтене; машинист электровоза Свердловской железной дороги депутат Верховного Совета СССР В. М. Кузнецов; бригадир объединения «Ленинградский Металлический завод» член ЦК КПСС, депутат Верховного Совета РСФСР, дважды Герой Социалистического Труда В. С. Чичеров; первый секретарь Тындинского ГК КПСС Ю. А. Есаулков; секретарь Волгодонского ГК КПСС Р. В. Богданенко; бригадир штукатуров из Волгодонска депутат Верховного Совета СССР Е. В. Колабекова; бригадир Рогачевского райкомбината бытового обслуживания в Белоруссии депутат Верховного Совета СССР В. А. Баханцова; бригадир агрегатного завода КамАЗа кавалер ордена Трудового Красного Знамени А. А. Спирин; трактористка совхоза имени Амангельды Целиноградской области депутат Верховного Совета СССР Н. В. Геллерт.

Фото Л. Шерстенникова

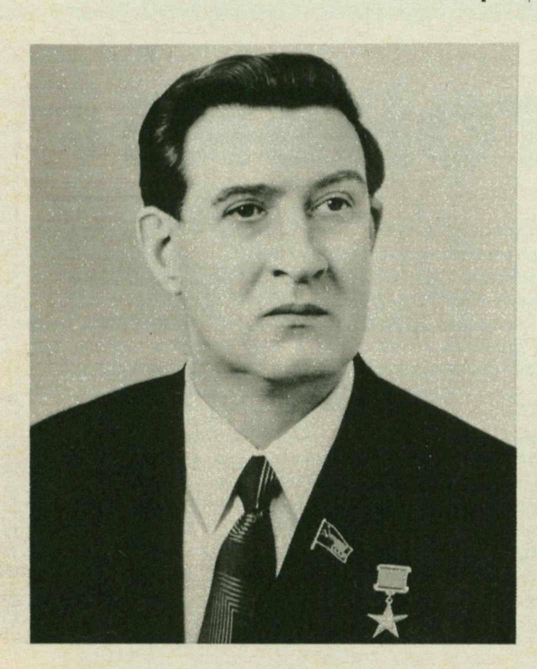
Москва, Кремль. 5 декабря 1984 года. Десятая сессия Верховного Совета РСФСР десятого созыва. Фото А. Гостева

Товарищу ДОЛГИХ Владимиру Ивановичу

Центральный Комитет КПСС, Президиум Верховного Совета СССР и Совет Министров СССР горячо поздравляют Вас в день Вашего шестидесятилетия.

Желаем Вам, Владимир Иванович, долгих лет жизни, доброго здоровья и дальнейшей плодотворной деятельности на благо нашей партии и советского народа, во имя торжества коммунизма.

Центральный Комитет КПСС **Президиум Верховного Совета СССР** **Совет Министров СССР**

УКАЗ
Президиума Верховного Совета СССР

О награждении Героя Социалистического Труда тов. Долгих В. И. орденом Ленина и второй золотой медалью «Серп и Молот»

За большие заслуги перед Коммунистической партией и Советским государством и в связи с шестидесятилетием со дня рождения наградить кандидата в члены Политбюро ЦК КПСС, секретаря ЦК КПСС Героя Социалистического Труда тов. **Долгих** Владимира Ивановича орденом **Ленина и второй золотой медалью «Серп и Молот».**

Председатель Президиума Верховного Совета СССР К. ЧЕРНЕНКО.

Секретарь Президиума Верховного Совета СССР Т. МЕНТЕШАШВИЛИ.

Москва, Кремль.
4 декабря 1984 г.

«ЗАСТАВА МОЛО

Так называется фильм, созданный недавно на киностудии «Казахфильм» (автор сценария О. Сулейменов, режиссер Ю. Пискунов, оператор Ю. Литвяков). Первые же кадры вводят нас в обстановку учений одного из подразделений Краснознаменного Восточного пограничного округа. А учения пограничников подчинены одной, но чрезвычайно важной задаче — не допустить нарушений государственной границы СССР.

Выходя в наряд, пограничник никогда не знает, что его ждет: пройдет ли одному ему известной тропой зверь или следом за ним проскользнет враг.

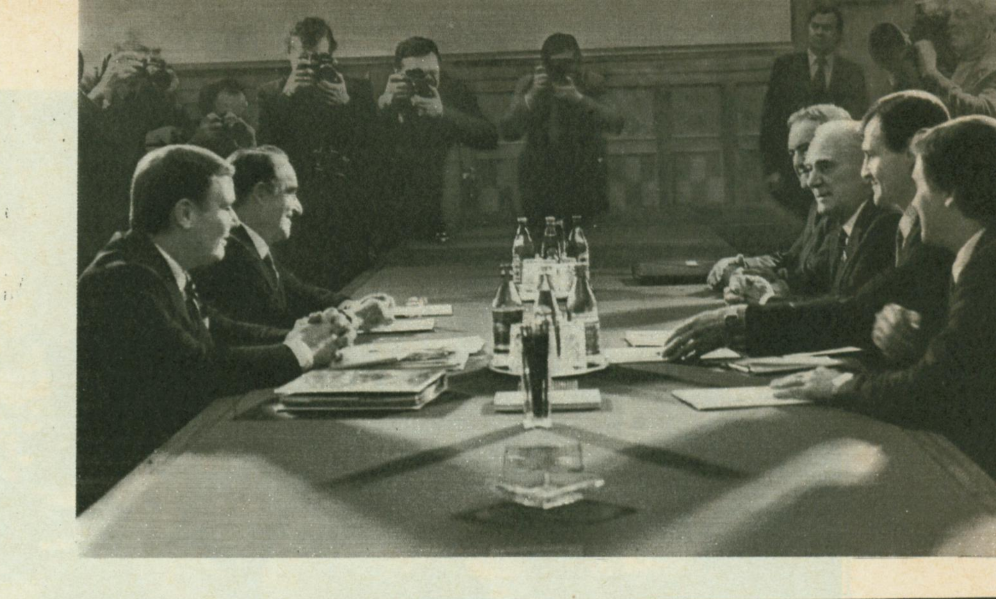
В истории заставы «Хоргос», о которой рассказывается в фильме, много героических страниц. Ведь с первых дней создания — а она была выставлена на окраине старинного аула 24 апреля 1924 года — бойцы заставы в самом прямом смысле слова сутками не вылезали из седла и не выпускали из

БЕСЕДА В КРЕМЛЕ

29 ноября Председатель Совета Министров СССР Н. А. Тихонов принял в Кремле видного представителя деловых кругов США, сопредседателя Американо-советского торгово-экономического совета (АСТЭС), председателя совета директоров фирмы «Арчер Дэниэлс мидленд» Д. Андреаса.

Состоялся обмен мнениями по вопросам советско-американских отношений, в частности о нынешнем состоянии и перспективах торгово-экономических связей между двумя странами. В этой связи было отмечено, что Советский Союз выступает за выравнивание двусторонних отношений с США, за поиск практических путей их развития на здоровой, взаимовыгодной основе. Такой подход, как подчеркнул Н. А. Тихонов, органически связан с принципиальной линией СССР на обуздание гонки вооружений, укрепление международной безопасности, на достижение действенных договоренностей по всему комплексу вопросов, касающихся ядерных и космических вооружений.

Д. Андреас высказался в пользу улучшения отношений между СССР и США, в том числе в торгово-экономической области. Он выразил признательность Советскому правительству за постоянное внимание к работе АСТЭС.

На снимке: во время беседы.
Фото А. Гостева

ОРДЕН КОМБИНАТУ

За большие заслуги в развитии черной металлургии, успешное выполнение производственных заданий и социалистических обязательств коллектив Новолипецкого металлургического комбината имени Ю. В. Андропова удостоен ордена Октябрьской Революции.

30 ноября в Липецке состоялось торжественное собрание представителей трудящихся, партийных, советских и общественных организаций, ветеранов войны и труда, посвященное вручению награды.

На снимке: кандидат в члены Политбюро ЦК КПСС, секретарь ЦК КПСС В. И. Долгих вручает награду.
Телефото ТАСС

ДОСТИ»

рук клинка. Больные, измученные, а то и раненые пограничники насмерть рубились с недобитыми белогвардейцами и байскими сынками. Бывали случаи, когда пограничники впятером выходили против ста отлично вооруженных басмачей. Представить трудно, что при таком соотношении сил можно победить. Но советские пограничники побеждали!

И вот на эту заставу пришел служить пограничник Константин Черненко. В первых же схватках с бандитами молодой боец проявил отвагу и мужество. А на охрану границы он всегда ездил старшим пограннаряда. Вскоре сослуживцы единогласно избрали Константина Черненко секретарем партийной организации заставы, в феврале 1932 года — делегатом партийной конференции погранотряда.

Об этом периоде жизни К. У. Черненко в фильме подробно рассказывают его сослуживцы и боевые товарищи: старший охотинспектор Г. А. Конев, председатель колхоза «40 лет Октября» Н. Н. Головацкий и ветеран П. Н. Фетисов.

Товарищ К. У. Черненко никогда не забывал своего погранотряда и родной заставы. В мае 1978 года, поздравляя отряд с награждением орденом Красного Знамени, К. У. Черненко писал о том, что при первой же возможности мечтает побывать в отряде. Эта мечта сбылась в августе 1979 года. Именно тогда, выступая в районном Доме культуры, товарищ К. У. Черненко нарисовал образ воина-пограничника: «Товарищи, каким сохранился в моей памяти воин-пограничник? Прежде всего это идейно убежденный боец за справедливое ленинское дело, это храбрый и смелый человек, умеющий ориентироваться в любой обстановке, в любых условиях, человек, твердо определивший свои жизненные позиции, свои идеалы и готовый грудью встать на защиту нашего Отечества».

В мае этого года мне довелось побывать на заставе «Хоргос». Я видел, какой насыщенной жизнью живут пограничники, видел, как в любое время суток и в любую погоду вскакивают они по тревоге, как мотаются на машине по степи, как карабкаются по барханам, перебираются через бурные реки...

Об этой нелегкой и полной опасностей службе в фильме тоже немало кадров. И главный вывод, который делаешь, расставаясь с героями фильма, звучит однозначно: нынешние часовые границы, воспитанные на славных традициях отцов и дедов,— это действительно храбрые и смелые люди, готовые грудью встать на защиту нашего Отечества.

Б. СОПЕЛЬНЯК

Делегаты партийной конференции (20—21 февраля 1932 года).
В верхнем ряду второй справа — Константин Устинович Черненко.

Товарищи по работе поздравляют Лидию Ивановну Курс: ей присвоена Государственная премия СССР за 1984 год.

Фото М. Савина

Радость — в заботах

А. ЩЕРБАКОВ

Она не любит наряжаться, хотя знаёт, что ей очень к лицу парадный вишневый костюм. Бывают дни, когда его приходится надевать. Она подходит к зеркалу и всякий раз будто впервые разглядывает награды — ордена Ленина и Трудового Красного Знамени, золотую, серебряную и бронзовые медали ВДНХ. «Не подумают, что чересчур хвастаюсь?» Вопрос пугает ее своей назойливостью. Ответ успокаивает: «Нет, конечно. Не похожа ведь я на тех, кто гоняется за славой!» И все-таки вопрос: «Не подумают ли, что хвастаюсь?»— никак не исчезает. Отчасти поэтому любимый костюм больше висит в гардеробе.

Только отчасти. А в основном-то потому, что крестьянская жизнь заполнена — полнее некуда!— бесконечной, всепоглощающей работой. Даже в праздники не бросишь дела. Вот и выходит, что наряды нужны совсем редко. Это, впрочем, нисколько не угнетает. Наоборот, приучает находить радость в заботах; чуть отдвинутся они, уже не хватает чего-то, скучно без хлопот. И так, считай, с детства. Особенно когда детство такое, как у нее, у Лидии Ивановны Курс.

...Отец ушел воевать в сорок первом. И не вернулся. Только много времени спустя неловко протянутое почтальоншей письмо сообщило семье: пропал без вести. Семья — мать и две девочки — коротала в оккупированной гитлеровцами Белоруссии жуткие тягучие дни, все время ожидая худшего. Худшее случилось в начале лета в сорок третьем. К ним в Солтаново приехали каратели, собрали всех жителей и объявили, что за связь с партизанами деревня приговорена к сожжению. Если, добавили, во время пожара взорвется хоть один патрон, всех поголовно тут же расстреляют.

Люди смотрели на пожар и ждали своей участи. Хаты сгорели тихо. Тогда жителей угнали в Речицу, там погрузили в эшелон и увезли в Германию: рейх остро нуждался в рабочей силе.

Лиде шел девятый год, Наде исполнилось шесть. Они не понимали тогда, что такое рабский труд. Слышали по ночам, как стонала и плакала мать, и терпеливо ждали, когда их отвезут обратно домой. Ждали и верили, что стоит, как и стояла, в живом Солтанове ихняя хата, что ждет их там отец, что вечером, как всегда, вернется из стада добрая, доверчивая Манька и отдаст матери теплое, ароматное молоко...

Они вернулись на родное пепелище в сорок шестом году. Несколько лет жили в землянке. Лида после семилетки пошла работать. Потом поступила в Речицкое профтехучилище — тогда много писали о девчатах-механизаторах, и в профессии трактористки виделись ей и загадочная новь, и романтика, и какая-то заманчивая необычность судьбы.

Выпуск должен был ехать на целину. Однако Лида осталась: заболела мать, и некому оказалось держать дом. Да и ничего не получилось с трактором. Не нашла в нем Лида друга... Попросилась на ферму.

В «Демехах» тогда еще не было комплекса по откорму крупного рогатого скота, но откормом занимались. Лиду поставили кормачом, поручили ухаживать за быками. Лида поначалу боялась их, норовистых, упрямых. «Но не могут же они не понять, что я забочусь о них?! Злом же на добро не отвечают!» Случалось, не понимали. Она отчаивалась, плакала, а все равно шла к ним, разговаривала с ними, возилась — доказывала, что им без нее плохо.

В 1972 году в совхозе появился откормочный комплекс. Сперва на три тысячи голов, потом — еще на три. Лидию Ивановну перевели туда. К тому времени она считалась опытной и авторитетной. Сама тоже так думала, пока не очутилась на новом месте и не убедилась, что постигать нужно чуть ли не все сначала. Во-первых, двести пятьдесят, а то и триста бычков на твоем попечении — это совсем не то, что восемьдесят или сто. Во-вторых, круто изменились условия. Почти все механизировано, усовершенствована технология кормления, содержания. А коль иные условия, иные и требования. Если б на старой ферме сказали, что минимум суточного привеса 900 граммов, вряд ли кто поверил бы, что такое реально. А тут 900 граммов — отправной показатель, а приемлемый ориентир — килограмм. Так что прежний опыт кормача годился как таблица умножения берущемуся за высшую математику. Как хорошо, что в «Демехи» приехал главным зоотехником Виталий Николаевич Пищалов.

Настоящий специалист! Окончил институт, работал зоотехником на племзаводе, поступил в аспирантуру, однако же не с тем, чтоб, «остепенившись», подыскать место в научном учреждении, а чтоб отдавать накопленное практике. Самому. Каждый день. В 81-м защитил кандидатскую диссертацию, а в 82-м оформился в совхоз.

Сразу взялся за учебу животноводов. Он быстро нашел общий язык с животноводами, добился самого, пожалуй, необходимого и важного: операторы (так солидно теперь зовут кормачей!) потянулись к зоотехнике. Без понуканий, без административного, как выражаются, воздействия. У операторов четкий график рабочих часов, два выходных дня в неделю.

В стаде Лидии Ивановны средний привес быка за сутки в течение трех лет — килограмм и 18 граммов, у Тамары Ивановны Браницкой — килограмм и 12 граммов, такой же у Анны Ивановны Рабковой; у Марии Григорьевны Ласица — килограмм и 11 граммов...

Как трудно они даются, эти граммы! Если б можно было обойтись наукой да опытом! Нет ведь! Существует еще отношение к делу.

... Можно ли придумать клички двумстам шестидесяти шести быкам? Не придумаешь. Не хватит фантазии! А как же животному быть безымянным? Лидия Ивановна зовет их всех «Мишки». Всех знает. По привычкам, капризам, повадкам. Этот крупнолобый любит, когда она гладит его белые завитки между рогами, тот, наоборот, не терпит никаких нежностей, а его сосед — взрослый, но ведет себя, как маленький телок,— все норовит поймать губами ее теплые пальцы... Этот нынче зол на весь свет и, чтоб о том знали, взял и лег поперек настила — пускай остальные плющат друг другу бока. Сообрази, как его образумить, чтоб не вызвать ссоры... Кто-то из них плохо ест, кто-то сильно возбужден — того и гляди оборвет цепь... Если думать только о граммах привеса, тогда нечего делать в животноводстве. Так понимает свое назначение Лидия Ивановна, так ему служит лауреат Государственной премии СССР 1984 года.

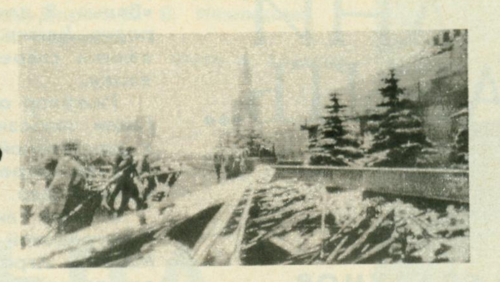
Сегодня она опять задержалась у своих бычков. Одного перевела и привязала с краю — надо сыпать ему побольше концентратов, что-то не нравится ей, как он набирает вес; двоим переделала ошейники: заметила, что беспокоятся, как бы не повредили шеи; забежала к ветеринару по поводу выбраковки; встретила парторга:

— Владимир Георгиевич, насчет строительства кормоцеха ничего не слыхать? На октябрьском Пленуме ЦК вон как громко говорилось о том, что все до ума доводить надо, а у нас комплекс без кормоцеха сдали, и пляшем теперь с вилами между кормушек... Может, мне, как члену райкома партии, в область или в республику обратиться?

...Дорога домой. Хоженная-перехоженная. Мимо школы, где училась, где учились ее Валерий и Саша, где сейчас в десятом (не заметила, как вырос младший) Андрей. Собирается он в техникум, нравится ему специальность механика по автомобилям. Уедет, и она останется одна. Конечно, что-то изменится. А как иначе — жизнь ведь не остановишь. Привыкла к тому, что живет в Гомеле средний, привыкает к тому, что отселился старший, и Андрея проводит, привыкнет. Лишь бы заботы остались с нею. Ухаживать за коровой, кормить цыплят, топить печку; засыпая, слушать, надежно ли тикает будильник: утром рано бежать на комплекс, не проспать бы... И еще думать о днях, когда сыновья станут собираться в ее доме и будет повод надеть вишневый костюм, который ей очень к лицу.

Речицкий район,
Гомельская область.

УЧАСТНИКИ ПАРАДА ПОБЕДЫ, ОТЗОВИТЕСЬ!

Я ВОЕВАЛ В РАЗВЕДКЕ

В архиве 1-й стрелковой дивизии сохранилась дивизионная газета «Кутузовец». В статье «Мастер разведки», опубликованной 15 мая 1945 года, говорится: «За время войны коммунист Репкин захватил семнадцать «языков». Действуя в группах, взял сто тридцать вражеских солдат и офицеров, уничтожил свыше ста пятидесяти фашистов... Боевой путь Репкина начался у стен нашей столицы, пролег через Великие Луки, Невель, Сарны, Брест, Данциг и закончился в цитадели немецкого фашизма — Берлине». В следующем номере помещен снимок боевых друзей из 1-й отдельной разведывательной роты дивизии, провожающих меня в Москву для участия в Параде Победы. На моем мундире — ордена Славы I, II, III степени, Красного Знамени, Красной Звезды, две медали «За отвагу» и другие награды.

...В период подготовки к наступлению в районе города Невель командир 1-й стрелковой дивизии принял решение: чтобы отвлечь силы гитлеровцев от места нанесения главного удара, заслать в тыл противника на вспомогательном направлении группу бойцов из числа дивизионных разведчиков.

С наступлением темноты мы преодолели первую полосу обороны противника. Шли всю ночь. Звуки артиллерийской канонады стали еле слышны. Уже занималась заря, когда послышался звук паровозного гудка, а затем стук колес.

Мы подобрались вплотную к мосту и залегли, ожидая возвращения часовых. Послышалась немецкая речь. Мы приготовили финки. Стремительный прыжок — и оба фашиста, не издав ни звука, рухнули. Подбежали остальные разведчики и быстро приладили к мосту взрывчатку.

Из-за леса послышались звуки приближающегося эшелона. Когда паровоз достиг середины моста, раздался взрыв. Оказалось, это был эшелон с войсками и боевой техникой.

Все разведчики за эту операцию были награждены. Я получил орден Славы III степени.

...В ночь на 19 января 1944 года непрерывно шел дождь со снегом. Группа разведчиков под командованием лейтенанта Алимбаева совершала рейд в тыл врага с целью вскрыть систему вражеской обороны на направлении наступления дивизии. Вдруг ночную тишину разрезала очередь станкового пулемета.

Мы решили напасть на расчет только что стрелявшего станкового пулемета. Для захвата «языка» поползли Глухов и я. Всего несколько метров отделяло нас от блиндажа. Через несколько минут оттуда вышел гитлеровец и направился в нашу сторону. Когда он приблизился, я бросился вперед и сильным ударом ножа прикончил его. Глухов тотчас метнулся в блиндаж и крикнул: «Хенде хох!»

Пленный показал, что перед нами 4-я танковая армия, указал на карте расположение резервов, огневые позиции артиллерии, минометов и запасные рубежи.

За выполнение этого задания я был награжден орденом Славы II степени.

В период подготовки прорыва сильно укрепленной обороны врага в районе Бреста нас, разведчиков, забросили во вражеский тыл для изучения передислокации войск. В полночь вышли к шоссе.

— Здесь будем изучать движение вражеских войск,— распорядился капитан Тимофеев.

Разбив разведчиков на две группы, он каждой поставил задачу. Одну группу возглавил я, другую — младший лейтенант Васин. Целый день мы провели вблизи дороги, подсчитывая количество войск, идущих в сторону фронта и в тыл. Под вечер показалась еще одна колонна, двигавшаяся к фронту.

Рядом со мной лежал Анатолий Калинец. Притаились. Вскоре в десятке метров от нас прошли три офицера, затем показалась колонна. Гитлеровцы шли, ничего не опасаясь, с автоматами за спиной, курили, громко разговаривали. Из обрывочных фраз Калинец, знавший немецкий язык, понял, что из глубокого тыла идет маршевая рота.

— Только одна рота?— переспросил я Анатолия.

Анатолий подтвердил. «Одна рота,— подумал я.— А у нас двенадцать автоматов плюс внезапность. А сколько эти немцы бед натворят там, на переднем крае!» Прошел первый взвод, второй. Приближался третий.

— Рискнем?— предложил я и подал команду «Огонь!».

Две длинные автоматные очереди прошили колонну. Почти одновременно с противоположной обочины раздались еще две автоматные очереди, а затем две очереди наших дозорных, идущих по пятам врага. Колонна дрогнула... Через несколько секунд открыла огонь группа Васина.

Всего пять минут продолжался бой. Уничтожив около семидесяти вражеских солдат и офицеров, разведчики группами стали отходить к месту дневки. Гитлеровцы, успевшие укрыться в кюветах, открыли огонь. Но никто из них не пытался нас преследовать.

В последующих боях мне еще не раз приходилось ходить в тыл врага. В одном из боевых донесений есть такая запись: «Командир отделения сержант Репкин в операции по захвату контрольного пленного проявил высокое воинское мастерство и исключительную отвагу. При нападении фашиста на лейтенанта Алимбаева Репкин бросился на помощь офицеру. Ударом автомата по голове он оглушил гитлеровца, а затем пленил». Вскоре я стал полным кавалером ордена Славы.

Сейчас я работаю бригадиром в Вязниковском ремонтно-строительном управлении, являюсь членом горкома партии, председателем группы народного контроля управления. Мне часто доводится выступать перед молодежью, и это общение радует. Ведь ради счастья сегодняшнего поколения мы сражались с фашизмом и победили.

Г. РЕПКИН

Вязники.

ЭСТАФЕТА ПОДВИГА

Для меня путь к Параду Победы начался с заснеженных полей Подмосковья, а потом шел через Польшу, Германию до самой Эльбы. В декабре 1941 года наша 45-я стрелковая бригада из Сибири прибыла под Наро-Фоминск, где и приняла боевое крещение. Когда мы перешли в контрнаступление, в освобожденных населенных пунктах видели радость и слезы советских людей, познавших фашистский «новый порядок». Мы видели горы немецкой военной техники и оружия, видели наших замученных воинов, попавших в плен к фашистам.

В одном из боев расчет нашего орудия уничтожил три вражеских дзота. Я был удостоен первой награды — медали «За боевые заслуги». Потом я воевал в Белоруссии, форсировал Днепр, Одер, сражался под Берлином.

В мае 1945 года меня вызвал командир дивизии и сказал, что я поеду в Москву на Парад Победы.

С волнением вспоминаю, как встречали нас москвичи!

Утром 24 июня наш сводный полк 2-го Белорусского фронта прибыл на Красную площадь. Жаль, подвела погода — шел мелкий дождь. Но настроение у всех было прекрасное. Прибавило гордости и радости то, что парадом командовал командующий нашим 2-м Белорусским фронтом Маршал Советского Союза К. К. Рокоссовский.

После парада мы, группа офицеров сводного полка, сфотографировались на память (я стою во втором ряду в центре).

Обращаясь к нашему молодому поколению от имени участников Парада Победы, выражаю уверенность в том, что советские воины, принявшие от нас эстафету, надежно охраняют и будут охранять мирный труд советского народа. А маньякам, объявившим «крестовый поход» против нашей страны, следует помнить май 1945 года... А то как бы и их штандарты не нашли свое позорное место рядом с фашистскими.

Г. ЛАЗАРЕНКО

Киев.

ЭТИ ДНИ НЕ ЗАБЫТЬ...

Илья ГЛАЗУНОВ, народный художник СССР

Сентябрь 1973 года. Прозрачные краски московской осени. Неяркая лазурь высокого неба. Несколько часов полета, и мы в Дели. Густое марево выгоревшего за знойное лето небосвода. Пыльная зелень. На улицах ярчайшая толпа в пестрых одеяниях. Башни бетонных небоскребов, а рядом карлики-лавчонки с золотою парчой, бронзовыми статуэтками Будды, ювелирными изделиями. Запомнился ларек с фольклорными лубками, рисующими легендарную историю Рамы и других героев индийского эпоса. Невольно возникает в памяти «Хождение за три моря» русского путешественника Афанасия Никитина. Современная столица Индии полна контрастов. Роскошные «кадиллаки», и полуголые дервиши, заклинатели змей. Возвышаясь над толпой, словно гора, бредет слон. На его спине, как на троне, в белоснежном тюрбане седовласый старик.

Вечером загораются анилиновые огни реклам кино, ресторанов, кафе. В воздухе витает дурманящий запах пряностей. Причудливые, наполненные гулкой тишиной и неожиданной свежестью прохлады древние храмы. В них царит безмолвие вечности.

Вспоминаю первую встречу с Индирой Ганди. Резиденция — дом с белой колоннадой. В светлом сари, стройная, смуглая. Поражали белая прядь волос, идущая ото лба, и темно-карие глаза, внимательные и в то же время будто ушедшие в себя. Индира Ганди встретила нас приветливо. Заинтересованно расспросила о первых впечатлениях. Узнала, сколько необходимо сеансов для написания портрета и как длительны они будут. Мы вместе выбрали ее любимое оранжево-пурпурное, золотистое сари. Премьер-министр высказала пожелание, чтобы в портрете присутствовал элемент символики, характерный для ее родины. Предложила включить в композицию цветок лотоса как образ души Индии.

Мне представился ее портрет — в огненном сари, глубокое бирюзовое небо с плывущей громадой облаков, и на горизонте горы Кашмира. Именно в тех краях родилась Индира Ганди.

На следующий день начались сеансы. Уже через три дня Индира Ганди выразила желание показать начатое полотно и работу над ним по индийскому телевидению...

Сеансы продолжались. Я вспомнил эпоху великого переселения народов, память о котором сохранили древнейшие сказания человечества «Веды». Я давно интересовался происхождением индоевропейских народов. Ближе всех к санскриту — языку древней Индии — по исследованиям современных языковедов стоят старославянский и литовский языки.

Разговор об этих общих корнях продолжался не один день. Индира Ганди любезно преподнесла мне на память четыре книги «Веды» с дарственной надписью. Это четыре тома в строгих красных переплетах, где сосредоточена великая мудрость предков, я храню их как бесценный дар.

Индира Ганди советовала мне и моей жене — Нине Александровне Виноградовой-Бенуа — посетить жемчужину Индии — мавзолей Тадж-Махал в Агре. Вспоминаю нашу поездку в этот город. Лунный свет рисовал тончайшее мраморное кружево величественного сооружения, поистине одного из чудес света. Помню, как мраморный мавзолей, словно корабль, плыл по ночному глубокому небу, полному сияния южных созвездий, отраженных в недвижных водах мраморных водоемов. Кругом тишина и мерцание многих свечей в руках людей, пришедших поклониться этому диву.

...Мертвый город. Столица Акбара. Гигантские скелеты деревьев и спящие горбатые, зловещие силуэты грифов. По ветвям сновали шустрые обезьяны. Бродили прелестные павлины с радужными хвостами. Дворец Акбара состоял как бы из двух половин. Меня поразило, что в одной из частей дворца декор окон, сам строй архитектурных форм напомнил Древнюю Русь.

Позже я посетил музей Джавахарлала Неру, чтобы собрать материал для портрета, который меня попросила исполнить его дочь Индира Ганди.

Не могу не вспомнить...

1955 год. Я был студентом. Работал над копией Веронезе «Поклонение волхвов» в Эрмитаже. Вдруг внезапно увидел проходящего по залу Неру со свитой. Он был одет во всем белом, в белой маленькой шапочке. У него на груди пылала алая гвоздика. В ту пору на меня произвела необычайно глубокое впечатление его книга «Открытие Индии», полная мудрых обобщений, исторического осмысления жизни страны и ее грядущего.

Именно тогда запечатлелся образ одного из ярчайших представителей нашего времени. Это бесконечно помогало мне при создании портрета Джавахарлала Неру, который позже был преподнесен в дар Индии.

...За двенадцать дней мне удалось окончить большой портрет (в рост) Индиры Ганди. Он получил высокую оценку в прессе, его неоднократно показывали по телевидению. Для меня как советского художника явилась необычайно приятной высокая оценка полотна самой Индирой Ганди.

Портрет был преподнесен Советским правительством в дар дружескому государству Индии. Ныне он экспонируется в музее искусства Нью-Дели. Для меня было большой честью получить за эту работу премию Джавахарлала Неру.

В моей душе навсегда остался образ прекрасной Индии, которую я полюбил всем сердцем художника. Я не забуду дни встреч с Индирой Ганди, великой дочерью своего народа.

Анатолий ПАРПАРА

ИНДИИ

I

Уже соединен с твоей судьбой,
Я волновался в ожиданье встречи...
И вот душистою гирляндою
увенчан,
Как друг был принят, Индия,
тобой.
Благодарю душой за добрый знак!
Входя под лазуритовые своды,
Желаю счастья всем твоим
народам.
Да будет так!

II

Бесконечные просторы
Солнцем выжженной земли,
На которой наши взоры
Травы редкие нашли.
Беспредельные равнины,
Где случаен водоем.
Буйволов крутые спины
Пятнами чернеют в нем.
Необъятные пространства,
Где в раскованных умах
Родилась идея братства,
Чтоб взойти в иных краях.
Степь безмерная, в которой
Узнается без труда
Близкое моим просторам
И родное навсегда.

III

Субраманье Баради

Спасибо, поэт Тамилнада,
За мысль, что пронзила предел:
Глубинную суть Петрограда
Ты первым в стране разглядел.
И сердцем гордясь за свободу,
Предчувствуя свой идеал,
Ты в честь революции оду
В глубоких стихах написал.

Спасибо, поэт Субраманья,
Что в горький, безжалостный час
Любовь не отдал на закланье
И честь оскорбленную спас.
Ты понял, как в Новой России
Сердца кровоточат от ран.
В защиту ее — огневые
Слова в «Судесамиттеран».

Спасибо, поэт, за доверье,
За мужество, полное сил.
Ты первый в грядущее двери
Волшебным «Сезам!» отворил.
Ты, Баради, в песне крылатой
К свободе страну призывал
И первым великим Махатмой
Великого Ганди назвал.

Спасибо, поэт! Нет чудесней
Судьбы твоей светлой строки.
Нет малых поэтов!
Лишь песни
Поэтов бывают мелки.
Идешь ты широкой планетой,
Шаги, как и прежде, легки.
Нет малых народов,
Поэты
Которых, как ты, велики!

IV

Под Агрой есть старинный город.
Прекрасен, но безлюден он.
Лишь тенями давно ушедших
Тот красный город населен.
Пройдя сквозь старые ворота,
Я, красотою поражен,
Застыл на миг,
Затем невольно
Взглянул на синий небосклон.
И... видно, облако виною!—
Вдали видение встает:
Пустыня...
Властный шах, вельможи...
И стражей согнанный народ.
Нетерпеливый жест владыки —
И тысячи простых людей,
Как муравьи среди пустыни,
Ему возводят мавзолей,
Гигантские подъемлют стены,
Врагу бойницами грозя,
И минарет встает над ними,
Чист, как народная слеза.
Всесилен разум человека,
Тверда строителя рука...
И вот уже синеет море,
Рассчитанное на века.
Ликуют трубы властелина.
Ему покорны все и вся.
Он даже небу угрожает,
А небу угрожать нельзя.
Забыл владыка поднебесной
В гордыне царственной своей,
Что он лишь прах.
Что город создан
Усилием простых людей.
Самум — горячий бич пустыни —
Беспрерывно, день за днем,
Бьет по стенам и осушает
Воды запасы жадным ртом.
От жаркого его дыханья
Живому некуда спастись.
И затихает, задыхаясь,
Столицы шахиншахской жизнь...

Под Агрой есть старинный город.
Прекрасен, но безлюден он.
Лишь тенями давно ушедших
Тот красный город населен.
Но, возвышаясь над веками,
Он утверждает сам собой,
Что тщетна власть,
Что труд всесилен,
Когда оплачен он судьбой.
И я, сын северных раздолий,
Я, написавший этот стих,
Шепчу не имя шахиншаха,
А имена мастеровых.

V

Земля земель,
Религий многих мать,
Тебе пришлось
Немало пострадать.
Твои враги,
Решимости полны,
Раскалывали
Целостность страны.
«Нельзя сломить —
Давай разъединять!
Разъединяя,
легче покорять».
И все ж, горя
Желанием одним,
Твои народы
Не поддались им.
Болея сердцем
За твою судьбу,
Махатма Ганди
Завершил борьбу
С врагами родины.
И сброшен гнет.
И родина —
Свободная — живет...

Субраманья Баради — выдающийся тамильский поэт, друг Советской России.

НАБАТ БУХЕНВАЛЬДА

Бывшие узники концлагеря Бухенвальд-Дора А. В. Иваницкий и Р. М. Корнеев.

Фото А. Гостева

Сколько их было? Сотни тысяч, прошедшие через ад Бухенвальда. Для одних с Бухенвальдом было покончено сразу же, на плацу: дуло пистолета, приставленное к затылку; для других, оставшихся в живых, это ужас на всю оставшуюся жизнь. Сорок лет для истории — мгновение, а для человеческой жизни?

Все эти сорок лет набат Бухенвальда звучит в сердцах этих людей, будит по ночам, холодным потом пробиваясь наружу, напоминает и предупреждает. Да, они ничего не забыли. И они не хотят, чтобы люди забыли о преступлениях фашистских извергов.

Об этом говорили участники состоявшегося в Москве заседания Генерального совета Международного комитета бывших узников фашистского концлагеря Бухенвальд-Дора (МКБД).

Роман Максимович Корнеев на заседание Генерального совета пришел со своим другом Андреем Васильевичем Иваницким. Вместе они были в Бухенвальде и верны дружбе, родившейся в те суровые годы, до сих пор. Эти люди скупы на воспоминания, целая жизнь умещается в нескольких словах.

Роман Максимович КОРНЕЕВ:

— В начале войны добровольцем пошел на фронт. Под Вязьмой попал в плен, бежал, скрывался в лесах Западной Белоруссии. Был арестован гестапо в Минске и отправлен в Германию, бежал, снова был схвачен. Бросили в Освенцим. Шесть крематориев и газовые камеры работали там день и ночь. Затем Бухенвальд и Дора. Дора хоть и считался филиалом Бухенвальда, но, в сущности, это был самостоятельный концлагерь. Там создавались ФАУ-1 и ФАУ-2, оружие возмездия, как называли его фашисты. В деле каждого узника Доры стоял гриф «носитель секрета», то есть в любом случае каждый из нас подлежал уничтожению. После неудавшегося восстания в Доре часть узников фашисты замуровали в штольне, а часть вывезли на север Германии, чтобы погрузить на баржи и утопить. Но когда наши эшелоны подогнали к Гамбургу, город уже был занят союзниками. Тогда всех загнали в армейские казармы в небольшом немецком городке. Нас было 35—40 тысяч. В течение месяца не кормили, и от голода умерло больше половины. Освободили нас союзные войска и на Эльбе передали советскому командованию. После этого я служил в армии и в 1946 году демобилизовался.

Андрей Васильевич ИВАНИЦКИЙ:

— Сразу же по прибытии в Бухенвальд устроили экзекуцию. Мне отбили легкие и направили в больничный барак. Спасли меня подпольщики, заменили мой номер смертника и фамилию, и стал я Михаилом Гришиным. Я всегда старался поддержать упавших духом. Рассказывал товарищам прочитанные мной до войны книги, особенно часто — роман Николая Островского «Как закалялась сталь». Был там у меня товарищ украинец Николай Липа. Он сочинял стихи, был членом подпольной организации. Вместе с ним мы устраивали импровизированные концерты, пели песни, читали стихи. Восстание 11 апреля 1945 года было для немцев неожиданным. Истощенные, измученные люди, полные ненависти к врагу, напали на хорошо вооруженных охранников. Подпольный комитет тайно собрал несколько револьверов, но этого было достаточно, чтобы не только сопротивляться, но и перебить и разогнать охрану. Какое было ликование, даже трудно передать. Американцы появились только через два дня. А надо сказать, что подпольная организация подавала сигналы бедствия. Позже мы узнали, что американцы приняли эту радиограмму, но на помощь идти не торопились, обошли Бухенвальд стороной.

Сейчас для нас важно, чтобы молодое поколение не забывало о войне и хоть чуточку смогло представить, что она несет людям. Для этого я уже много лет веду переписку со многими школами Советского Союза. А всего у меня 468 адресатов...

С **Клаусом ТРОСТОРФОМ** из ГДР мы разговорились в кулуарах. Он из немецкой антифашистской семьи. В 1943 году был арестован за «антигосударственную деятельность» и направлен в Бухенвальд. В его документах было отмечено, что он должен был подвергнут особому наказанию: «...подлежит заключению в лагере для советских военнопленных». Там было особенно невыносимо...

— Как же палачи ошиблись,— говорит Тросторф,— для меня это не было наказанием. Тут я нашел новых и верных друзей на всю жизнь, и это было моей проверкой на прочность.

...40 лет назад с войной, казалось, было покончено навсегда. Казалось, ужасам войны и их порождению — концлагерям никогда не суждено повториться. Однако сейчас вновь во многих точках земного шара льется кровь ни в чем не повинных людей, в странах Запада поднимают голову неонацисты, в ряде стран Западной Европы размещаются американские крылатые ракеты. Все люди доброй воли должны сплотить свои ряды, употребить всю свою энергию, чтобы избежать непоправимого, чтобы ужасающие печи Бухенвальда не нашли нового воплощения в виде чудовищной термоядерной печи, способной поглотить все человечество. Об этом предупреждает бухенвальдский набат.

Заседание Генерального совета МКБД проходило два дня. Делегаты 11 национальных ассоциаций обсудили вопросы, связанные с подготовкой к празднованию 40-й годовщины Победы над фашистской Германией и 40-летию восстания узников Бухенвальда и их освобождения. Президент Международного комитета МКБД **П. ДЮРАН**, обращаясь к делегатам, заявил, что в наши дни определенные силы на Западе стремятся обелить фашистскую нечисть. Для этого они стремятся очернить бывших узников Бухенвальда, дискредитировать их борьбу. Эта клеветническая кампания идет в то время, когда бывшие палачи легально собираются на свои сборища в различных городах ФРГ.

— Тогда, сорок лет назад, мы, узники Бухенвальда, поклялись неустанно бороться за мир, за дружбу между народами,— сказал П. Дюран.— В наше время с появлением ядерных арсеналов война изменила свою природу. В последней мировой войне погибло 50 миллионов человек, а атомная война будет стоить жизни всему человечеству. Так что, если мы не уничтожим войну, война уничтожит нас. Мы, те, кто выжил, мы представляем собой память человечества, и потому мы имеем право и обязаны призывать всех людей в мире услышать нас. Мы имеем право и обязаны сказать, что война не является неизбежной, что атомная война должна миновать нашу планету.

В. ДУНАЕВ

Идет заседание Генерального совета Международного комитета Бухенвальд-Дора.

АЛЕКСАНДР САМОХВАЛОВ

Ольга НЕМИРОВСКАЯ

Радуга — дуга радости... Когда-то маленький мальчик услышал красивую легенду и побежал за веселым переливающимся семицветьем, чтобы взять от него маленький кусочек, и любоваться, и быть рядом с этим чудом постоянно. Но оно, как водится, ускользало, а он все пытался и пытался догнать, пока не понял, что частицы волшебной красоты находятся повсюду, вокруг, и не только в сверкающих на солнце каплях дождя, на изгибе косы в лугах в сенокосную пору или в алмазном блеске утренней росы. Надо лишь суметь их увидеть.

Он всю жизнь шел за радугой в своем творчестве, открывая для искусства, для зрителей новые, не виданные прежде образы. Он приблизился к ней и в тот час, когда на Печатном дворе в Ленинграде увидел будущих героев своих полотен. Здесь в двадцатые годы печатались его агитационные плакаты, и здесь, в цехах, Самохвалов обратил внимание на поразившую его однажды женщину с напильником в руках. Она стояла, тяжело задумавшись, и художник подумал, что она, возможно, заменяет у станка мужа, взявшего оружие, чтобы защищать социалистическое отечество. В ее простом и суровом облике, в характере, спокойном и сильном, жило само время.

Придя домой, он тут же по памяти написал ее. А вслед за этим создал еще несколько изображений, возведя своих современниц в ряд народных образов русских женщин. Среди них — молодая работница с лицом крестьянской мадонны и глубокой печалью в глазах, будто с траурным убором на голове: она приехала в город с пепелища родного дома, сожженного белыми. И «На страже Родины» —комсомолка в надвинутой на лоб красной косынке, с винтовкой за плечами, а рядом, прижавшись, хрупкий беленький ребенок, жизнь и счастье которого она готова отстоять.

В лицах его героинь еще тревога и напряжение — отсвет непростой и нелегкой судьбы, и всегда решимость, независимость, твердость. Он увидел в них черты свободной, незаурядной личности, поднявшейся над суетою быта, живущей делами своего народа, своей страны. Этими полотнами Александр Николаевич Самохвалов начал свою тему, в прекрасных по живописи холстах утвердив высокое достоинство и романтику советской женщины-труженицы.

Всей своей прежней жизнью он был готов к этому. Рос в небольшом провинциальном Бежецке, среди простых людей, городских и деревенских; в калязинском техническом училище освоил профессию слесаря, но незадолго до окончания курса был изгнан за «крамолу» и участие «в беспорядках». Потом было реальное училище, уроки рисования, этюды, увлечение поэзией. И Академия художеств, архитектурный факультет, позже занятия в живописной мастерской Кузьмы Сергеевича Петрова-Водкина. Самохвалов усвоил лучшие художественные принципы учителя, но пошел своим путем.

Революция требовала лозунгов, плакатов, оформления улиц и площадей к всенародным праздникам. В памяти навсегда осталась мимолетная встреча в коридорах Смольного и шелест, пронесшийся в толпе: Ленин!.. К первой годовщине Октября он украсил родной город и на возведенной им триумфальной арке торжественно вывел сочиненные самим слова: «Мы разрушим устои старых зданий, вынесем на себе всю тяжесть созидания, и заря новой жизни взойдет над долиной счастья трудящихся».

Он сделал проекты памятников Ленину и Свердлову, выполнил в мозаике портрет Владимира Ильича.

Памятник Ленину художник представил себе как огромный маяк — стеклянный куб, поднятый над Ленинградским портом. Ночью он должен был сиять огнями, освещая путь кораблям, а днем в его залах размещался музей вождя. Замысел и теперь кажется смелым, оригинальным, привлекательным, и главное здесь воплощение идеи: Ленин — маяк человечества.

Молодые живописцы в те годы яростно, до хрипоты спорили, решая вопрос, каким стать искусству будущего. «Голос художника должен быть монументален»,— утверждал Самохвалов. Монументальность он никогда не связывал с размером, для него это понимание, ощущение мира, масштабности происходящих событий. Поэтому его работы, как правило, небольшие по формату, всегда значительны, а герои предстают личностями незаурядными.

«Всех нас намагничивало время»,— скажет потом мастер, и это время звенело в выразительных, крепких, словно отлитых из стали фигурах юноши и девушки со знаменем в руках на плакате 1924 года. Их поворот, стремительное движение предвосхитили знаменитую скульптуру В. Мухиной «Рабочий и колхозница», словно возродившись в динамичной чеканной пластике. Не случайно в следующем году на Международной выставке декоративных искусств в Париже этот плакат Самохвалова, названный «Да здравствует комсомол! На смену старшим молодая рать идет», был отмечен золотой медалью.

Время яркой электрической вспышкой сверкнуло в его «Кондукторше», отметив рождение новой эпохи в обществе, в технике. Мощная, грозная сила, подвластная молодой работнице... «Если бы навстречу этой кондукторше попалась Афина в своей колеснице, похожей на таратайку, то смущена была бы не кондукторша, а Афина»,— говорил Александр Николаевич.

Летом тридцатого и тридцать первого годов Самохвалов работал в Псковской области, в коммуне «Ленинский путь». Здесь его восхищало все: «и прочно спаянный коллектив, и размах трудовой жизни, и сами люди». Тут он создал великолепные портреты «героев социалистических полей», сюжетные картины, пейзажи, рисунки сангиной и сепией. Многие из них с успехом экспонировались в Венеции, а холст «Полевые работницы» приобрел один из венецианских музеев.

Ему дано было интуитивно чувствовать глубинную суть людей, словно предвидеть их дальнейшие поступки. Председателя коммуны Ткачева он изобразил на багрово пылающем тревожном фоне, в одежде, мало похожей на штатскую, в высоко сдвинутых на лоб защитных очках. А в глазах, как у многих его героев, ощущение нелегкого пути, серьезность, ответственность. Это был портрет бойца. Ткачев же всегда оставался им — в гражданскую, и когда поднимал коммуну, и через десять лет, когда вместе с другими коммунистами ушел к партизанам и погиб, сражаясь с фашистами.

В партизанском отряде на Украине в годы Великой Отечественной воевала и девушка в футболке с картины Самохвалова.

Женя Адамова, Евгения Петровна, жила в Ленинграде в одном доме с художником, была учительницей, женой партийного работника и, как многие в те годы, часто носила легкую, удобную полосатую футболку. «Личность необыкновенно яркая,— говорил о ней мастер.— Это я уже тогда видел и чувствовал, прекрасная современница, девушка, каких не было раньше».

Он писал ее как образ-символ, и не случайно картину назвали советской Джокондой.

Упоминание рядом с великим творением должно было переполнить счастьем и гордостью сердце художника. «Я помалкивал, но в душе меня не радовало это прозвище,— признавался он,— так как Джоконда была изображена улыбающейся иронически, со сложенными руками. У моей девушки еще не было улыбки, но если бы она появилась, то была бы совсем другой — улыбкой готовности к действию».

Александр Николаевич написал ее в 1932 году, и произведение сразу было показано в залах Русского музея, в экспозиции, посвященной пятнадцатилетию Страны Советов. «Брависсимо!» — приветствовал его И. Э. Грабарь, крупнейший авторитет в живописи. А в 1937 году на Международной выставке в Париже картина получила золотую медаль.

В тот год парижская выставка стала подлинным триумфом советского искусства. «Рабочий и колхозница» В. Мухиной, работы А. Дейнеки, Ю. Пименова, А. Пахомова, успех у знатоков и зрителей, награды жюри... Самохвалов увозил домой еще два Гран при: за панно «Советская физкультура» в залах нашего павильона и за иллюстрации к «Истории одного города» Салтыкова-Щедрина в издательстве «Academia».

Именно тогда он ближе всего подошел к своей мечте о радуге.

...На строительство Московского метро мастер попал летом 34-го и был совершенно потрясен энергичной, беспокойной, «любовно коллективной работой» быстрых и гордых строительниц. Их образ складывался у него из динамики, движения; воображение подсказывало музыкальные, незабываемо красивые ритмы. И, заражаясь общим энтузиазмом, он на двухметровых листах создал акварельную серию «Девушки Метростроя». Увидев одну из них, «Со сверлом», А. Дейнека воскликнул: «Она, как богиня, и все-таки она наша, русская девчонка».

Широкий неистовый мазок, игра рефлексов, контрасты света и тени, упругие, вихревые линии передают неиссякаемую силу, бодрость, полноту жизни. Одним из первых в советском искусстве Самохвалов показал человека в труде, возвышающем, наполненном пафосом героики и романтики.

«Делегаток» он написал пять лет спустя, здесь иной живописный язык, праздничное настроение. А в образах — та же стремительность, чистота помыслов, общая причастность к делам страны.

Художник создал и несколько полотен, посвященных Ленину: «Речь с броневика», «В коридорах Смольного», а в 1940 году — «Появление В. И. Ленина на II Всероссийском съезде Советов». Эта картина стала настоящим событием, явившись одной из первых на большую историко-революционную тему, к тому же решенная ярко, взволнованно, человечно.

Всю жизнь он мечтал о росписи стен, сожалея, что тогда еще их время не настало, и монументальные образы, жившие в его фантазии, осуществлял на листах и холсте как фрагменты. Почти во всех его работах заметно влияние фресковой живописи, и особенно сильно — в произведениях, посвященных физкультуре. Мастер называл ее «хождением к солнцу», и это почти языческое чувство перетекало в сильные, крепкие торсы людей, в их открытые, ясные лица. «Я любил физкультуру именно как культуру здорового человека»,— говорил живописец. Для него она была радостью бытия, «той радостью, которая накапливала потенциал преодоления трудностей». В этом он приблизился к древнегреческому идеалу здорового телом и духом человека, и, вероятно, оттого движения, позы, постановка фигур на его полотнах иногда напоминают классические образцы. И теперь, когда мы встречаем на ретроспективных выставках его физкультурников на стадионе, девушек с ядром, с мячом, нам словно передается от них заряд молодости, ощущение физической свободы, упоение жизнью.

Самохвалов много работал в разных областях искусства и всегда с успехом, занимался ли росписью по фарфору, оформлял спектакли, иллюстрировал книги. Или писал сам, в основном для детей. С. Я. Маршак очень ценил его литературное дарование, полагая в нем «богатейшие залежи поэтического дара», и объяснял, что на пьесу «Петрушка-иностранец» его, Маршака, вдохновил один из самохваловских персонажей. В конце жизни художник написал книгу «Мой творческий путь», и эти его записки многое помогают понять в жизни и творчестве самобытного таланта.

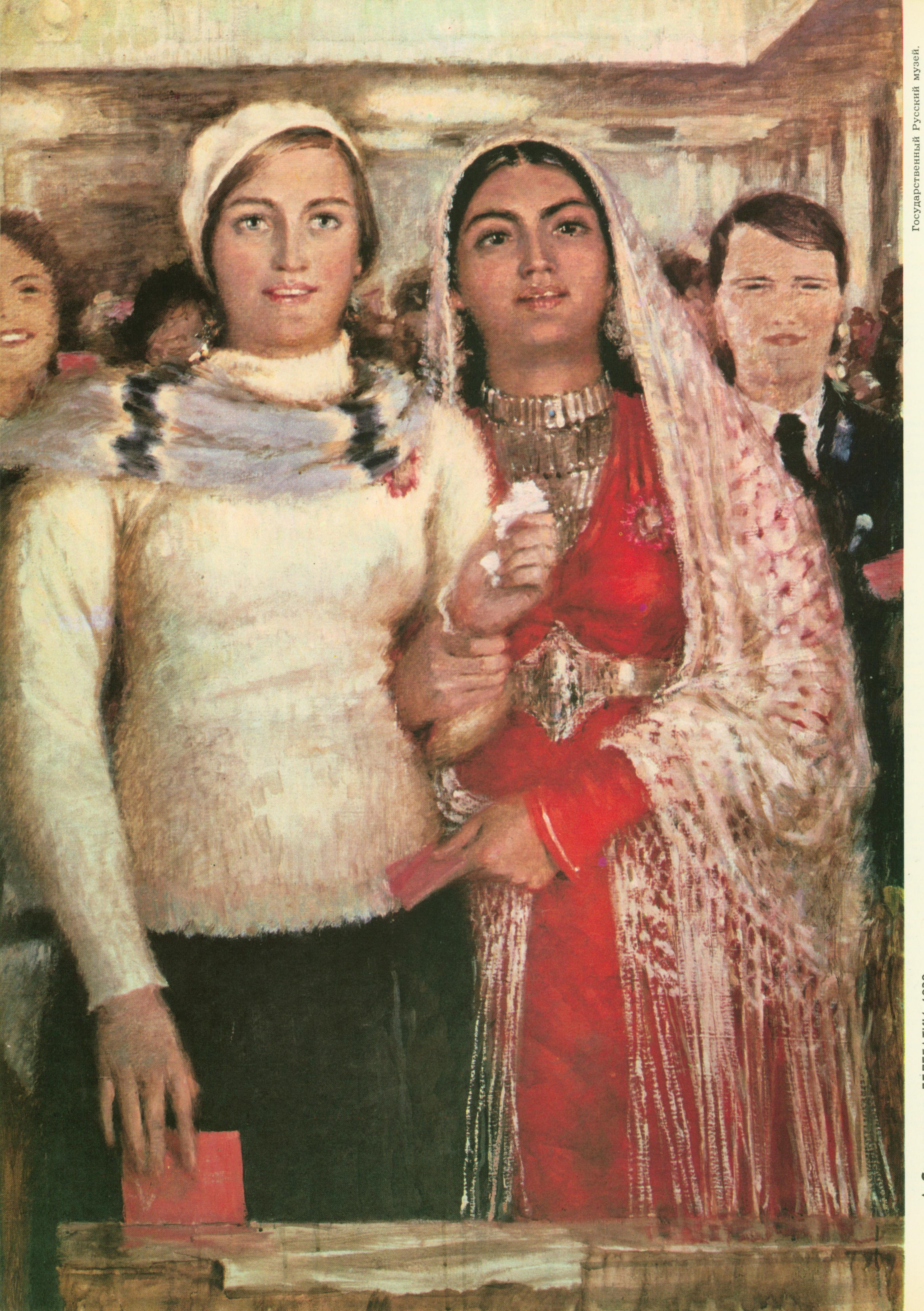
Вдохновенный труд мастера был отмечен орденом Ленина.

Сегодня мы вспоминаем А. Н. Самохвалова не только в связи с девяностолетием со дня рождения. Его полотна и сейчас смотрятся так же свежо, как и прежде, а герои уверенно входят в наш нынешний день.

А. Самохвалов. 1894—1971. ДЕВУШКА В ФУТБОЛКЕ. 1932.

Государственный Русский музей.

А. Самохвалов. ДЕЛЕГАТКИ. 1939.

Государственный Русский музей.

Наби ХАЗРИ

Журавлиный клин над головой

Известному азербайджанскому советскому поэту, лауреату Государственной премии СССР Наби ХАЗРИ исполняется 60 лет. Мы сердечно поздравляем поэта с юбилеем и печатаем его новые стихи.

ВИДЕЛ Я...

Я
летний зной
испытывал зимою,
И снегопады
летом
видел я.
Исток
еще невиданного моря
В речушке неприметной
видел я.
Всю радость жизни,
смешанную с горем,
На проводах
и свадьбах
видел я.
Что верность
храбрецу —
всегда подспорье,
И это
вечно
в судьбах
видел я.
И души вероломных —
без разбора —
Орешков мельче
тоже
видел я!..

КОГДА СМОТРИШЬ В ЗАВТРА...

Лицом к лицу
и тень и свет стоят,
Вражда и дружба
рядом в сердце спят —
Мир на контрастах
держится извечно.

●

За каждым словом
виден человек,
Секундами измерен
каждый век,
И каждая секунда
бесконечна.

●

Пусть смотрит в завтра
истинный поэт.
В поэзии
есть лишь один секрет:
Любовь крылата —
слово человечно!

●

И все, что человечно,—
в мире вечно!

ПОСЛЕ БОЛЕЗНИ

Другу моему
Абдулле-муаллиму

Я снова в небо вешнее взглянул,
Я снова,
как весна,
на свет вернулся —
И снова
к солнцу
руку протянул,
И снова
к жизни
сердцем потянулся.
Исходит тайный запах
от земли,
Мир облачился
в синь и зелень снова,
Быстрей мечты
деревья расцвели,
Трава взошла быстрей,
чем семя слова.
Смотрю в простор
небесный,
голубой,
Дороги судеб
взглядом пробегая,—
И журавлиный клин
над головой —
Вернувшихся надежд,
быть может,
стая...
И в этот миг
лечу как будто я,
На крыльях ветра
уношусь куда-то...
Я на земле —
и рада мне земля!
Под небом я —
и небо мне так радо!..
Как трепетен
весенний шум листвы!..
Я улетал за песнями,
как птица.
Душа моя
всегда полна любви —
Любви,
готовой через край пролиться!
И любящее сердце
повстречать
Мне хочется,
когда весь мир в расцвете!
И хочется
всем людям
прокричать:
«Ведь это счастье —
жить и жить на свете!»

КАК ТЕНЬ

Всю жизнь
он за другими полз,
как тень,
И дожил
до седых волос,
как тень.
Он унижался
с высшими,
как тень,
И возвышался
с низшими,
как тень.
Не скажет слова —
кто без языка.
Не загорится —
кто без огонька.
С надеждой
появился он на свет —
Уже и тени той надежды нет!..
И час настал —
пришел последний день,
И он исчез
с лица земли,
как тень,
И мир его забыл,
он был — и нет:
Да разве тень
оставит в мире
след!
Я думаю о нем —
и буря чувств
Кипит во мне —
и гнев,
и боль,
и грусть...
Я думаю о том,
что краток век,
И все мы
перед будущим
в ответе.
Как солнце,
в мир приходит человек —
И он не должен
тенью жить на свете!..

БЕССМЕРТИЕ

Человек
Не одинок на свете.
И, пройдя с друзьями
Путь земной,
Он лицом к лицу
Выходит с смертью.
В одиночку с ней вступает в бой.

Эта битва тайная
Незрима,
Эта битва
Скрыта ото всех...
Не прошла она,
Как прежде, мимо.
А не ждал ее
Ведь человек.

Вот они стоят,
Переглянулись,
И обоим
Стало вдруг смешно.
— Видишь,—
Молвит смерть,—
Не разминулись,
Встретились,
Как видишь,
Все равно...

— Непонятно мне
Твое веселье,—
Человек сказал,—
Хоть пойман в сеть,
Мне не страшно
Превратиться в землю —
Мне при жизни
Страшно умереть!

Если и
Подкосишь ты, косая,
Думаешь,
Что ты свое возьмешь?
В бешенстве
Ты вьюгой завываешь,
Но твоим усильям,
Помни,
Грош!

Думаешь,
Пришла — и погубила?
Рано рассчитала наперед!
Кажется тебе,
Что победила,
Но тебя
Бессмертие убьет!

— Как смешно мне,
Смерти,
Слышать это,
Все слова — слова —
Пустая блажь!..
Но вдруг
Замолчала.
В поисках ответа
Оглянулась —
Никого вокруг...

Холодно ей стало
И тревожно,
И она
Свой меч
Вложила в ножны...

КОГДА СТИХИ ТЫ ПИШЕШЬ...

Плывущий в море слов,
ты ищешь откровенья,
К земле и небесам
свой обращая стих.
Но в этом мире есть
лишь ты и вдохновенье...
Когда стихи ты пишешь,
Забудь,
что пишешь их...

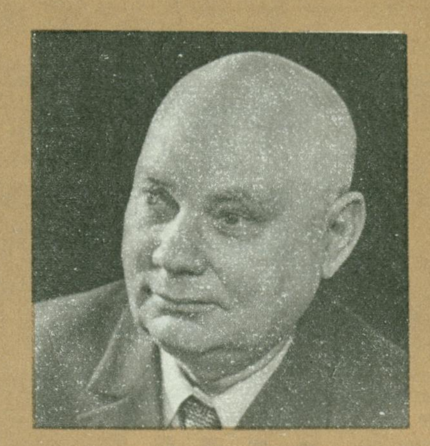
Перевел с азербайджанского
В. КОРКИЯ.

Здесь живут труженики колхоза «Кавказ».

Встреча на полевой дороге.

Семен БАБАЕВСКИЙ

Фото Д. ДЕБАБОВА

ПЕРЕМЕНЫ

I. ОБРАТИМСЯ К МЕТАФОРЕ

Популярная в народе телевизионная программа «В мире животных» как-то сообщила нечто невероятное. Оказывается, в морских глубинах обитают существа, которые дышат, как и мы, воздухом. Как дышат? Оригинальные, небольшие по размеру рыбешки на своем теле имеют крохотные пузырьки, в которых и хранятся, так сказать, запасы жизнеобеспечения. По мере необходимости рыбешки поднимаются на поверхность, наполняют там свои пузырьки кислородом и снова опускаются на морское дно. Там и живут, как говорится, припеваючи.

Если же мы теперь обратимся к метафоре, то можем смело сказать: нечто схожее с чудо-рыбешками происходит и с нашим братом писателем, и вот почему. Хотим мы того или не хотим, а нам тоже приходится время от времени «всплывать» на поверхность, то есть появляться как раз в том месте огромного житейского моря, где мы можем пополнить свои «пузырьки» запасом того самого жизненного вещества, которое питает нас как художников слова и которое у нас именуется знанием жизни, наблюдениями, впечатлениями, наконец, вдохновением. Наполнив свои «пузырьки», мы снова возвращаемся домой и там спокойно живем и работаем. И примечательно то, что у каждого литератора имеется свое излюбленное место для «всплытия». У одного это Вологодчина, у другого — Сибирь, у третьего — Волга, у четвертого — Дон. А у меня такими излюбленными местами были и остались ставропольское приволье — без конца и края! — и кубанские просторы — не обнять их взглядом! И, что характерно, полагаю, не только для меня. Бывая там, в местах моего постоянного «всплытия», я всякий раз воспринимаю перемены с каким-то обостренным, необычным чувством и удивлением.

II. КТО МЫ!

Известно, всего труднее увидеть перемены в сознании людей. Отличные дороги — вот они, перед глазами, экономика — рядом, на виду. Тут и заработок, и свой огород, и свои коровы, кабанчик в сажке, куры, утки. Дом под шифером или черепицей, а во дворе уже прижился либо «Жигуленок», либо «Москвич». Или прислонился к порогу мотоцикл, еще горячий, стоит и поджидает хозяина, чтобы с ветерком унести его в степь. Наглядно. Осматривай, ощупывай. А сознание — категория нравственная, где-то в тайниках души попробуй докопайся, рассмотри. Тут и общая грамотность, и багаж культуры, и воспитание, и мировоззрение, и сознательность, и тьма вопросов к себе и к другим. Советские люди не просто живут да хлеб жуют, а еще и думают. О чем думают? Решительно обо всем. О себе и о соседе. О жизни и литературе. О мире и добрососедстве. Об Америке и Рейгане. До всего им дело, все им нужно знать, и потому мысли возникают неожиданные и самые разные.

Подтверждающих мои слова примеров много. Сошлюсь лишь на один. Вот Иван Аникеев. Ему 35 лет, беспартийный — готовится вступить в ряды партии. Комбайнер и механизатор, как у нас говорят, широкого профиля. Примерный семьянин — дочь и три сына. Некурящий, непьющий. Родом из того казачьего хутора Рощенского, где родился легендарный его тезка Иван Кочубей. Живет в станице Баклановской. Материально обеспечен. Считает себя наследником кубанского казачества и этим гордится.

Как-то ночью мы сидели на валке соломы. В темноте силуэтом виднелся комбайн. Небо заволокли тучи, срывался дождик. Аникеев посмотрел на черное небо и сказал:

— Хоть бы не задождило.— И вдруг обратился ко мне:— Часто спрашиваю себя: кто мы? Нет, я совершенно серьезно. Неужели вы никогда не задумывались над тем, кто мы, советские люди? Откуда появились на белом свете и зачем появились? Почти семьдесят годочков тому назад на земле родилось неведомое племя, и вместе с его рождением, специально для него родилось новое слово — советский. И вот меня еще с десятого класса беспокоит вопрос: так кто же мы? Каково наше предназначение в жизни или, как говорится, какова наша миссия на земле? Хорошо было моему земляку Ивану Кочубею тогда, в гражданскую войну. Перед ним такие вопросы не возникали. Был он человеком удивительно храбрым, но неграмотным. Мы же, внуки и правнуки кочубеевцев, не только смелые и старательные в работе, но и грамотные, и начитанные, а потому и лезут в голову разные вопросы. И кто мы? И какими мы должны быть, и какие мы иной раз бываем? И как нам жить нужно, а как нам жить не нужно? И чем особенным мы отличаемся от тех людей, которые живут не в нашей стране? Объясните мне, ежели можете, на понятном языке.

Я пытался ответить на вопросы земляка Ивана Кочубея, однако из моих усилий ничего путного не вышло. А вскоре распогодилось, тучи открыли полный месяц, в степи стало светло, и Иван Аникеев повеселел. Не мешкая он сел за руль комбайна, завел мотор, молчаливый, сосредоточенный, наверное, думая уже не о том, кто мы, а о ночной косовице пшеницы.

Комбайн удалялся в лунном свете, мотор пел басом, ночная уборка хлеба продолжалась. Я сидел на валке соломы, и мне было грустно оттого, что наследник кубанского казачества и земляк Ивана Кочубея, уходя к комбайну, так и не сказал мне: «А-а! Вот оно что! Ну, спасибо, теперь-то я знаю, кто мы, советские люди!» А ведь я приводил самые значительные факты из советской действительности, говорил о природе советского героизма, о честности советских людей, об их бескорыстии и трудолюбии. Называл имена, отчества и фамилии вошедших в историю Советского государства выдающихся личностей — от Александра Матросова, Зои Космодемьянской до Юрия Гагарина, от Алексея Григорьевича Стаханова, Терентия Семеновича Мальцева до Анатолия Евгеньевича Карпова, от Сулеймана Стальского до Михаила Шолохова. Обращался и к тем знаменитостям, которые живут и трудятся на Кубани и в Ставрополье, рядом с Иваном Аникеевым, а таких там немало. И все же не услышал: «Ну, спасибо, теперь мне понятно, кто мы!» Позже я подумал: может быть, главное, сокровенное живет в душе советского человека, находится в характере и поступках самого Ивана Аникеева, и это они, Аникеевы, с виду неприметные, хранят в себе ответ на вопрос: кто мы?

III. НА МЕСТЕ КАЗАЧЬИХ КУРЕНЕЙ

Обновление казачьей станицы — тоже перемены, зримые, радостные. Оно, обновление, необратимо, происходит повсюду, с виду будто бы стихийно, без архитектурного надзора, но с умом и по-хозяйски. И уже есть такие строения, где имеется и архитектурный надзор и отчетливо выражена мысль архитектора.

Пройдите по любой станице, и то там, то тут в буйной зелени садов вы увидите яркие пятна, с любовью обласканные красками. Что, собственно, происходит? Кажется, ничего особенного — люди строят жилье, и только. Еще вчера на улице ничто не выделялось, не привлекало к себе внимания, а сегодня рядом с почерневшим, давно отжившим свое плетешком выросли дощатый забор, калитка, ворота на железных петлях, обитые жестью и покрашенные голубой или зеленой краской. По ту сторону новоявленного забора, в укрытии яблоневого сада и как раз на том месте, где еще недавно стоял, ссутулясь, вросший в землю казачий курень, поднялся эдаким бравым парубком дом кирпичной кладки, крыша на нем шиферная, белая, словно раскинутое на ветру полотнище, крылечко улыбается людям, окна широкие, на мир смотрят приветливо.

Интереса ради присмотритесь к тем, кто обновляет станицу. Откуда появились здесь обновители, которые с такой любовью и старанием строят красивые домики на месте умерших казачьих куреней? Строители и обновители станиц — люди, как правило, местные, они здесь родились и уезжать отсюда не помышляют. Так что напрасно мы, мастера художественного слова, иной раз проливаем слезу и излишне рьяно кричим, что молодежь, дескать, уходит и стареет село. А ведь применительно к Кубани, Ставрополью это, мягко говоря, не так. Посмотрите в кабину любого комбайна, трактора, грузовика. Кто сидит за рулем? Молодые люди, в большинстве со средним образованием. Такие же, как тезка Ивана Кочубея — Иван Аникеев. А кто руководит хозяйствами? Тоже они, Аникеевы, те, кто родился уже после войны.

Возможно, в каких-то селениях Архангельской, Вологодской или Курской областей и мало молодежи. Не знаю, судить не могу, ибо я там не бывал. Но на Кубани и в Ставрополье, где я «всплываю» частенько и не залетным гостем, могу не только посмотреть, а и руками ощупать все то, что там происходит в жизни, а потому смело, без обиняков говорю: нет, не стареют ставропольские села и кубанские станицы. Сколько там колхозов и совхозов, где построены целые улицы для молодоженов, и называются они либо Молодежными, либо Комсомольскими, либо Солнечными, либо Победными. И стоят на этих молодежных улицах не те оплаканные поэтами и прозаиками казачьи курени и мужицкие хатенки, а нечто необыкновенное, что внешним своим видом, внутренней планировкой и убранством комнат напоминает виллу, словно бы привезенную сюда с черноморского берега. И охотников строить дома, похожие на виллы, становится все больше и больше, и среди них нет ни одного старика и ни одной старухи. Спросил я как-то в крупном колхозе, имени Ленина (точный адрес: станица Михайловская Курганинского района Краснодарского края), не покидают ли молодые люди станицу. Ходят-де такие разговоры. Председатель колхоза Герой Социалистического Труда Михаил Ефимович Анненко усмехнулся и сказал:

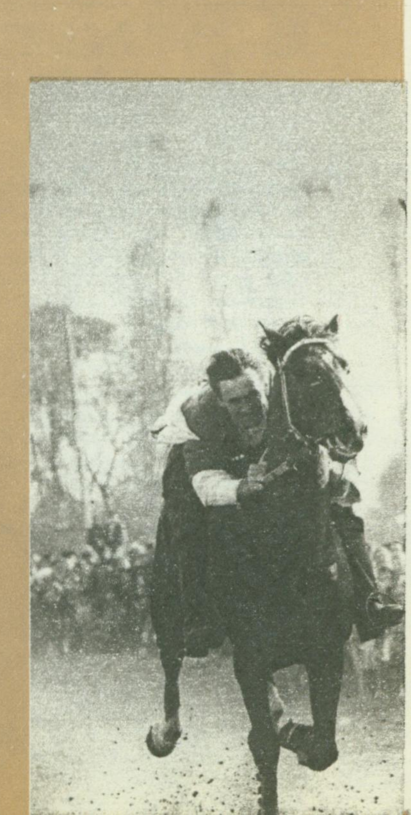
— Брехня! А вы, писатели, к этой брехне еще присочинили чужестранное словцо «миграция». Какая еще миграция? Кто ее придумал? Не знаем мы такого слова и знать не желаем. Так что прошу передать там, в Союзе

Степной пейзаж — ферма и поле.

Знатный механизатор колхоза «Кавказ» В. П. Орехов с сыном Павлом.

писателей, от меня, Михаила Анненко, что у нас в колхозе никогда не было и нет никакой миграции. Да и не будет! Могу поручиться.

То же самое можно увидеть и услышать в колхозе «Кавказ», который находится по соседству, в бывшей станице Курганной. Станица давно уже стала городом, широкая площадь (с перспективой на будущее), покрытая асфальтом, магазины, кинотеатр, Дом культуры, музей колхозной славы, какого я еще нигде не видел, горит Вечный огонь у памятника воинам-курганинцам, погибшим в годы Великой Отечественной войны. Так вот в «Кавказе» не агитируют, чтобы весь десятый класс остался на земле. Там поступают иначе: каждую весну, когда в школе выпускникам десятых классов вручают аттестаты, председатель от имени правления обращается к молодым людям с напутствием:

— Друзья! Теперь вы уже взрослые дети «Кавказа» и в жизни для вас открываются все дороги — выбирай любую! Может быть, кто-то из вас станет ученым, артистом, музыкантом, а то и великим шахматистом — доброго вам пути и успеха! Уезжайте, живите счастливо и прославляйте Кубань и свой «Кавказ». Но знайте и всегда помните: «Кавказ» был и остался вашим родным домом, и тот из вас, кто уедет из дому, а потом пожелает вернуться, найдет радушие и внимание. Мы же, руководители «Кавказа», сделаем все, чтобы у себя, в своем родном доме, вам жилось хорошо.

— И что же? — спросил я.

— Из пяти уезжающих от нас молодых людей четверо возвращаются и здесь, дома, находят настоящее свое призвание.

Тут мы как бы для иллюстрации слов председателя обратимся к семье Молчановых, живущих в помолодевшей и ставшей городом бывшей станице Курганной, где, кстати сказать, еще в тридцатом году мною были написаны первые рассказы и стихи. Молчановы — семья крестьянская, все дети, а их по теперешним меркам много, родились уже после войны. Вот сыновья Федора Молчанова (по старшинству): Владимир, Анатолий, Иван, Николай, Виктор. А вот дочери: Вера, Татьяна, Анастасия. Из родных мест они никуда не уехали. Все дети получили среднее или высшее образование, и это они и такие, как они, с любовью обновляют теперь станицы. Четверо братьев Молчановых — шоферы, профессия в наши дни самая, так сказать, ходовая, пятый — Анатолий — строитель; все они живут и работают в Курганинске. Из трех сестер две тоже живут там, где и родились: Татьяна — строитель, Наталья — журналист, сотрудничает в той же районной газете, где когда-то работал я, и мне приятно видеть молодую и способную смену. Лишь одна Молчанова, теперь уже Вера Федоровна Галушко, с большими задатками организатора, стала хозяйкой кубанской столицы — заместителем председателя Краснодарского городского Совета народных депутатов.

Так или почти так жизнь распорядилась судьбами взрослых детей во многих семьях кубанцев и ставропольцев.

Праздничные скачки «Догони девушку».

IV. ГРИША НЕЧАЕВ: «МЫ — ЭТО ЛУЧШЕ!»

В жизни чаще всего бывает так: только что не стало одной проблемы, как тут же возникает другая, тоже значительная и сложная. Одна из таких быстро подоспевших житейских проблем острым углом коснулась и тех новых домиков, которые своими кирпичными стенами и веселыми окнами походят на виллы. Суть проблемы пошла как бы вширь и вглубь. Ибо по соседству с симпатичными одноэтажными домиками с белой шиферной крышей начали вырастать как грибы после теплого дождя двухэтажные кирпичные особняки с балконами и лоджиями, под оцинкованным железом крыши полыхают на солнце, как пламя.

Я видел эти дорогие особняки. Вид у них гордый, неприступный, все в них, на что ни взгляни, так и говорит: «Не тронь! Не твое!» На первом этаже — гараж. Дверь его окована железом, на железе висит огромный замок — сюда нельзя! Кроме того, на первом этаже находятся кухня — светлая, просторная, санузел, ванная, газовая плита, котел для водяного отопления. На второй этаж ведет широкая пологая лестница. Там покои владельца особняка, зал для приема гостей, дорогая мебель, цветной телевизор. Я спросил секретаря Курганинского райкома КПСС Зою Ивановну Боровикову, что за люди живут в этих превосходных домах.

— Кто там проживает? — вопросом на вопрос ответила Зоя Ивановна.— Наши, местные, как говорят, тутошние. Большинство — работники торговли, все имеют парники, выращивают ранние овощи для продажи. Дома у них, верно, красивые, глаз радуют. Именно так, по-городскому, со всеми коммунальными удобствами, и должны жить все люди. Но вот хозяева особняков с гаражами огорчают. Многие из них день ото дня мельчают душой. Все их существо обращено к своим двухэтажным красавцам. Там, за прочными кирпичными стенами, как в крепости, гнездятся все их интересы. И в этом-то беда! И тут перед нами, партийными работниками, встала немалая задача: как и где отыскать то радикальное средство, с помощью которого можно было бы гармонично соединить свое и общественное.

Тревогу Зои Ивановны можно понять. Ведь и в прелестных виллах и в гордых двухэтажных красавцах, так любовно ухоженных, на самом почетном месте посажено «мое», личное, «одному мне принадлежащее», а наше, общее, всем нам принадлежащее ютится где-то на задворках. Бытует в народе поговорка: «Своя рубашка к телу ближе». И как мы ни стараемся отделить эту старую, изрядно поношенную рубашку от тела советского человека, а сделать этого частенько не можем. Тут уместно вспомнить Льва Николаевича Толстого. Великий знаток жизни и людских душ, он еще тогда, в Ясной Поляне, отлично знал, что оно такое — «я», «мое», когда писал: «Живет всякий человек только для того, чтобы ему было хорошо, для своего блага. Не чувствует человек желания себе блага,— он и не чувствует себя живущим. Человек не может себе представить жизни без желания себе блага».

Огромная мысль, а как выражена просто и понятно. Выходит, без желания себе блага не существует жизни и нет радости в жизни. Так повелось испокон веков, с того самого часа, когда наш далекий предок научился ходить на ногах, а руками брать предметы. На нем, на желании себе блага — и желании как можно большего! — вырастали царские империи, крепостничество, эксплуатация человека человеком, возникали войны, ширилось и ширилось угнетение. И вдруг — стоп! Пришел Октябрь семнадцатого, и на самое почетное место впервые в истории было посажено не «мое», а «наше», принадлежащее всем, и под красными знаменами люди запели: «Смело мы в бой пойдем...», «Мы наш, мы новый мир построим...», «Мы — коммунары...». Всюду «мы», «наше», и тогда в жестоких боях и сражениях родилось желание блага не только себе, а желание блага всем.

Но желание блага одному себе не умерло в семнадцатом году. Оно оказалось на редкость живучим. Прошли годы, желание блага себе очнулось, осмотрелось и начало приспосабливаться к новым социальным условиям. И приспособилось. А пороки собственности, как известно, в любых социальных условиях остаются пороками, потому и сегодня они приносят нашему обществу немало вреда. К тому же мы, родители, порой с пеленок приучаем своих любимых отроков больше всего думать о себе, о своем благополучии, о желании блага себе. И тогда нередко из обычного советского мальчика вырастает эгоист, себялюбец, добра от него уже не жди, и его гонит, как ветром, к тем вот гордым и самовлюбленным особнякам.

Однако бывают случаи, правда, редкие, когда дети понимают истинный смысл нашей жизни лучше своих родителей. На Кубани мне рассказали забавный и вместе с тем поучительный случай. В станичной школе пионерский отряд лихо распевал известную песенку со словами: «Пусть всегда будет солнце, пусть всегда будет небо, пусть всегда будет мама, пусть всегда буду я». И вдруг этот отряд ни с того ни с сего вместо «пусть всегда буду я» дружно запел «пусть всегда будем мы». Было изменено одно местоимение. Вожатая расте-

рялась. Не знала, что ей делать и как поступить. Стала спрашивать у ребят, зачем они самовольно изменили в песне последнее слово. Потупив глаза, пионеры молчали. И тогда Гриша Нечаев, самый смелый мальчик, вышел из строя и ответил за всех коротко и просто:

— Мы — это лучше! И справедливо! Я — это хуже! И несправедливо!

Вожатую вызывали в райком комсомола. Как же, нарушено привычное. Дознавались, как такое могло случиться в лучшем пионерском отряде. Поучали, читали нотацию. А напрасно. Ведь что ни говори, как ни прикидывай, а Гриша Нечаев прав: «Пусть всегда будем мы!» — звучит хорошо и справедливо. Именно «мы» как общество советских людей.

V. ОТКУДА ВСЕ ЭТО ПРИШЛО!

Если судить о нашей быстротекущей жизни по большому счету да смотреть на нее не в щелку, а с высоченного степного кургана, откуда видно далеко, то следует сказать: да, хорошо, что на земле есть государство, где желание блага всем постоянно берет верх над желанием блага одному себе. Это прекрасно! За примерами снова обратимся к моему родимому краю — Кубани и Ставрополью. На что ни взглянешь — всюду увидишь свое, наше, советское, и как раз то, чего здесь никогда не было да и быть не могло. Возьмем с виду обыденное, ставшее привычным — пансионат для ветеранов колхоза,—они имеются во многих хозяйствах. Что это? Стоит приличное здание, своим внешним видом похожее на дом отдыха. Здесь на всем готовом живут старики и старухи, те самые бывшие парни и девчата, которые в тридцатых годах как раз и являлись зачинателями желания приносить блага для всех. Теперь, прожив славную трудовую жизнь, они сами и по праву пользуются этим же благом. Бесплатно имеют жилье, пищу, одежду, медицинское обслуживание, а главное — постоянное тепло и ласку родного колхоза. Чего еще нужно на старости лет? Живи и радуйся. Где, в какой стране можно встретить такое?

Или вот еще. На богатое плодородными почвами и страшно бедное водой Ставрополье двумя каналами пришла Кубань и досыта напоила сухую, исстрадавшуюся по влаге землю. Сам по себе напрашивается вопрос: кто же провел кубанскую воду сквозь гору Недреманную, по степям, к селам, на коши? Мы, советские люди! Поэтому-то Гриша Нечаев и говорит так смело: мы — это лучше! Ничего не скажешь, сообразительный растет парнишка!

Та же ласковая и водообильная Кубань у самого порога Краснодара распахнулась таким синим морем, что красотой оно не уступает самому Черному морю, а необозримая голубизна его волн где-то далеко-далеко на горизонте сливается с голубым южным небом. Чей здесь ум и чье здесь старание? Все тех же советских людей. Кубанское море, творение разума и рук советского человека, сделано так, что и после плотины кубанской воды хватает на рисовые чеки и на заросшие камышом плавни.

Так что и тут наглядно видно, что мы — это лучше и что желание блага всем не пустые слова. В них наша жизнь, вся целиком, с ее горестями и с ее радостями. Желание общего блага живет во всем, в большом и в малом, оно до неузнаваемости изменило сам уклад нашей жизни, ее корни, ее смысл. Давно не стало прежних казачьих и мужичьих поселений. Повсюду стоят школы, точно такие же, как и в городе. Везде есть свои детские ясли и детские сады, парки культуры и дома культуры, кинотеатры, свои танцевальные площадки и библиотеки, музыкальные и драматические кружки.

Откуда все это пришло сюда, в бывшую казачью вотчину? Не свалилось же с неба? Кто так решительно и так смело изменил жизнь? Опять же мы, советские люди, руководимые нашей партией, внуки и правнуки тех, кто, перекрестив патронташами грудь, брал Зимний, кто выстоял в страшной войне с фашизмом. И радует то, что изменился не только внешний облик станиц и сел, что лежат по-хозяйски возделанные поля в лесных полосах, как зеркала в зеленых рамах. Больше всего радует то, что изменились люди, их характер, их взгляд на жизнь и на свое место в жизни.

В этом отношении особую радость и гордость вызывают адыгейцы — они ведь тоже живут на тех же кубанских берегах. И живут отлично—другого определения не подыскать. В прошлом — обездоленное племя, а нынче — советские граждане, широко расправившие плечи и явившие свою душевную и национальную красоту. Сегодня у адыгов своя государственность, прекрасная, утопающая в зелени столица, своя культура, литература, свои ученые, национальные руководящие кадры, своя экономика. На адыгейском черноземе успешно ведется научно-исследовательская деятельность, на опытной станции близ Майкопа, в климатических условиях, совсем не похожих на субтропические, выращивается самый северный в нашей стране сорт чая, который по вкусовым и биохимическим качествам превосходит лучшие мировые сорта. Так что на примере жизни малого советского народа еще нагляднее видно, как прочно вошло в самую суть и смысл нашего бытия рожденное в семнадцатом году желание наших людей делать благо всем.

VI. КОНЕЧНЫЙ РЕЗУЛЬТАТ

Разумные хозяева есть не только в Адыгее. На кубанской земле, в Тимашевском районе, не так давно объявились хозяева умные да к тому же и смелые. Свое необычное начинание они назвали скромно — экспериментом, а имя ему дали — «Агропромышленный комбинат «Кубань». Тимашевцы сейчас находятся в походе, энтузиазм тут бьет ключом, ибо всем видно, что эксперимент таит в себе что-то такое новое, богатырское, чего раньше на Кубани не было.

Мне думается, что тимашевские энтузиасты молодцы, ибо то, о чем они печалятся, что делают и что собираются делать, как раз и идет от желания блага всем. Но как же мне, не употребляя такие сухие, такие заумные выражения, как «всесторонняя интенсификация», как «возможности нашего потенциала», как «комплексный подход к главной задаче», сказать просто и понятно, что же оно такое — конечный результат и почему тимашевцы начали танцевать именно от этой печки и назвали свое детище агропромышленным комбинатом.

Прежде всего необходимо знать: тут, в бывшей степной станице Тимашевской, а теперь степном городе Тимашевске, эти два слова — конечный результат—рождены самой жизнью. Они уже вошли в повседневный обиход. Вот в них, таких обыденных, и хранятся огромная силища и невероятные трудности. В чем сила слов «конечный результат»? Во-первых, в том, что тимашевские смельчаки впервые в жизни хлебопашца решили стать хозяевами зримых итогов всего своего труда — от его изначального периода и до конечного результата. Для этой цели колхозы и совхозы Тимашевского района добровольно объединились в агропромышленный комбинат и дали ему красивое имя «Кубань», дескать, знай, где все это происходит. Во-вторых, тимашевцы рискнули — благородное дело! — обойтись без посредников. Что у нас было и что есть? Колхозы и совхозы дружно и исправно продают государству полуфабрикаты. Отвозят, например, на элеватор зерно и не заботятся о печеном хлебе, доставляют на мясокомбинат бычков, кабанов и не думают о говядине и свинине, а тем более о колбасах. Об этом подумают и позаботятся другие. И часто эти другие плохо заботятся о готовой продукции.

Что же у нас может быть—нет, разумеется, не сегодня и не завтра, а в будущем? Может и должно быть то, что те, кто выращивает сельхозпродукты, станут доводить их до конечного результата и продавать государству не полуфабрикаты, а уже готовую продукцию — бери и подавай ее к столу! Проще и яснее: станут продавать не зерно, а булки, батоны, кренделя, печенье; не только молоко, а и сыры, сырочки, творог, сметану, кефир, масло; не бычков и кабанчиков в живом весе, а отличную говядину и свинину, колбасы, сосиски, окорока, жиры, наконец, кожу, а возможно, и готовую обувь, сшитую из этой кожи. И на всем будет стоять марка фирмы «Кубань». Хорошо? Отлично! Намного возрастет производительность труда теперь уже не хлеборобов, а рабочих агропромышленного комбината, повысятся заработки. В этом и состоит жизненная сила агропромышленного комбината «Кубань», в этом привлекательность и новизна слов «конечный результат».

А как же трудности? Без них невозможно! Лезут во все щели. Их много, они немалые и разноликие. И чтобы слова «конечный результат» стали реальностью, необходимо преодолеть такое сопротивление, которое можно сравнить разве что с тем, какое встречают на своем пути альпинисты, когда поднимаются на самую высокую вершину. Нужны не только элеваторы, дороги к ним, автотранспорт — это уже есть. Необходимо иметь и то, чего еще нет. Нужны свои перерабатывающие предприятия: и мельница, и хлебозавод, и мясокомбинат, и заводы — колбасный, консервный. Словом, необходимо иметь очень многое для того, чтобы тимашевский комбинат «Кубань» прочно встал на ноги. Пока что ничего этого нет, а есть проекты, замыслы, мечты. Надо строить здания, завозить оборудование. А сделать это не так-то просто. Еще больше нужны кадры. Ведь тут, на комбинате «Кубань», опоэтизированным мужичкам и потешным казачишкам делать совершенно нечего.

В Тимашевском как бы лбами столкнулись две стихии: сила нашего социалистического строя и трудности нашего роста. И победа в этом столкновении, то есть реальность конечных результатов, во многом зависит от сегодняшних энтузиастов, от их ума и старания. И если они с таким желанием взялись за дело новое, необычное, то им и побеждать.

VII. ЭХ, МОТОРЫ! ПТИЦЫ-МОТОРЫ!

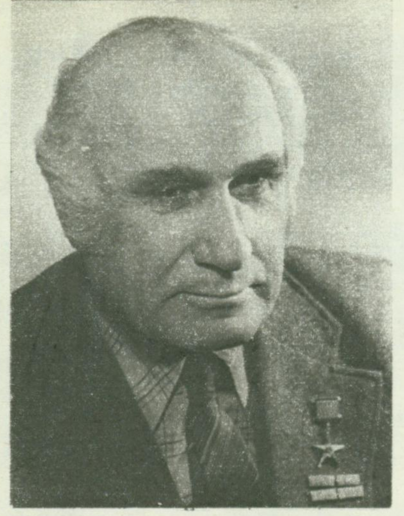
Как же, оказывается, устарел на моей родной Кубани всеми нами любимый и не стареющий Николай Васильевич Гоголь! Помните у него? «...дороги расползались во все стороны, как пойманные раки, когда их высыплют из мешка». Прекрасное сравнение, а к Кубани и к нашему времени не подходит. Нет, не раки! Если, допустим, с птичьего полета, а лучше с вертолета смотреть сегодня на те полосы земли, которые отведены для езды, то можно увидеть захватывающую дух картину. От Краснодара, от утопающей в зелени кубанской столицы, во все стороны, как лучи от солнца, уходят, сверкая, широченные трассы, и нескончаемым потоком по ним несутся машины и машины — ни конца им, ни начала. Вблизи Краснодара лежат магистрали такого широченного размаха, что автомобили мчатся по ним в три ряда в одну сторону и в три ряда в другую, да и тут им уже тесно.

Вы все дальше и дальше уезжаете в степь, через станицы и хутора, мимо пирамидальных тополей, посаженных еще в тридцатых годах, рядом с похожими на зеленые гривы лесными полосами, а асфальт под колесами становится все уже и уже. Когда же вы проедете, скажем, первые двести километров и свернете в бригадный стан, под колеса ляжет гравий, отлично укатанный, так что по нему в любую непогоду проедет самый тяжелый грузовик.

И все же великий художник слова будто бы видел из своего прекрасного далека наше неуемное время и наши асфальтные пояса на полях, когда писал: «Какое странное, и манящее, и несущее, и чудесное в слове: дорога!» Да, это как раз подходит к Кубани! Дороги здесь и чудесные и манящие, и перепоясали они все поля вдоль и поперек, а машины по ним летят, как птицы, днем и ночью, наперегонки, спешат, торопятся. Красивы дороги днем, а еще красивее ночью, когда их расцвечивают, как радугой, огни фар,— кажется, вся степь несется и несется неведомо куда. И ни один водитель, ни один пассажир не воскликнет знакомое: «Эх, тройка! птица тройка, кто тебя выдумал?» Но каждому, кто со скоростью ветра проносится по кубанским трактам, приходит на ум: «Эх, моторы! Птицы-моторы, сколько вас тут?» Они и встречаются, и обгоняют один другого, и проносятся мимо с такой скоростью, что голоса моторов похожи на возглас: «А-а-а! Посмотрите, посмотрите, как у нас на Кубани! Эй, посторонитесь, люди! Дайте нам дорогу в будущее!»

Краснодар — Курганинск — Москва.

К 75-летию со дня рождения Ираклия АБАШИДЗЕ

Вдохновение

Когда он чуть глуховатым голосом, просто и безыскусно читает свои стихи, вспоминаешь сказанные о нем слова: «простуженный соловей». Он покоряет чистой естественной мелодией поэтического слова.

Чрезмерных слов не говори
в строке,
но пусть за ней —
просторы непочаты,
чтоб кто-нибудь,
держа свечу в руке,
нашел в себе все то,
о чем смолчал ты.

Ираклий Абашидзе погружен в стихию родного языка глубоко и полно. Крупнейший национальный грузинский поэт, он вырос и возмужал вместе со всей советской литературой, молодость которой была и его молодостью. Самым юным делегатом первого Всесоюзного съезда советских писателей он общался с теми, кто был зачинателем новой, социалистической культуры. Огонь той яркой незабываемой поры он пронес через всю жизнь до наших дней. С первой книги «Несколько стихотворений», еще незрелой, страдавшей плакатностью и схематизмом, он пришел к ясному мудрому слову, к высокому мастерству, глубине мысли, остроте восприятия мира. Звонкость и раскованность души, ее молодых порывов он принес на порог своего почтенного возраста. Герой Социалистического Труда, академик, крупный общественный деятель, Ираклий Абашидзе не утратил чувства новизны восприятия жизни, свежего ощущения, что нужно «поклониться тому, что прекрасно, быть у дружбы в плену, быть духовного братства слугой».

Он родился в Западной Грузии, в местечке Хони, ныне Цулукидзе. Этот край славился своими литературными и театральными традициями. У отца будущего поэта была большая библиотека, и чтение книг, общение с классикой было любимейшим занятием юного стихотворца. А стихи он начал писать еще в школе. Потом была учеба в Тбилисском университете. Как писатель он формировался под впечатлением того нового, что зарождалось в то время. Вот как вспоминает об этом Ираклий Виссарионович: «В двадцатых — тридцатых годах я занимался в кружке молодых писателей. Мы ездили в сельские районы — там полным ходом шла коллективизация, на стройку первой в Грузии гидроэлектростанции — ЗАГЭС, в Колхиду, где осушались заболоченные земли... В результате появлялись очерки, корреспонденции, репортажи. Самым употребляемым словом в них было «впервые». Подобные командировки давали И. Абашидзе и его друзьям возможность чувствовать грандиозность свершений, духовно обогащали, помогали правильно оценивать происходившие тогда социальные процессы.

Так складывалась творческая биография поэта. Так он находил контакты с читателями, которые полюбили его стихи. И ценят и любят до сегодняшнего дня. Недаром поэт как-то признался:

Значит, я сохранил
Вдохновение наших
отвесных
Горных скал и тропинок,
Вторгающихся в синеву,
Вдохновенье теснин
Каменистых,
угрюмых и тесных —
Чудо детского виденья
Мира,
В котором живу.

Да и сегодня живет в нем «чудо детского виденья» прошлого, настоящего, будущего. С возрастом, с опытом пришло внутреннее зрение, внутренний слух, чувство бесконечности бытия, радости жизни. Его поэзия — это мужественный голос гражданина, интернационалиста, человека богатых переживаний души и сердца. Позади комсомольская юность, влюбленность в Маяковского, Блока, Галактиона Табидзе, встречи незабываемые и прекрасные, а потом война, потери друзей, скорбь по ушедшим, великая радость Победы, постижение тайн и жизни, и поэзии.

Открытию одной из тайн он посвятил многие часы и дни своей жизни. С юношеских лет ему не давала покоя тайна судьбы великого Руставели. Во время путешествий по восточным странам он всюду пытался найти хоть какие-нибудь его следы. В 1960 году по решению партии и правительства вместе с известными грузинскими академиками А. Шанидзе и Г. Церетели Ираклий Абашидзе отправился в Иерусалим. Были основания предполагать, что именно там провел Руставели свои последние годы. Экспедиция и данные, обнаруженные тогда, подтвердили достоверность этой гипотезы.

И Абашидзе создает цикл стихов «Палестина, Палестина», стихи о том, что думал и переживал великий поэт у порога смерти, вдали от родины. Николай Тихонов назвал цикл стихов И. Абашидзе, посвященных Руставели, большим достижением всей советской литературы.

На пороге своего 75-летия Ираклий Абашидзе верит в то, что «цель творчества — самоотдача». Он доказывает это жизнью своей.

В. СЕРГЕЕВ

Коэффициент Вредного Действия

СОПУТСТВУЮЩИЙ ТРАКТОР

В гастрономе продавали... тракторы. Небольшие, чуточку кособокие, с красными бензобаками и с чёрными колесами, с небрежно привязанной этикеткой. Тракторы эти заняли две полки отдела самообслуживания в гастрономе «Новоарбатский». А мимо торопился покупатель; кто с кульком вермишели, кто с упаковкой яблок, а третий нес пакет молока. Торговля шла бойко. Но никто почему-то не купил трактор.

Вчитался в надпись на этикетке: «Трактор-велосипед. Игрушка». К чему такое в гастрономе?

— Это сопутствующий товар,— охотно объяснила мне администратор. — Пришли вы за молоком, а попутно приобрели сопутствующий товар. Удобно?

— Пакет молока за шестнадцать копеек плюс трактор за десятку? — спросил я.

— У нас есть такой приказ. Продавать сопутствующие товары.— Администратор не то чтобы нервничала, просто не знала, что сказать, как ответить, чтобы я отстал.

А я все пытался узнать: что чему сопутствует? Копеечный товар рублевому, как полагалось бы, или как в том же «Новоарбатском»? Куда ни шло — такой вот трактор в «Детском мире». Но в бакалейном-то отделе? Уж не издевка ли это над покупателем?

— Вам же говорят: сопутствующий товар.

Помню «Новоарбатский» в первые месяцы после открытия. Заботливый эскалатор поднимал на второй этаж — в большой отдел самообслуживания. Здесь уже ждал упакованный и расфасованный товар. Прошел год после открытия, и самые ходовые продукты переместили на первый этаж, в сутолоку нервных очередей и долгого выстаивания в кассу, а эскалатор определили на глухой, многолетний «ремонт».

А на второй этаж, которым все так поначалу гордились, привезли эти самые игрушечные тракторы, не первый год встречаю их в уважаемом магазине.

Видимо, кто-то что-то не продумал. И не только здесь. Все чаще универсамы и отделы самообслуживания гастрономов заполняют никчемным, бесполезным, а то и откровенно неподходящим «сопутствующим товаром». Сами по себе секции и отделы с разной хозяйственной мелочью очень нужны; пришли вы за той же крупой, а по дороге, у выхода, вдруг обнаружили прилавочек с нитками, за которыми никак не соберетесь зайти в галантерейный магазин. А тут вот они, россыпью,— нитки, ситечки, воронки, сковородки, ножеточки, доски разделочные, зубные щетки, кремосбивалки и кусок хозяйственного мыла...

И Минторг страны и Центросоюз всячески за такие отделы. Издают приказы, создают инструкции, проверяют и наказывают. Но... Вот слова, произнесенные на коллегии Министерства торговли: «Во многих универсамах демонстрируются двадцатилитровые кастрюли, полуметрового размера куклы, а необходимых в быту мелочей не купишь».

В том же «Новоарбатском», одном из ведущих в столице гастрономических магазинов (значит, с него берут пример?), торгуют тракторами и пластмассовыми же «Козликами» (игрушка-каталка. Артикул Н-95-МГ), а всякую полезную мелочевку вывели из зала самообслуживания. Не умеют в гастрономе читать инструкции и приказы? Или не прислушиваются к ним? Неуместный, а то и откровенно бессмысленный товар вломился в отделы самообслуживания. И ни у кого не поднимается рука, чтобы не приказом, не словом, делом помочь такого рода торговле и навести порядок?

К. БАРЫКИН

ВМЕСТО ПОСЛЕСЛОВИЯ. Одному магазину в последнее время недостает для выполнения плана товарооборота нескольких тысяч рублей, другому — полмиллиона, а в торгах счет идет уже на многие миллионы. А оказывается, эти деньги под ногами; наклонись, подними и положи в государственный карман! Подсчитано, что при правильной организации торговли сопутствующими товарами можно получить выручку более миллиарда рублей в год!

Уж не для перевозки ли этого миллиарда и приобрел магазин тракторы-велосипеды?..

К. Б.

Вадим ЛЕЙБОВСКИЙ,
фото Михаила САВИНА,
специальные
корреспонденты
«Огонька»

НАД ОСКОЛОМ — НЕБО СИНЕЕ

адреса великих свершений

В этих местах стрелка компаса указывает не на север — юг, как и положено, а на восток — запад. Потому что — Курская магнитная аномалия. А девять десятых ее уникальных запасов сосредоточено в Белгородском железорудном районе.

На строящемся здесь супергиганте металлургии не будет домен: железо станут получать из руды «напрямую». На комбинат не пойдут бесконечные составы с углем — его заменят электроэнергия и газ. И не пойдут составы с... железной рудой — с горно-обогатительного комбината она будет поступать сюда в виде концентрата-пульпы по трубам.

Мы уверенно лидируем в мире по объему производства железной руды, кокса, чугуна, стали. Но этого теперь уже недостаточно. На первое место вышла задача получения высококачественной металлопродукции. Оскольский комбинат, создаваемый при участии Народной Республики Болгарии, фирм ФРГ, будет давать сталь и прокат самого высокого качества.

Трубы металлургических заводов. Высокие и низкие, толстые и тонкие — они тянутся к небу, окрашивая его отнюдь не в радужные тона.

Правда, теперь на заводах строятся огромные, мощные и дорогостоящие пылеочистные агрегаты, которые улавливают до 95 процентов выбросов. Но и прорвавшиеся в небо остатки — десятки тысяч тонн вредных веществ. И это только при сталеварении.

В Старом Осколе чистой будет не только сталь, но и воздух. Чистым, как прежде, как теперь, когда производство уже началось.

У главного инженера комбината профессора Валентина Семеновича Кудрявцева в Кузнецке есть друг Семен Караванов. Работал он раньше машинистом вагоновесов доменного цеха. Тяжело ему было — такая работа. А отец Валентина Семеновича, коренной сибиряк, в бункере висел на цепях и киркой долбил смерзшуюся руду. Так добывал он ее на сквозняке, в лютый мороз, чтобы Караванова работой обеспечить. Потом нашелся умелец, сконструировал автомат, и должность машиниста вагоновесов сократили. Отпала нужда и в бункерно́м: поставили горелки, и руда перестала замерзать. Теперь все это былью-травой поросло. И то, что происходит сейчас на комбинате, не могло в ту далекую пору сниться даже отчаянному мечтателю с хорошей инженерной подготовкой.

Кстати, именно с такой подготовкой на комбинате трудятся немало рабочих. Их дело требует огромного умственного напряжения. Их рабочая профессия потребовала инженерной подготовки.

Вот, к примеру, один из основных производственных процессов на комбинате — получение металлизированных окатышей — главного сырья сталеплавильного производства. Нет теперь домен, нет чугуна — он заменен окатышами. В хороших окатышах почти до девяноста процентов железа. Но такой продукт нужно умсть получить, а это непросто. Потому и целый цех построен — как огромный завод.

Коли нет домны, нет и кокса, вместо него — газ. А еще был горновой — человек огненной профессии, принимавший огонь на себя. Горновой на домне, что сталевар на конвертере. Уход за летками, литейным двором, фурмами, контроль за своевременной и правильной загрузкой домны материалами, выпуск чугуна, шлака — его забота. Его печаль. Все. Кончилось. В Старом Осколе горнового нет.

Главным действующим лицом в бездоменном производстве стал газовщик. Суть его профессии — в тончайшем знании и понимании процессов, происходящих в печи.

В доменном производстве использовались два вида газа, здесь сразу восемь, причем все агрессивные, токсичные, взрывоопасные. Газы нужно держать в жестких рамках параметров и пространства, чтоб и в печи все шло как надо, и наружу прорыва не было. Конечно, работает автоматика, но человек здесь все равно должен быть умнее ее. У газовщика в голове информация с двух сотен приборов. А еще он должен предвидеть, что будет с печью и материалами через час... два... шесть часов.

Главный инженер сравнил действия газовщика с работой пилота сверхзвукового самолета.

Предположим, один шофер водил тяжеловесный гигант БелАЗ. Потом решил пойти в испытатели гоночных автомобилей. Сталевар работал на конвертере, но вот захотелось ему варить наипервосортнейшую сталь, и, приехав в Старый Оскол, добился работы в электросталеплавильном цехе. Ценность предыдущего профессионального опыта в обоих случаях примерно одинакова. Работа сталевара на Оскольской электропечи — искусство столь же высокое, что и качество получаемой продукции. Мысль эта не покидала Сашу в ночь перед первой плавкой. Он ясно осознавал, что во всей его жизни не было пока дня, более значительного и торжественного, чем грядущий. Подумать только: ему, Александру Птухе, еще не так давно слесарю доменного цеха Краматорского металлургического завода, предстояло сварить самую первую сталь комбината, который в недалеком будущем станет гордостью науки и техники двадцатого века. В общем, правильно понимал Птуха и завтрашний день, и свое, прямо скажем, высокое назначение!

Сталевары — люди с обостренным чувством престижности своей профессии. Птуха мечтал стать сталеваром, когда совсем еще пацаном был.

Но долгое время песня не складывалась, и пока Саша все слесарил у доменщиков, после работы он частенько забегал к сталеплавильщикам: работой их полюбоваться, да и просто тамошним воздухом подышать. Сам же сталь начал варить, лишь переехав в Нижний Тагил, куда жена по окончании института получила распределение. Это была уже совсем другая жизнь — жизнь иного смысла и наполненности.

В 1976 году Птуха из газет узнал о начавшейся Всесоюзной ударной комсомольской стройке — о будущем электрометаллургическом комбинате, которому, как он понял, суждено опередить время. И Александр, решив, что час его пробил, тут же написал в отдел кадров комбината. Однако ему ответили: «Ждите!» Терпения его хватило лишь на два года, и он приехал в Старый Оскол. Однако, опытным взглядом оценив обстановку, понял, что ждать придется еще долго.

Он вернулся в Нижний Тагил. Варил сталь, внимательно следя по газетам за темпами строительства Оскольского комбината. Знал, верил, что будет там работать. Но что выпадет ему право и честь наполнить первый, самый первый ковш Белгородской Магнитки, на такое в ту пору Александр Птуха даже не посягал.

В ночь с 13 на 14 августа нынешнего года это свершилось.

С каждой плавкой первая электросталеплавильная печь комбината набирает силу, дышит все глубже, выдавая все более и более качественную сталь. Девять месяцев — таков срок вывода печи на проектную мощность. Вместе с «обучением» печи обретает опыт и человек, опыт пока что уникальный.

Медленно отплывает свод, освобождая внутреннюю чашу печи. По команде с центрального поста начинается загрузка магнезитового порошка, а затем и шихты.

— Включить электроды! — звучит по линии громкой связи.

Ослепительной молнией ударяет в шихту вольтова дуга.

— Поднять напряжение!.. Шестая ступень... Десятая... Начать подачу окатышей!

Производительность — сто семьдесят килограммов в минуту. Теперь — подачу извести: триста килограммов в минуту.

Растет температура: 1500 градусов... 1550... 1600... Идет удаление из металла углерода. Кипит металл.

Бригадир Валерий Шицов на глаз, через защитное стекло оценивает состояние атмосферы в печи и шлака. С пульта выдается команда на взятие пробы металла. Проба автоматически заправляется в патрон и пневмопочтой мчится в лабораторию. Через считанные минуты оттуда поступает результат анализа: углерод — 0,35 процента и данные по содержанию кремния, фосфора...

— 0,35 углерода,— говорит Птуха,— это много. Нужно вдвое меньше.

— Продуть кислородом в течение трех минут,— получает распоряжение первый подручный Сережа Забалдин.

Еще проба.

— Ну, вот и все. Можно сливать.

Теперь на мгновение прочь автоматика с электроникой и — светлая память дедам! Потому что в ход идет ломик, которым разделывается — и не дай нам бог сказать «открывается» или «пробивается» — выпускное отверстие.

И хлынул металл!

...Без малого четыре века назад на высоком правом берегу Оскола возник город, и преградой встал он на пути чужеземцев. И вот теперь комбинат городу словно укор бросает: «Ну, какой же ты старый, Оскол?!»

Но, верно, уж никогда и ничья рука не зачеркнет взамен иных эти два ветхих, но крепких, как бойницы крепости, слова, в которых слышится и молодецкий взмах кривой сабли, и легкий посвист стрелы.

Разливка стали * Они учатся в школе искусств.

НА РАЗВОРОТЕ ВКЛАДКИ:
Сталевар Александр Андреевич Птуха * Город Старый Оскол. Монумент советско-болгарской дружбы * Участница хореографического ансамбля «Радуга» Ольга Селиверстова.

ОЭМК

ЕДИНАЯ под множеством имен

рампа

А. КАРАУЛОВ

Одно из самых неожиданных театральных впечатлений последних лет — Ирина Мирошниченко в спектакле «Украденное счастье» на сцене Московского Художественного театра...

Как часто всего ставили «Украденное счастье»? Шел тяжелый разговор о стародавней гуцульской деревне; об украденном счастье Анны и Гурмана; о «власти тьмы». Создатели нового спектакля решили тему иначе.

Сцена погружена в загадочные сероватые тона; курится дымок, он легко струится вверх и растворяется над крышей в едва заметном облачке. До начала действия пейзаж абсолютно безлюден. Но его одухотворяет любование мотивом. Тут все обжито... Вчитываясь в «Украденное счастье», театр ставит некий вселенский сюжет: вечно прекрасную тему. Он ставит спектакль о любви.

Анна, жена Задорожного, полюбила Михайло Гурмана. Обычный любовный «треугольник»? Задорожный — Анна — Гурман... Но нет! Трудно поверить, что Анна, какой ее увидела Ирина Мирошниченко, могла подчиниться воле братьев и выйти замуж за нелюбимого. Любовь — это подчеркивает Мирошниченко — приходит к человеку не спросясь. Коль скоро Анне и Гурману суждено полюбить друг друга и коль скоро их дороги пересеклись — любовь возникает неминуемо. Анна будет сопротивляться, она верна супружескому долгу. Но любовь сильнее, и это судьба.

Задорожный — Бурков. Несчастнее человека не найти. Показывает это Задорожный — Бурков всем своим видом. Грех его тяжек: это он, Микола Задорожный, украл счастье Анны и Гурмана, «выкупил» Анну у братьев, прекрасно зная, что она любит Гурмана, его друга-врага. Бремя греха иссушило Миколу. Он, может, и рад бы искупить грех, но как? Кто научит, кто подскажет? Ведь столько времени прошло! А каково Анне? Нет любви — нет жизни, вот о чем говорит Мирошниченко.

Трагедия рождалась здесь словно и не из сюжета пьесы. Мирошниченко — Анна сгибалась под тяжестью беды, как тростинка под порывами ветра. В «Украденном счастье» у актрисы появилась своя пластическая тема. Она мыслила пластически. Ее роль строилась на трагическом конфликте мечты, духа, любви и — реального мира. Актриса играла любовь, с которой не соглашалась жизнь. И даже ее финальная исповедь, в которую Анна вкладывала, казалось, всю силу, всю боль своей истерзанной души, не мирила ее с действительностью. Люди, деревня не могли простить ей извечное человеческое желание вырваться на свободу, самой распоряжаться своей жизнью. Деревня мстила Анне беспощадно.

Тема любви украшает все творчество Ирины Мирошниченко.

Прекрасна была ее Маша в «Чайке», поставленной Борисом Николаевичем Ливановым. Думается, спектакль этот остался недооцененным, как, впрочем, и работа Мирошниченко. А играла она замечательно. Ее Маша действительно любила Треплева. Убить, преодолеть в себе это чувство она не могла. Любовь ее прошла с ней по жизни... Маша пыталась бороться, заглушала любовь водкой, но легче не становилось.

Мирошниченко позволяла видеть, ощущать глубокую душевную драму Маши. Выглядела она удивительно эффектно. Черное платье, которое Маша носит в знак траура по своей жизни, было актрисе на редкость к лицу. Но скрыть одиночество, свою беду Маше — Мирошниченко не удавалось.

Героини Ирины Мирошниченко почти не знали психологических компромиссов. Их решения не замутнялись сомнениями, внутренним спором. Актриса непринужденно «очищала» психологию от бытового правдоподобия. Ее Аркадина, например, сыгранная в новом варианте «Чайки», не просто актриса. Она — прелестная актриса. Играет она постоянно: играет с сыном; с Тригориным; в ней живет удивительный «театрообразующий инстинкт». Но мы тем не менее успеваем заметить, почувствовать, что ее душа мучительно пуста. Да, Аркадина страдает: годы уходят, но жизнь все равно берет свое,— жизнь не отпускает ее в старость, и Аркадина любит Тригорина со всей силой нерастраченной женственности...

Нет любви — нет жизни... Эта же тема прозвучала и в «Татуированной розе» по Теннесси Уильямсу, где Мирошниченко исполнила заглавную роль. Может быть, это одно из самых памятных исполнений Уильямса на советской сцене. Мирошниченко довела разработанность роли до предела. И так же предельно наполнила ее глубоким, истинно мхатовским психологизмом. Каждое слово актрисы звучало ясно и веско. Она обнаружила прекрасное умение приковывать к себе внимание зрителей.

В первом акте Мирошниченко, может быть, казалась чуть-чуть холодноватой. Чувствовалось, что она несколько отделяет себя от образа, что между собой и образом актриса выдерживает определенную дистанцию. Но ее игру неизменно наполняла взыскующая правда жизни. Она играла смело и свободно, не боялась резкой смены чувств и строила роль на контрастах.

Первый акт был сыгран подчеркнуто холодно. Строго сосредоточенно. Второй акт, когда героиня узнает, что муж, чья смерть ее глубоко потрясла, не был верен ей, Мирошниченко сыграла с поразительной силой. Словом —

Тоску и грусть, страданья,
самый ад —
Все в красоту она преобразила...

Можно ли сказать, что судьба Ирины Мирошниченко в Московском Художественном театре сложилась удачно? Кажется, да, безусловно! Десятки разноплановых спектаклей: «Чайка», «Три сестры», «Соло для часов с боем», «Старый новый год», «Татуированная роза», опять «Чайка»... Но еще и целые сезоны, когда она была вынуждена играть только прежний репертуар, когда не было решительно никаких надежд, что в скором времени появится интересная и неожиданная работа.

Странное дело. В статьях о Бабановой, Раневской, Зеркаловой, Андровской — будто речь идет об одном и том же человеке — звучит одна неизменная мысль: как жаль, что эти замечательные мастера не сделали за свою жизнь и половины того, что могли бы сделать. Ушли, так вполне и не раскрыв богатейшие возможности своего дарования... А ведь Мирошниченко тоже хочет работать с той степенью творческой интенсивности, самоотдачи, к которым она привыкла еще в театральном училище.

Когда нет работы в театре, она снимается в кино. У актрисы отличные внешние данные, но раз и навсегда отказалась она идти по пути наиболее выгодного их использования. Как все ее чеховские героини, Елена Андреевна в кинофильме «Дядя Ваня» выглядела обаятельно. Но за внешней выразительностью формы Мирошниченко успевала обнаружить теплоту души, найти у Елены Андреевны проникновенную человеческую интонацию. Да, она еще чуть-чуть «играла», особенно в сценах с Астровым—Бондарчуком. Но сквозь эту игру доносились неприкрашенные чувства...

Мирошниченко верна эстетике МХАТа, верна его традициям. Она находится в прекрасной актерской форме. За плечами — десятки сыгранных ролей. Но Мирошниченко ни разу не играла мелодрамы, очень редко выступала в комедиях. Она почти неизвестна как трагическая актриса. То же самое можно сказать и о советских пьесах — в ее сегодняшнем репертуаре их просто нет.

А жаль. Очень жаль. Будем думать, что это случайность. Будем надеяться, что ей повезет чуть больше, чем многим актрисам Московского Художественного театра, долгие годы остававшимся без новой интересной работы.

У Ирины Мирошниченко есть право на это. Право таланта.

Заслуженная артистка РСФСР Ирина Мирошниченко.
Фото А. МАСЛОВА

среди книг

В новой книге стихов Борис Примеров вновь подтвердил нерасторжимое свое родство с донской степью: она словно сама говорит в его стихах «соловьиным июлем, полным ходом косьбы», там, где «жаркий Дон целует прямо в губы поле, подбежавшее к нему». Да и лирическая родословная поэта ведет начало от родного простора:

Гуляй, строка, в великолепье
Цветов, разбросанных вокруг.
Строка, воспитанная степью,
Обретшая высокий слух.

«Высокий слух» — одна из самых характерных примет поэтического письма Бориса Примерова. Чтобы узнать того или иного поэта, надо войти в его мир. Иногда это очень сложный, длительный процесс: самое неожиданное, неопознанное порой стоит за стихотворными строками. Борис Примеров зовет нас к ожидаемому и знакомому, призывает нас видеть то, что мы видим, чувствовать то, что чувствуем. Но главное — как. Не урывками, не полузабыто, вяло, не снизу вверх или сверху вниз — в полноте цельного мироощущения, в истинно человечьей высоте, любя и понимая. Так, как поступает сам поэт: «Вот захочу — распрямлюсь я, как травы, и — в обложной, обжигающий дождь!» Степь, земля воспитала в поэте и его главную заботу:

Чтоб не убывала с восхода,
Как совесть чиста и свежа,
Российской породы природа
И той же породы душа.

Для самого поэта российская порода органична, как дыхание, как взгляд. В одном из стихотворений мы застаем его как раз в ту

ВЫСОКИЙ СЛУХ

минуту, когда он как бы впервые ощущает себя владеющим азбукой русского стиха:

Сегодня все необычайно звонко,
Неудержимо в сердце, в голове.
Заглавных букв степные
жаворонки
Стоят высоко в талой синеве.
На ста ветрах стоят, на мир
глазея
Так, что с ветвей срывается
листва,—
Они мои. Я тайной их владею,
Я на полет им выдаю права.

Торжественность стихотворения в том, что поэт словно бы ставит собственную роспись в тысячелетнюю летопись славянства. Продолженную в нынешний день.

Борис Примеров — лирик по самой своей творческой сути. Но эпические начала всегда присутствовали в его образах, исторических мотивах. Оттого естественным кажется и сегодняшнее его тяготение к большой стихотворной форме. Этого потребовал накопленный духовный опыт. Существенное место в книге занимают «Воспоминания в 14 картинах с двумя эпиграфами, прологом и эпилогом» — «Циферблат». Произведение состоит из глав-стихотворений, еще не слившихся в цельное повествование, но пронизанных единством социально-исторического замысла. Здесь Примеров начинает поэму «о времени и о себе», охватывающую большой период послевоенной жизни.

Примечательно то, что поныне поэт сохранил свойство, говоря о безграничном, вселенском, постоянно помнить о живом человеке, своем читателе. Чувствовать взаимное доверие, ответ на свой порыв — большое счастье для поэта. Книга «После разлуки» раскрыла перед читателем. Счастливой встречи!

Н. ЛЕВШИН

Борис Примеров. После разлуки. Стихи. М., «Советский писатель», 1983, 80 стр.

В. И. Ленин с группой командиров обходит фронт войск Всевобуча на Красной площади 25 мая 1919 года.

Военный парад на Красной площади 7 ноября 1941 года.

Красный воин всегда впереди.

В минуты самой острой опасности от белых генералов лучшие красноармейцы ограждали эту опасность от рабочих и крестьян. [illegible]

Красный воин всегда впереди в минуты опасности. Он всегда там, где страдает народ его, ибо сам красный воин является сыном своего народа. М. Калинин

14/X 21.

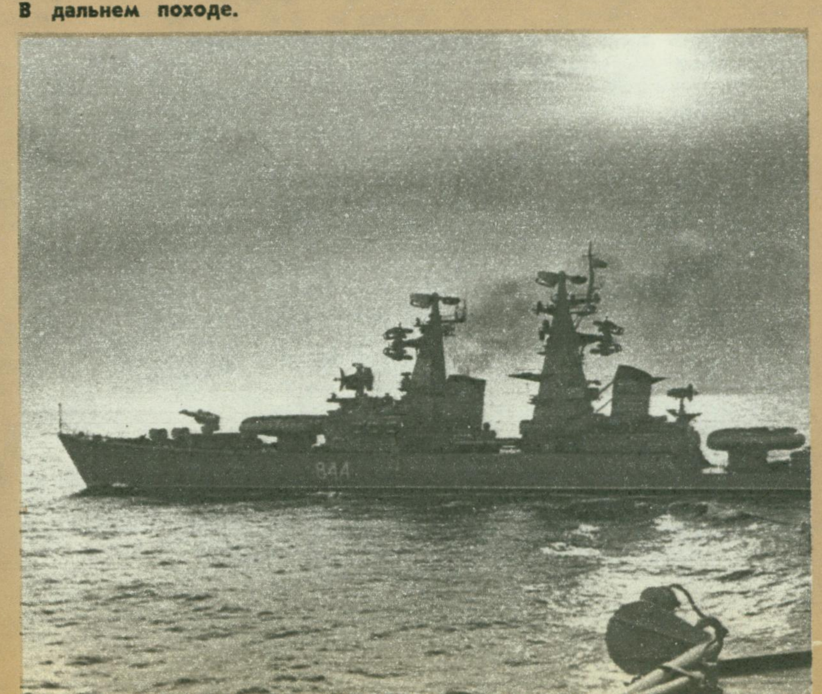
Обращение М. И. Калинина к воинам Красной Армии.

ТЫСЯЧА ПЯТИ

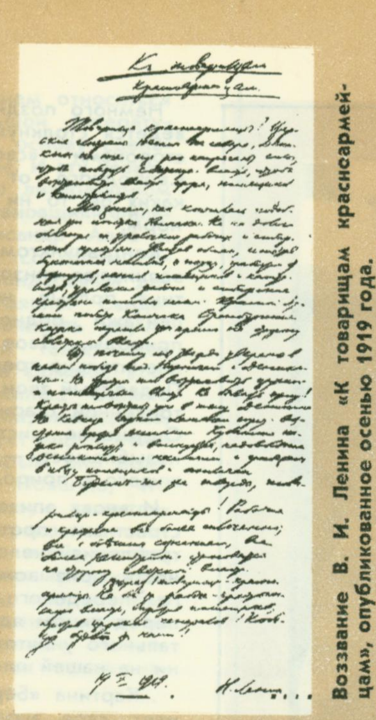
Атака.

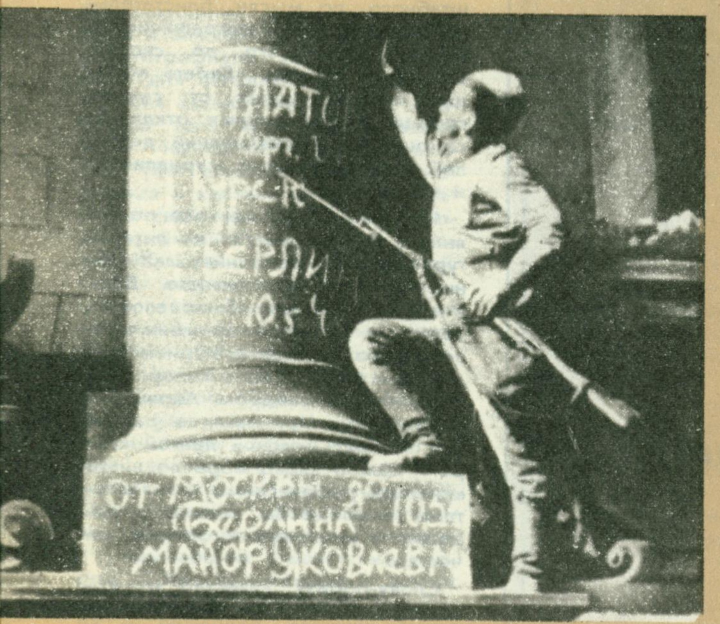
В дальнем походе.

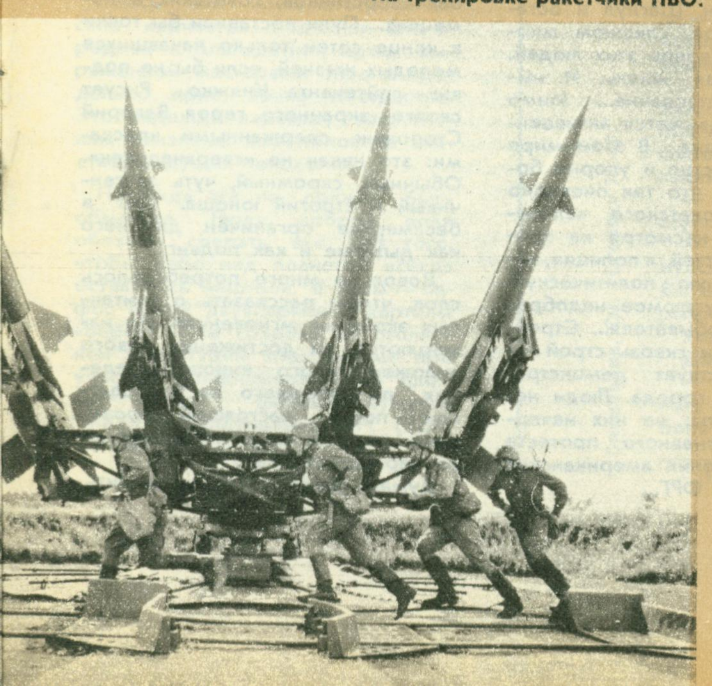
Воззвание В. И. Ленина «К товарищам красноармейцам», опубликованное осенью 1919 года.

Автограф на рейхстаге.

СОТЫЙ

На тренировке ракетчики ПВО.

(Фото из архива «Советского воина»)

Ю. ВИНОГРАДОВ,
главный редактор журнала «Советский воин», полковник, лауреат премии имени А. Фадеева, кандидат исторических наук

Литературу часто сравнивают с морем, беспокойным, штормящим, проверяющим характеры людей, их верность избранному пути. В этом нелегком и трудном плавании не обойтись без компаса, с помощью которого можно точно выверить свой курс. Это по ним — литературным журналам — ориентируется читатель, находит то, что его интересует, к чему влечет. У журнала «Советский воин» свои особые силовые линии, только ему присущая целенаправленность. Он ведет своим курсом советскую молодежь, с оружием в руках охраняющую мирную жизнь социалистической Родины.

Шестьдесят пять лет выполняет свой боевой долг «Советский воин». 1500 номеров журнала вышло за эти годы. В пору своей юности журнал носил название «Красноармеец». «Почти одновременно с созданием Красной Армии,— писал М. В. Фрунзе,— создался красноармейский журнал. Это свидетельствует о том, какое важное место в строительстве нашей армии все время занимала и занимает красноармейская печать».

Осенью 1919 года в «Красноармейце» впервые было опубликовано специально написанное для журнала В. И. Лениным воззвание «К товарищам красноармейцам». Обращенное непосредственно к народным массам, оно прозвучало набатным призывом к борьбе «за рабоче-крестьянскую власть, против помещиков, против царских генералов...»

Большое значение для мобилизации воинов Красной Армии имели выступления в журнале видных партийных, государственных и военных деятелей — М. И. Калинина, М. В. Фрунзе, А. С. Бубнова, Н. И. Подвойского, А. В. Луначарского, Ем. Ярославского, К. Е. Ворошилова, С. М. Буденного. Этому патриотическому делу служило страстное художественное слово Максима Горького и Демьяна Бедного, Валерия Брюсова и Александра Неверова, Александра Серафимовича и Алексея Новикова-Прибоя, Алексея Суркова и Михаила Светлова и многих других поэтов и писателей.

Как в годы гражданской, так и в Отечественную войну журнал отправляли на фронт срочно, наравне с боеприпасами. В жестоких боях с фашизмом решающую роль сыграли не только наши дивизии. Великой силой было и вдохновляющее слово партии, набатом звучащее в военной печати. Наравне со всеми сражался и «Красноармеец». С его страниц к советскому воину обращались крупнейшие писатели: Алексей Толстой, Александр Фадеев, Сергей Сергеев-Ценский, Константин Симонов, Константин Паустовский, Всеволод Вишневский, Вячеслав Шишков, Николай Тихонов, Илья Эренбург, Вадим Кожевников и многие, многие другие.

Свою главную книгу, «Про бойца», написал по заданию редакции Александр Твардовский, и «Василий Теркин» в 1942 году со страниц августовского номера журнала уверенно зашагал по дорогам войны к Победе.

В сорок четвертом журнал был награжден орденом Красной Звезды.

Славные боевые традиции прошлого заставляют коллектив «Советского воина» сегодня трудиться с еще большей творческой энергией, идти в ногу со временем. Показывая качественно новый уровень нашей армии и флота, журнал продолжает публиковать документальные материалы о выдающихся людях страны, прежде всего военных, давать подборки писем фронтовиков, создавая таким образом своеобразную антологию солдатского подвига. На своих страницах «Советский воин» стремится ярко раскрыть романтику воинской службы, мужество и доблесть воина наших дней.

«Советский воин» не был бы таким, какой он есть, если бы наряду с выступлениями военачальников, партийных и государственных деятелей, профессиональных мастеров слова не публиковал изо дня в день корреспонденции, очерки, рассказы, стихи, песни, рисунки и фотографии солдат и матросов, сержантов и старшин, офицеров. Сочетание публикации произведений профессиональных прозаиков и поэтов с материалами армейских и флотских литераторов — давняя и неизменная традиция журнала.

Главный герой на страницах журнала — это советский солдат, опора и надежда Отчизны. Его служба, быт, мысли и душевные устремления интересны вчерашнему фронтовику и парнишке, только-только ступившему со школьного порога в большую жизнь, девчонкам, которые ждут, и родителям, благословившим сыновей на ратный труд. Этот интерес виден по многочисленной почте, по тому доверию, которое проявляют читатели к журналу.

Высоко уважение советских людей к человеку в солдатской шинели — герою журнальных повестей, очерков, рассказов, иллюстраций. Своим примерным служением Родине «Советский воин» постоянно воспитывает у молодого читателя лучшие качества бойца, ведет его за собой на достойное продолжение славных боевых и трудовых традиций нашей страны, партии, нашего героического народа.

«Пусть с годами в генералы метят толстые журналы,— ты по всем статьям твоим оставайся, как бывало, тонким, бравым, рядовым»,— желал любимому журналу А. Твардовский.

кинопремьера

Кадр из фильма.

На экране — „БЕРЕГ"

Феликс АНДРЕЕВ

Фильм вместил в себя очень многое. Полные динамики эпизоды уличных боев в майские дни последнего года Великой Отечественной. Босоногое детство героя в маленьком русском городке. Его же раздумья в зрелые годы над извечными проблемами войны и мира. Увиденные зорким писательским глазом антагонистические противоречия современного Запада, уродство существования чужого и чуждого нам жизненного уклада...

Вместе с создателями ленты пристально вглядываемся мы в прекрасные мужественные лица воинов наших, пришедших в победном сорок пятом на немецкую землю. Пришли они не как яростные мстители, готовые все сокрушить, разметать, уничтожить, а как благородные освободители миллионов людей от ужасов гитлеризма. Хотя у каждого есть все основания предъявить страшный, неоплатный счет фашистам: убитые, замученные, расстрелянные родные и близкие; сожженные села, деревни, города... Однако счет этот каждый предъявляет фашистам, а не немецкому народу.

Горе побежденным — речение, чуждое духу русского человека, сути и смыслу морали советских людей. Потому-то первая забота русского военного коменданта в маленьком немецком городке, на окраинах которого с упорством фанатиков еще сопротивляются эсэсовские недобитки,— накормить женщин, стариков и детей, хоть как-то наладить быт.

Поистине безбрежное пространство экрана дает нам возможность постоянного перемещения во времени. Перемещения не хаотичного, а вполне осмысленного, диктуемого самой логикой сюжета, самого действия фильма «Берег»... Казалось, только-только расстались мы с юным лейтенантом Никитиным и немецкой девушкой Эммой — и вот вновь встречаемся с ними, уже в наши дни. Причем полностью дано ощутить нам, что не гример, а именно само время убелило виски этих людей сединой. Время спрессовано чудом подлинного искусства — полнокровным, талантливым кинематографом.

Эмма, только что еще совсем юная, трепетная, а теперь уже сдержанная элегантная дама, встречает много лет спустя в ультрасовременном аэропорту некогда любимого ею человека. О нем напоминает ей лишь плакатик: старательно, латинскими буквами выведено дорогое для нее русское имя. Ищущий взгляд прекрасных глаз, только он остается прежним. Навстречу ему и шагнул Никитин. Шагнул и остановился. Многое, слишком многое разделяет теперь этих людей. Разделяет целая жизнь. И нынешнее существование... Мимо них медленно движется антивоенная демонстрация... В этом мире приходится яростно и упорно бороться за то, что так очевидно для каждого советского человека; бороться, несмотря на преследования властей и полиции, несмотря на полную политическую апатию либо угрюмое недоброжелательство обывателя... Стройными колоннами сквозь строй полицейских шествует демонстрация по улицам города. Люди несут транспаранты; на них начертаны слова гневного протеста против размещения американских ракет на земле ФРГ...

Немного позднее Никитину доведется столкнуться и с другими сторонами «свободного мира». Свободного от стыда, совести, каких бы то ни было моральных норм.

Контрапунктом к этим сценам возникают эпизоды детства Никитина, полные неброской поэзии пейзажи родной среднерусской природы... Двое детей на берегу пленительно-прекрасного озера. Подводный звон колоколов с подтопленной старинной колокольни. Ощущение чистоты, цельности и незыблемости — единения всего живого с природой.

И вновь эпизоды, что читаются страстным протестом против истребления человека и человечности, призывом к единению всего передового, прогрессивного перед лицом ядерной угрозы, тотального уничтожения самой жизни на нашей планете.

...Картина «Берег» только начинает свое экранное шествие. А встречу с массовым зрителем уже предварила череда ярких отзывов, интересных, талантливых публикаций. Совершенно очевидно, что художественный уровень масштабного по мысли, блистательного по кинематографической форме, эпического по своему звучанию фильма «Берег» породил поток идущих от самого сердца взволнованных откликов, самоценных высказываний деятелей нашей культуры, журналистов и критиков.

Говоря о фильме, все постоянно возвращаются к литературному первоисточнику... Желание вполне естественное. Ведь и впрямь вначале было слово!.. Только с течением времени, проведенного писателем Юрием Бондаревым совместно с кинорежиссерами Александром Аловым и Владимиром Наумовым в работе над мосфильмовской лентой «Берег», самое слово обросло чисто кинематографическими эквивалентами и вроде бы незаметно перешло в иное, новое, зримое качество.

Слову-образу качество это сообщило киноискусство. Можно было бы заняться сравнительным анализом и проследить за тем, как скупая, полная внутренней экспрессии писательская строка трансформировалась в лаконичный, афористичный по своей сути эпизод. Скажем, сцену гибели юного лейтенанта Княжко в памятные майские дни тысяча девятьсот сорок пятого года. С белым парламентерским флажком идет он навстречу собственной гибели, ни на миг не помышляя о ней. Его думы были лишь о судьбах сверстников, советских и немецких... Пули поставили бы точки в конце сотен только начавшихся молодых жизней, если бы не подвиг лейтенанта Княжко... Рисует своего экранного героя Валерий Сторожик сдержанными красками: это никак не «сверхчеловек». Обычный, скромный, чуть застенчивый и строгий юноша. Шаг в бессмертие органичен для него как дыхание и как подвиг.

Довольно много потребовалось слов, чтобы рассказать о считанных экранных мгновениях. Но измеряются ли достижения нового художественного кинопроизведения, произросшего на благодатной почве настоящей прозы, лишь достоинствами литературного первоисточника?..

Думаю, должно всегда помнить,

должно с уважением относиться к идее, духу большой литературы, положенной в основу сценария любого фильма. И эту уважительную память о литературном первородстве постановщики фильма «Берег» Александр Алов и Владимир Наумов со своим соавтором Юрием Бондаревым демонстрируют постоянно. Свидетельством тому **точность** звучания магистральной темы, всех тончайших нюансов романа, воссозданных в картине... Однако судить новое кинопроизведение, конечно же, следует еще и теми законами, по которым оно рождалось и живет. Полагаю, что зрители встретят новую талантливую картину с интересом и пониманием. В ней, на мой взгляд, очень остро, выпукло проявилось умение авторов в, казалось бы, частном случае, частной истории рассмотреть волнующие закономерности и проблемы истории народов, самой жизни.

В канун сорокалетия Великой Победы создатели «Берега» возвращают зрителей в теперь уже неблизкие, но вовеки незабываемые времена... Фашизм повержен. Миллионы людей живут в предощущении эпохи всеобщего мира и благоденствия. Однако кинематографисты вооружены знанием дня сегодняшнего, возможностями сопоставить чаяния и надежды того времени с суровой явью нынешней действительности... Они вмещают в свой кинорассказ и картины сугубо лирического свойства. Батальные эпизоды органично соседствуют с документальной военной хроникой. Сцены современной жизни большого капиталистического города сопряжены с непрерывным внутренним движением мысли крупного советского писателя Вадима Никитина (Борис Щербаков). Вновь, уже в наши дни, ступил он на немецкую землю. Вместе с ним дано и нам посетить эти же места в самом конце Великой Отечественной; стать свидетелями последних яростных схваток с издыхающим фашистским зверем... Мы вспоминаем о любви молоденького лейтенанта Никитина и немецкой девушки Эммы (Наталья Белохвостикова)...

Постановщики фильма демонстрируют нам поистине виртуозное владение всем богатейшим арсеналом средств кинематографа. В фильме действует слаженный актерский ансамбль, в котором наряду с уже упомянутыми артистами мастерски ведут свои партии Армен Джигарханян, Владимир Гостюхин, Альбина Матвеева, Владимир Заманский и другие их коллеги.

...Весь же кинематографический «оркестр» подчинен благородной и благодатной идее, выраженной мастерами экрана предельно ярко, точно и страстно. Это надежда народов, заплативших жизнями миллионов за счастье грядущих поколений.

Надежда эта не должна быть обманута. Люди доброй воли обязаны сделать все для того, чтобы небо над планетой всегда оставалось мирным. В этом — пафос новой двухсерийной картины «Берег». Она создана на столичной киностудии «Мосфильм» при участии западноберлинской фирмы «Альянс фильмпродукцион ГМБХ» и телевидения ФРГ (ВДР, Кельн).

Окончание. См. «Огонек» № 49.

Бен ХЕКТ

РАССКАЗ

ЧУДО ПЯТНАДЦАТИ УБИЙЦ

Рисунки П. ПИНКИСЕВИЧА

На другой день в полдень я приехал к Хоровитцу домой и увидел, что двое детей практически здоровы. Семилетний, однако, и впрямь казался очень больным. Оказывается, они разыскивали меня с самого утра. Температура у ребенка была сто пять градусов[1]. Организм был обезвожен, под запавшими глазами — круги, лицо вытянулось, ноздри расширены, губы синюшные, а кожа холодная и липкая.

Доктор Дейвис замолчал. Заговорил доктор Милтон Моррис, прославленный специалист по легочным болезням.

— Он умер через несколько часов? — спросил он.

Доктор Дейвис кивнул.

— Ну что ж,— спокойно сказал доктор Моррис,— вроде бы все ясно. Когда вы увидели его впервые, у ребенка был острый приступ аппендицита. Касторовое масло прорвало его аппендикс. А к тому времени, когда вы увидели ребенка снова, уже начался перитонит.

— Да,— неторопливо признал доктор Дейвис,— именно так все и было.

— Убийство касторовым маслом,— проквохтал старый Тик.— У меня тут записка от доктора Кеннета Вуда. Слово предоставляется доктору Вуду.

Маститый хирург-шотландец, прославившийся в студенческие годы участием в Олимпийских играх, встал. Он все еще был мужчина, что называется, в соку, с большими руками, плотными плечами, в его журчавшем голосе угадывалась мужская сила.

— Не знаю даже, каким убийством вы назовете мое,— улыбнулся доктор Вуд коллегам.

— Обычное название — убийство мясником,— сказал Тик.

— Пожалуй, вам придется назвать его обыкновенным убийством глупостью,— мягко возразил доктор Вуд.

Старый Тик снова хихикнул.

— Если бы вы занимались диагнозом побольше, а толканием ядра поменьше, вы бы не гробили столько пациентов,— сказал он.

— Это мое первое сообщение за три года,— скромно ответил Вуд.— А оперирую я четыре-пять человек в день, включая и выходные.

— Дорогой мой Кеннет,— сказал доктор Хьюм,— на одно убийство за три года имеет право каждый хирург. Собственно, это даже феноменальный рекорд, особенно если учесть, каким вы подвергаетесь искушениям.

— Продолжайте рассказывать о своем преступлении,— сказал Тик.

— Ну...— Представительный хирург повернулся к своему коллеге, к новому члену.— Вы же знаете, Сэм, как бывает с этими острыми воспалениями желчного пузыря.

Уорнер неопределенно кивнул.

Доктор Вуд продолжал:

— Доставили поздно вечером. Невыносимые боли. Я осмотрел пациентку. Обнаружил боль в верхней правой четверти живота. Она отдавалась в спину и правое плечо, что абсолютно характерно для желчного пузыря. Я дал пациентке опиаты. Они на нее не подействовали, что, как вы знаете, только подтверждает любой диагноз с желчным пузырем. На желчный пузырь опиаты никогда не действуют.

— Это нам известно,— сказал новый член, нервничая.

— Простите,— улыбнулся доктор Вуд.— Я просто хочу представить все поподробнее. Ну, тогда я, чтобы снять боль, дал пациентке нитроглицерин. Температура у нее была сто один. К утру боль стала такой сильной, что разрыв желчного пузыря не вызывал никаких сомнений. Я прооперировал. С этим пузырем, будь он неладен, оказалось все в порядке. Через час пациентка умерла.

— Что показало вскрытие? — спросил доктор Суини.

— Одну минуточку,— ответил Вуд.— Это вы ведь вроде бы должны угадать сами, разве нет? Ну, пожалуйста, скажите же мне, в чем тут было дело.

— Вы ознакомились с ее историей болезни? — немного погодя спросил доктор Кэртифф.

— Нет,— ответил Вуд.

— Ага! — фыркнул Тик.— Вон как! Снова ошибка слепца.

— Дело-то было срочное.— Вуд, казалось, смутился.— И вроде такое очевидное. Я провел сотни подобных операций.

— Факты, на мой взгляд, следующие,— заговорил Тик.— Доктор Вуд убил женщину, потому что неправильно определил источник боли. Наша задача, стало быть, весьма проста. Что, кроме желчного пузыря, может вызвать такую боль, какую описал наш выдающийся хирург?

— Сердце,— тут же ответил доктор Моррис.

— Горячо,— сказал Вуд.

— Прежде чем оперировать пациента с такой резкой болью, причем в отсутствие истории болезни,— продолжал Тик,— я бы почти наверняка взглянул на сердце.

— Ну что ж, вы бы поступили правильно,— тихо признал доктор Вуд.— Вскрытие показало инфракцию нисходящей ветви правой коронарной артерии.

— Убийство второкурсником,— вынес гневное определение старый Тик.

— Первое и последнее,— спокойно сказал Вуд.— Больше в моей больнице не будет ошибок с сердечными заболеваниями.

— Хорошо, хорошо,— сказал старый Тик.— Итак, джентльмены, преступления, о которых до сих пор делались сообщения, до инфантильности просты, чтобы еще их обсуждать. Мы ничего из них не извлекли, кроме того разве, что наука и глупость идут рука об руку, каковой факт нам слишком хорошо известен. Однако сегодня среди нас присутствует молодой, но исключительно искусный мастер скальпеля и пилы. И я после долгого знакомства с упомянутым джентльменом могу заверить вас, что если уж он совершил

[1] По Фаренгейту.

убийство, так это наверняка блеск, как сказала бы одна из моих студенток. Весь последний час он сидит здесь, ерзая на стуле, как самый настоящий преступник, снедаемый сознанием вины и горя желанием поделиться ею с нами. Джентльмены, отдаю на ваш суд нашего нового и самого молодого подсудимого.

Доктор Уорнер поднял глаза и оглядел четырнадцать своих именитых коллег. Чувствовалось, что он волнуется. Старшие взирали на него совершенно спокойно и с различной степенью раздражения. Они уже поняли из его поведения — и дальнейших подтверждений им было не нужно,— что этот эскулап буквально напичкан всевозможными несостоятельными теориями и незрелыми открытиями. Когда-то и они сами испытывали нечто подобное. Ведь для седеющего медика нет ничего приятнее возможности напялить колпак глупца на младшего собрата по профессии. Старый Тик, оглядев своих коллег, ухмыльнулся: они все напустили на себя вид педагогов, прячущих за спиной розгу.

Доктор Уорнер приложил к шее влажный носовой платок и понимающе улыбнулся этим светилам. В чем он был убежден, так это в том, что, приди он сюда, чтобы рассказать не об убийстве, а о каком-нибудь чудесном исцелении, к нему бы отнеслись с не менее критическим и подозрительным вниманием.

— Я расскажу вам об этом случае несколько подробнее,— сказал он,— так как полагаю, что интересные проблемы в практике и не встретишь.

Доктор Россон, гинеколог, хмыкнул, но ничего не сказал.

— Пациент был молодой человек, или скорее мальчик,— торопливо продолжал Уорнер.— Семнадцати лет, исключительно талантливый. Пожалуй, самый удивительный молодой человек, какого я когда-либо знал. Он писал стихи. Вот как мы познакомились. Я прочел одно из его стихотворений в журнале, и, боже, оно произвело на меня такое впечатление, что я написал ему письмо.

При столь непрофессиональном поведении доктор Кэртифф даже поморщился.

— Рифмованные стихи?— спросил доктор Вуд, подмигнув старому Тику.

— Да,— ответил Уорнер.— Я прочел все его рукописи. Они были вроде как революционные. Его поэзия была криком против несправедливости. Всякой несправедливости. Горькая и жгучая.

— Погодите минуточку,— остановил его доктор Россон.— Новый член, похоже, не совсем правильно понимает наше назначение. Мы не литературное общество, Уорнер.

— Я это знаю,— сказал Уорнер, безжизненно улыбаясь.

— И пока вы еще не перешли к делу,— ухмыльнулся доктор Хьюм,— пожалуйста, без хвастовства. Хвастать можете на ежегодном съезде хирургов.

— Джентльмены,— сказал Уорнер,— я и не собираюсь хвастать. Я буду говорить об убийстве, уверяю вас. Причем о таком страшном, о каком вы и не слышали.

— Ну что ж,— сказал доктор Кэртифф.— Продолжайте. Не принимайте его близко к сердцу и смотрите не раскисните.

— Не раскисну,— сказал Уорнер.— Не беспокойтесь. Итак, пациент хворал уже две недели, когда пригласили меня.

— А я уж решил, вы его друг,— заметил доктор Дейвис.

— Так оно и было,— ответил Уорнер.— Но он не верил в докторов.

— Не верил, говорите? — Старый Тик усмехнулся.— Блестящий молодой человек.

— Именно таким он и был,— с жаром продолжал Уорнер.— Я даже расстроился, когда пришел и увидел, насколько он болен. Я сразу же распорядился поместить его в больницу.

— О, богатый поэт,— заметил доктор Суини.

— Да нет,— ответил Уорнер.— Расходы оплачивал я. И я, когда только мог, находился при нем. Болезнь началась со страшной боли в левой стороне живота. Он хотел было пригласить меня, но через три дня боль утихла, и пациент решил, что он здоров. А через два дня боль вернулась снова, поднялась температура. Когда он послал за мной, у него наблюдался понос, гнойный и с кровью, но не амебный. После этой проверки на патологию я поставил диагноз: язвенный колит. Поскольку боль была левосторонняя, аппендицит исключался. Я назначил пациенту сульфагуанидин и неконцентрированный экстракт печени и посадил его на высокобелковую диету — в основном молоко. Несмотря на такое лечение и постоянное наблюдение, пациенту стало хуже. У него развилась чувствительность к боли по всему животу, как прямая, так и с иррадиацией, а вся левая прямая мышца стала ригидной. После двух недель тщательного лечения пациент умер.

— И вскрытие трупа показало, что вы ошиблись? — спросил доктор Вуд.

— Вскрытия я не делал,— сказал доктор Уорнер.— Родители парня полностью мне доверяли. Как и он сам. Они считали, что я делаю все возможное, чтобы спасти ему жизнь.

— Тогда откуда же вы знаете, что поставили неправильный диагноз? — спросил доктор Хьюм.

— Из того простого факта,— раздраженно ответил Уорнер,— что пациент умер, а не вылечился. Когда умер, я понял, что убил его, поставив неправильный диагноз.

— Логично,— согласился доктор Суини.— Бессмысленное лечение — это не алиби.

— Итак, джентльмены,— хихикнул из-за своего стола старый Тик,— наш талантливый новый член самым натуральным образом укокошил великого поэта и близкого друга. Прошу предъявить обвинения его диагнозу.

Однако высказываться никто не спешил. У врачей сильно развито чувство невидимого и невысказанного. И почти все четырнадцать, глядевших на доктора Уорнера, чувствовали, что от них что-то утаивают. Напряженность хирурга, его воодушевление, в котором можно было различить обертоны издевательской насмешки, убедили их, что в истории о мертвом поэте что-то недосказано. Вот почему они и подошли к этой проблеме с осторожностью.

— Как давно умер пациент?— спросил доктор Россон.

— В прошлую среду,— сказал Уорнер,— а что?

— В какой больнице?— спросил Дейвис.

— В больнице святого Майкла,— ответил Уорнер.

— Вы говорите, родители верили вам,— сказал доктор Кэртифф,— и по-прежнему верят. Но вы как-то странно чем-то обеспокоены. Может быть, было какое-нибудь расследование со стороны полиции?

— Нет,— ответил Уорнер.— Преступление идеальное. Полиция ничего о нем не слышала. И даже моя жертва умерла, полная благодарности.— Он улыбнулся всем лучезарной улыбкой.— Послушайте,— продолжал он,— ведь, может, даже вам не удастся доказать, что мой диагноз ошибочен.

Этот откровенный вызов привел кое-кого из присутствующих в раздражение.

— Не думаю, что будет так уж трудно разнести ваш анализ,— сказал доктор Моррис.

— Здесь есть какой-то подвох,— неторопливо заметил доктор Вуд, буравя Уорнера взглядом.

— Единственный подвох,— быстро сказал доктор Уорнер,— это сложность болезни. Вы, джентльмены, очевидно, предпочитаете убийства проще, когда имеет место преступная небрежность врача, вроде тех, что я тут сегодня наслушался.

После продолжительной паузы доктор Дейвис мягко спросил:

— Вы описали приступ боли перед диареей, так?

— Совершенно верно,— согласился Уорнер.

— Ну,— спокойно и рассудительно продолжал Дейвис,— временное исчезновение симптомов и их возвращение в пределах нескольких дней внешне похожи на язву... если бы не один момент.

— Я не согласен,— мягко возразил доктор Суини.— Диагноз доктора Уорнера — это глупая ошибка. Симптомы, которые он нам только что представил, не имеют ничего общего с язвенным колитом.

Уорнер зарделся, желваки на его лице сердито заходили.

— Не будете ли вы добры подкрепить свои оскорбления научно?— бросил он.

— Это очень легко делается,— спокойно ответил Суини.— Последний приступ диареи и лихорадки, который вы описываете, исключает язвенный колит в девяноста девяти случаях из ста. Как вы считаете, доктор Тик?

— Никаких язв,— ответил доктор Тик, изучая Уорнера взглядом.

— Вы упомянули боли по всему животу как один из последних симптомов,— как бы сглаживая разногласия, сказал Дейвис.

— Совершенно верно,— согласился Уорчер.

— В таком случае, если вы правильно описали болезнь,— продолжал Дейвис,— обнаруживается один очевидный факт. Всеобщая боль указывает на перитонит.

— А как насчет заворота кишок?— подбросил доктор Вуд.— Он тоже мог вызвать описанные симптомы.

— Нет,— возразил доктор Россон.— Вольвулус — значит, гангрена и смерть через три дня. Уорнер же говорит, что пользовал его две недели и что пациент болел еще две недели до вызова врача. Продолжительность болезни исключает инвагинацию, вольвулус и опухоль кишечника.

— Есть еще одна штука,— сказал доктор Моррис.— Левосторонний аппендицит.

— Это тоже исключено,— быстро ответил доктор Буд.— Острая боль, описанная Уорнером, не бывает первым симптомом аппендицита.

— Единственное, к чему мы пришли,— сказал доктор Суини,— это прободение, но не язвенное. Почему бы не пойти в этом направлении?

— Да,— сказал доктор Моррис,— о язвенном колите не может быть и речи, если учесть, какое болезнь приняла течение. Я убежден, мы имеем дело с прободением другого типа.

— Следующий вопрос заключается в том,— объявил старый Тик,— чем вызвано это прободение.

Доктор Уорнер тихо сказал:

— А я о предметном прободении даже не подумал.

— И напрасно,— улыбнулся доктор Кэртифф.

— Ну, ну,— продолжал старый Тик,— давайте не будем отвлекаться. Так чем же вызвано прободение?

— Ему было уже семнадцать лет,— сказал Кэртифф.— Возраст вроде уже не тот, чтобы глотать булавки.

— Если только у него не было к ним особого пристрастия,— заметил доктор Хьюм.— Пациент хотел жить, Уорнер?

— Больше чем кто-либо другой, кого я когда-либо знал,— мрачно ответил Уорнер.

— Стало быть, версию о самоубийстве можно отбросить,— сказал доктор Кэртифф.— Я уверен, что мы имеем дело с прободением кишечника.

— Ну,— сказал доктор Вуд,— вряд ли это была куриная кость. Она бы застряла в пищеводе и не попала в желудок.

— Вот видите, Уорнер,— сказал старый Тик.— Мы сузили наши поиски. Распространяющаяся боль, описанная вами, означает расширение инфекции. Течение, которое приняла болезнь, означает какое-то иное, неязвенное прободение. А подобное прободение означает, что пациент проглотил какой-то предмет. Булавки и куриные кости мы исключили. Значит, остается только одно.

— Рыбья кость,— сказал доктор Суини.

— Вот именно,— подтвердил Тик.

Уорнер стоял и напряженно слушал, как другие подтверждают этот диагноз. Тик огласил вердикт.

— Я полагаю, все мы согласны с тем,— сказал он,— что Сэм Уорнер убил пациента, излечивая его от язвенного колита, тогда как операция по удалению рыбьей кости, вызвавшей абсцесс, спасла бы ему жизнь.

Уорнер быстро прошел через комнату к стенному шкафу, где он повесил пальто и шляпу.

— Куда же вы?— бросил ему вслед доктор Вуд.— Мы еще только начали.

Надевая пальто, Уорнер улыбался.

— У меня мало времени,— сказал он,— но я хочу поблагодарить вас всех за ваши диагнозы. Вы были правы, когда говорили, что в этой истории есть какой-то подвох. Подвох в том, что мой пациент еще жив. Я две недели лечил его от язвенного колита, но сегодня днем понял, что поставил неправильный диагноз... и что не пройдет и суток, как он умрет, если я не узнаю, что же с ним на самом деле.

Уорнер был уже в дверях, его глаза блестели.

— Еще раз спасибо, джентльмены, за консультацию и ваш диагноз,— сказал он.— Он поможет мне спасти жизнь моему пациенту.

Полчаса спустя члены «Клуба Икс» стояли кучкой в одной из операционных больницы святого Майкла. Это уже были совсем не те люди, которые в отеле «Уолтон» разыгрывали медицинский канун дня поминовения всех святых. Когда врачи сталкиваются лицом к лицу с болезнью, на них нисходит какая-то перемена. Самые старые и утомленные из них черпают в кризисе силу. Куда только девается их неуклюжесть, и в операционную входит стройный чемпион. Столкнувшись с проблемой жизни и смерти, усталые, покрасневшие глаза излучают величие и даже красоту.

На операционном столе лежало нагое тело негритянского юноши. Доктор Уорнер в белом хирургическом облачении стоял над ним и ждал. Анестезиолог наконец кивнул.

Четырнадцать членов «Клуба Икс» стояли и смотрели, как Уорнер оперирует. Вуд одобрительно кивнул, отметив его сноровку. Россон откашлялся, хотел что-то сказать, но при взгляде на быстро двигавшиеся руки хирурга воздержался. Все молчали. Минуты шли. Сестры спокойно подавали хирургу инструменты. Руки у них были заляпаны кровью.

Четырнадцать выдающихся медиков с надеждой смотрели на осунувшееся лицо лежавшего без сознания цветного парня, который проглотил рыбью кость. Никогда еще ни один король или папа не лежал в муках в окружении стольких гениев медицины, затаивших дыхание.

И вдруг покрывшийся испариной хирург поднял что-то вверх.

— Промойте,— пробормотал он сестре,— и покажите этим джентльменам.

Он занялся тампонами в подвергшейся абсцессу полости, затем присыпал открытую брюшину сульфаниламидом, чтобы убить инфекцию.

Старый Тик сделал шаг вперед и взял предмет из руки сестры.

— Рыбья кость,— сказал он.

Члены «Клуба Икс» сгрудились вокруг нее, точно это было невиданное сокровище.

— Удаление этого маленького предмета,— тихонько пробормотал Тик,— дает пациенту возможность продолжать писать стихи, обличающие жадность и ужасы нашего мира.

Вот, собственно, и вся история, которую рассказал мне Хьюм, да еще эпилог о выздоровлении этого негритянского поэта три недели спустя. Обед мы давно закончили. Была уже поздняя ночь, когда мы вышли на тусклые из-за войны улицы Нью-Йорка. Заголовки в газетных киосках изменились только в размерах — стали еще больше в честь еще больших боен, о которых они возвещали.

Глядя на них, можно было представить усеянные трупами поля сражений. Но у меня из головы не шла другая картина — картина, наводившая на мысль о том, что мир станет лучше: операционная в больнице, где пятнадцать именитых и ученых героев боролись за жизнь негритянского мальчика, проглотившего рыбью кость.

Перевели с английского В. ПОСТНИКОВ и Н. ГАБОЛАЕВ.

Д. ИВАНОВ

Как дела, мужики?

ЛИТЕРАТУРНЫЕ ЗАМЕТКИ

Встретились недавно у писателя Анатолия Афанасьева слова: «Положительный герой в том значении, в котором принято говорить о нем сегодня (то есть во многом герой идеальный, социально активный, но занятый преимущественно повседневными, насущными делами), легко рождался литературой в переломные эпохи, в пору революционных битв и социальных потрясений».

Думается, что и в переломные эпохи положительный герой рождался не так уж «легко», как представляется писателю. Сама же формула привлекает тем, что Афанасьев в ней подчеркивает роль и значение д е л,— тех самых повседневных и насущных дел, которые в наши дни действительно даются труднее, чем раньше.

И здесь приходит на память сказанное товарищем К. У. Черненко на юбилейном пленуме правления Союза писателей СССР: «Сейчас литература, кино, театр нередко обращаются к сложным, противоречивым явлениям. И в этом нет ничего удивительного. Противоречия естественны и неизбежны в процессе развития социалистического общества. И, конечно же, они всегда так или иначе влияют на судьбы людей, становятся источником нравственных коллизий. Тем более, что преодоление этих противоречий, хотя они и не носят у нас антагонистического характера, требует немалых усилий, большой гражданской смелости, принципиальности. Это — богатейшая пища для размышлений писателя, для того, чтобы выполнять извечную миссию литературы: побуждать общество, каждого человека пристальнее, строже взглянуть на самого себя».

«Строже взглянуть на самого себя» — насколько удается это героям современной литературы, насколько умеют спросить с них сами ее создатели, прежде всего те, которых по привычке все еще называют **«молодыми»**!

Судить об этом они сами призывают по делам тех или иных персонажей. Однако случается, что дел вроде бы много — больших ли, повседневных, личных,— но существо дела обходится...

ХОЛОСТЫЕ СЛОВА

Если кому-то имя Вацлава Михальского попадается впервые, познакомим его с авторитетным мнением В. П. Катаева: «Вацлав Михальский сразу обратил внимание читателей и критики свежестью своего незаурядного таланта. У него верный глаз, острый аналитический ум. Он прекрасно владеет словом и знает ему цену. Ведущая сила его творчества — воображение».

Нам, однако, эта точка зрения одного из весьма уважаемых писателей всегда представлялась спорной. Взять и последний роман Михальского — «Тайные милости».

Его герой тридцатитрехлетний Георгий Васильев — зам. предгорисполкома. Чувствуется, что писатель желал показать настоящего организатора (тогда бы мы действительно увидели Васильева в деле, соответствующем его посту). Но получился у автора лишь энергичный исполнитель, способный убедительно изобличать нерадивых работников.

«...Сюжетная линия,— писала о романе в «Литературной газете» Н. Иванова,— неплохо обнатана в прозе последних десятилетий; на месте водосборных сооружений могли бы возникнуть цеха строящегося комбината, Васильев — угодить в главные инженеры и т. д., и ничего, кроме аксессуаров, выполняющих роль пыльного театрального задника, не изменилось бы. Отчетливо это понимая, автор вводит любовную линию — какой же роман без любви?»

Точно, какой же? И все же тут замысел В. Михальского, хотя и прямолинеен, как трасса нового водовода, но нацелен выявить сокровенное в герое: внезапная, нежданная страсть к Кате настойчиво встряхивает душу Георгию.

«И, словно при вспышке магния, осветившей изнутри всю его душу, увидел в ее бессмертном сосуде, на его внутренних стенках мельчайшие трещинки лицемерия, угодничества, чванства, карьеризма, недомыслия, равнодушия. Да что и говорить, он уже привык жить напряженно-сдержанной жизнью, чувствовать себя на виду у всего города, как на сцене; он уже научился придавать значение не только своим поступкам и словам, но даже жестам. Иначе говоря, начинал терять драгоценное чувство юмора по отношению к самому себе, бесконтрольно отдаваясь в плен чиновничьих условностей и механической суеты канцелярий. Он еще ловил себя на фальшивых улыбках, на том, как восторженно бьется его сердце от начальственной похвалы, как приятно ему поздороваться за руку с вышестоящим товарищем, еще ловил себя на всем этом, еще подтрунивал над самим собой, но все реже и реже, все глуше и неохотнее...»

Итак, герой Михальского выглядит противоречивым, и таким и сяким,— «амбивалентным», как сказали бы некоторые представители школы «сорокалетних» или «новой волны», к которым часто относили и В. Михальского, пока разговоры о «волне» и «школе» благополучно не завяли. (Между тем, думается, гораздо логичнее относить В. Михальского ни к какой-то мифической школе, а сказать, исходя из утвердившихся в критике градаций, что и он, и А. Афанасьев, и С. Иванов, речь о которых впереди, тяготеют к производственной, или городской, но не бытовой прозе, постигая и пробуя продолжать на новом этапе традиции таких писателей, как В. Липатов, М. Колесников, В. Поволяев.) Но о негативных сторонах натуры Георгия читатель узнает лишь из его же собственных признаний, точнее, «произносов»,— ведь ни одного худого поступка он не совершает (единственный случай с дефицитной шубкой для жены не в счет). Однако и достойных поступков Васильева — достойных его поста, требуемых от человека его должности,— их тоже нет в романе. Если бы В. Михальский хотя бы в рамках выбранного им для Васильева круга обязанностей испробовал его на деле: пусть бы зампред попытался хоть один или другой завод заставить отключиться от пресного, необязательного для них водоснабжения,— сколько реальных коллизий, необоримых конфликтов, жизненной правды, наконец, появилось бы...

Однако ждешь: ну ладно, ну пусть тоже на словах, но должен же Георгий развернуться своей встряхнувшейся душой, должен В. Михальский дать ему возможность испытать себя по-крупному,— не только в многозначительном, но взбалмошном, необязательном и ни к чему не обязывающем сне с явлением Петра I, но и наяву. И тут... роман обрывается. Обрывается нечаянной, ненужной, художественно нелогичной смертью Кати и суетливым описанием (на трех страницах!) того, как достойно повел себя Георгий в сложившейся ситуации,— описанием, в которое не то что трудно верить, но к которому серьезно отнестись невозможно.

Что же, скажет читатель: одного, другого, третьего нет в романе. А чем же заполнены его страницы, которые можно—и надо— было отдать раскрытию этого не без интереса заявленного, а главное, реального характера — человека с «усохшей душою»?

А заполнены они одной, другой, третьей и т. д. чужими историями,— историями родных Георгия, его знакомых, близких, соседей, сослуживцев и т. п. В. Михальский то и дело рассказывает нам их, какие-то из них не оставляют равнодушными, чем-то задевают,— но все это в х о л о с т у ю.

Слово это не случайно пришло на ум. Предыдущая повесть Михальского называлась «Холостая жизнь». Такую ведут ее герои Алексей Антонов и его друг Игорь, ученые-экономисты. Антонову тридцать семь, Игорю столько же, но он уже доктор наук и подает еще большие надежды. Антонов — только кандидат, но важнее другое: он остро ощущает, что избранная им сфера не его призвание, и часто тяготится этим. Поэтому «холостую» жизнь надо понимать расширительно: не просто жизнь неженатых мужчин, но и образ всего существования героев, в первую очередь Антонова.

Однако у Михальского образ этот в конце концов оказывается лишь поверхностным символом. И не потому, что не получила в повести реального воплощения деловая сторона антоновской биографии, его существование именно как д е л я т е л я,— не редко так теперь именуют подобный тип благополучного, но бесплодного, бесполезного работника и вообще человека. (Хотя существует для их обозначения понятие старое, но и более выверенное, точное — паразит.)

Образ же оттого остался на поверхности, что писатель обходит эту кричащую аморальность своих героев,— нам показана жизнь холостяцкая, но не холостящая. Мы видим двух симпатичных, даже славных порою «мужиков»; в крайнем случае видим несчастного, недовольного собой эгоиста, но не больше. А между тем Антонов с другом и в личной жизни, в этом своем холостом состоянии тоже паразиты, по меньшей мере ужасные эгоисты, по-настоящему у ж а с н ы е...

Несомненно, В. Михальский рисует их мироощущение и времяпрепровождение как пустопорожнее и болезнетворное, но ограничивается при этом каким-то физиологическим уровнем, как максимум — уровнем душевного разлада, не обнаруживая обязательных в этом случае духовной деградации, распада личности своих героев.

Ну, дал Антонов сегодня пятьдесят рублей на аборт, завтра переспал с другой, послезавтра позвонил третьей, постоянной, позвал ее,— это же так гадко («гад», «паразит» — эти слова из зоолексикона ненапрасно просятся на язык)... А в повести такой гадливости нет, не чувствуется она. Тоскливая, конечно, жизнь — в постоянной «охоте» за новыми знакомствами,— но и ощущение тоски в повести тоже весьма слабое. Ибо раз за разом (так же, как писал он раньше и как — мы это уже видели — писал позже) Михальский однообразно нанизывает на свое повествование новые и новые эпизоды этой «охоты». Так что здесь сама собой просится аналогия с мыслью его главного героя: «Женщин было много. Антонов любил повторять: «Тут количество не переходит в качество».

Должное качество отсутствует в повести, наверное, потому прежде всего, что писатель больше сочувствует своему герою, нежели осуждает, обличает его. Антонов у Михальского выглядит лицом страдательным, автор даже — избавиться от этого впечатления никак не удается — доволен им: как же, герой сам недоволен собою! А то, что из-за него страдает дело, люди, по большому счету сама жизнь,— все это в повести растворяется, затронуто мимоходом, мимолетом... Увидеть явление писатель смог, но только этой видимостью и удовлетворился.

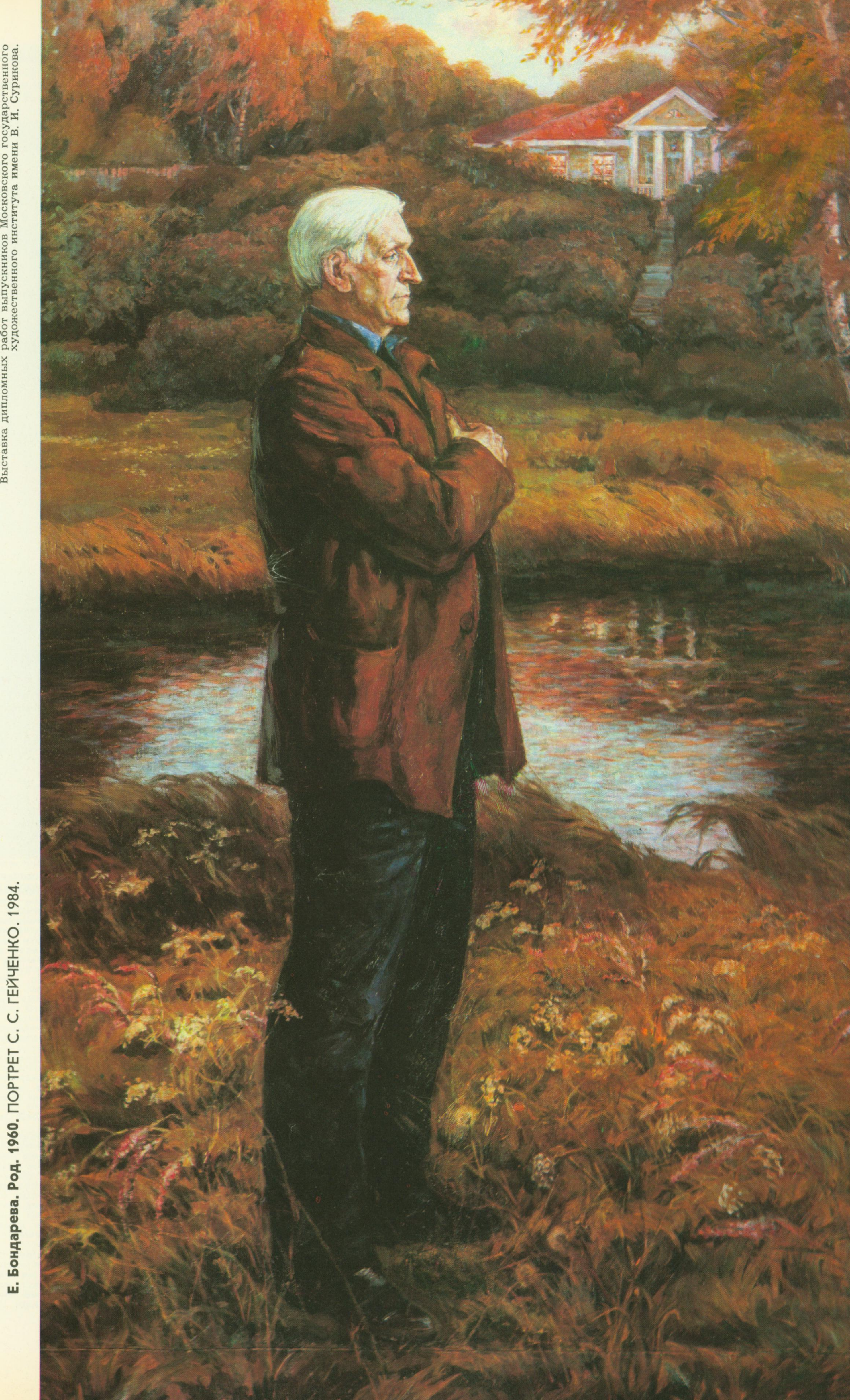
ПОБЕДИТЕЛЬ И ПОБЕЖДЕННЫЙ

Слова Виктора Розова, предваряющие публикацию в «Новом мире» первого романа Сергея Иванова «Из жизни Потапова», производят должное впечатление: «...автор отважился представить нам жизнь нашей научно-технической интеллигенции, вникнуть в те непростые проблемы, которые встают перед ней... добивается, на мой взгляд, очень важного: воссоздания самого процесса творчества, хода мысли, приведшего героя к открытию».

С последним нельзя не согласиться: творческий процесс и погруженный в него человек нарисованы С. Ивановым неординарно, занятно, убеждающе. В самых первых откликах на книгу Потапов смог даже предстать чуть ли не положительным героем наших дней.

Но уже вскоре и раз, и два, и больше было замечено, что у него нет иных идей, кроме технических. Что же касается «непростых проблем», встающих перед научно-технической интеллигенцией, трудно считать подобной проблемой (а других нет вовсе) столкновение бескорыстного Потапова и карьериста Астапова на почве «игры» вокруг якобы неудачных испытаний прибора, за которые несет ответственность Потапов. К тому же автор, заявив таковую, сам же в момент ее и снимает. Потапов сразу и окончательно отвергает предложение своего прежнего друга поступиться делом, а в дальнейшем ему ничего и не приходится решать самому; все решают Луговой — начальник, Стаханов — секретарь партмома, руководители отрасли — и все в пользу Потапова.

Да, заглавный персонаж романа С. Иванова прямо-таки обречен на победу. Его победительность выпирает с первой страницы, и уверенность в радужном финале, в том, что автор играет со своим героем в поддавки, постоянно сопровождает читателя. Но не одна

Е. Бондарева. Род. 1960. ПОРТРЕТ С. С. ГЕЙЧЕНКО. 1984.

Выставка дипломных работ выпускников Московского государственного художественного института имени В. И. Сурикова.

К. Стожаров. Род. 1959. ПРИЧАЛ. ТОБОЛЬСК. 1984.

Выставка дипломных работ выпускников Московского государственного художественного института имени В. И. Сурикова.

лишь эта без труда проглядываемая сюжетная схема вызывает усиливающееся сопротивление по мере углубления в книгу. Еще больше раздражает то, как легко и просто воспринимает Потапов все случающееся с ним.

Друг изменил — ничего. Жена ушла — ладно, переживем. Другую женщину через неделю встретил и тут же готов начать с ней новую жизнь — совсем хорошо. Не захотела другая — тоже ничего. Без семьи, без дочери остался — «так у многих бывает»... Казалось бы, сердце с головой вместе должны разорваться,—нет, напротив, творческий процесс не страдает. Ладно, и так бывает — ушел с головой в творчество: все забыл, все на втором плане. Но вот придумал «Нос-2», опустошился, теперь-то что останется? Никому не нужен, никто не необходим... Неужто он не взвоет?!

В книге — нет. А по чьей вине? Автора?.. Или сам Потапов такой недочеловек, которому его долгая семейная, но «холостая» жизнь сделалась естественно безразличной? Что это — эгоизм высшей, творческой марки или душевная недостаточность, сердечная пустота?..

Не знаем ответа, потому что, намекая на все понемногу, С. Иванов не смог создать правдивый, цельный человеческий характер. Равно как и образ времени.

Слишком приглажена, заглажена, сглажена жизнь в романе. Все несложно, все возможно, все достижимо. Все из одного в другое вытекает, и втекает, и вытекает... Журчит так ласково, усыпительно, убаюкивающе, как добрая, утешительная сказочка...

А вот Михаил Холмогоров предложил «из жизни ученых» притчу, обличительную притчу — повесть «Комната», с которой дебютировал («Сельская молодежь», № 4, 5, 1983) в этом жанре (ранее нам были известны несколько его рассказов).

Как и Потапову, герою «Комнаты» Саблину сорок лет без малого, и он тоже совершает крупное открытие. Но вот дела у него складываются — и складываются — далеко не так благополучно,— можно сказать, совсем вхолостую работает человек.

«Светлая голова на плечах идиота»,— думает о Саблине его начальник (и он же приятель) Вадим Леонидович. Такую рекомендацию Алик заслужил тем, что увлекался работой без меры, не заботясь, что воспользоваться ее плодами успевают прежде всего разные ушлые «деятели» руководящего ранга. При этом «по способностям» от Саблина берут, а «по труду» не воздают: защититься ему до сих пор так и не выпало случая. Отчего? Да оттого, что хотя «Алик давно овладел искусством сворачивать шею сомнительным призракам», он не может удержаться и не показать своим обидчикам, что знает их истинную цену. А те платят ему соответствующей монетой, подставляют ножки, отодвигают в сторону... «И ты, Вадюша, пока не поздно-то, отступись от него, отступись. Не наш он человек, Саблин».

«Что значит — не наш? И почему я наш, а он — не наш?» Сказать такое Вадим Леонидович может решиться и даже может испытать во сне гибельный восторг, счастье какое-то, когда не предаст (но и жуткий страх и ошеломляющую боль: «Мужество даже во сне дается недешево»). Но наяву он-таки предает Саблина и оставляет один на один с новым беззастенчивым обиралой.

«Боже мой, что же творится-то!.. Вот он, успех, в руках — и опять! Опять! В который раз выдрали, украли, и так нагло, так откровенно! Среди бела дня! Белого трудового дня, когда весь наш народ, воодушевленный и так далее... Раньше-то хоть стеснялись, что ли, хоть как-то объяснить пытались, оправдания себе искали. Мы, дескать, постарше, ждали долго, а тебе с твоими-то способностями и проблем не составит, вот, погоди, подрастешь, созреешь... Подрос! Созрел! Только кто? Вот она — эта травка, юная поросль, акселераты чертовы! Уже и объяснениями совесть свою не затрудняют...»

Как видим, если Потапову жизнь улыбается во весь рот, то по отношению к герою М. Холмогорова реальная действительность оказывается куда суровее, равнодушно взирая, как его «холостят» раз за разом.

Однако за этим тоже встает нарочитость: если Потапов обречен на победу, то Саблин — на поражение.

По мысли автора, оно суждено герою и как расплата за предательства, которые приходилось совершать и самому Саблину. И по отношению к жене, которой он не смог обеспечить благополучного быта; и к старому другу, которого забыл; и к прежним высоким мечтаниям, которые оставил; и даже к стенам родного дома, коммунальное неустройство которого он променял на типовой стандартный уют. А теперь эти стены платят ему тем же (повесть потому и называется «Комната», что в последний раз Саблина «обирают» в учреждении, переехавшем на его прежнее место жительства, в родных стенах, сделавшихся чуждым служебным помещением).

Как видим, М. Холмогоров касается вопросов серьезных, ситуаций реальных, острых. Его повесть-притча куда ближе к жизни, чем умиротворяющая сказочка, к которой свелся такой весь вроде бы земной роман С. Иванова. Правда, «Комната» перенасыщена, думается, нацеленными в одну точку символикой, параллелями, обрамлениями. И в какой-то момент это уже мешает переживать за героя повести. А надо, чтобы наша душа болела за Саблина, а не просто смирялась с его судьбой, как он сам смиряется с ней в финале «Комнаты».

«ЛИШНИЕ ЛЮДИ» НАШЕГО ВРЕМЕНИ!

«Мне лично, как ни вызывающе это прозвучит, все же больше по душе тот герой, который пока в некотором недоумении почесывает в затылке, а не вещает с видом оракула преподнесенные ему в школе азбучные истины или размахивает картонным мечом, никому особого вреда не принося, но производя много лишнего шума. Тот, который в раздумье, все-таки кое-что уже знает, и силы в нем, если доброжелательно приглядеться, зреют немалые». Так писал Анатолий Афанасьев в статье «Рыцарь без доспехов».

Несомненно, «почесывание в затылке» не представляется Афанасьеву слишком большой добродетелью, тем более не кажется ему, что такой герой может явиться сегодня центральной фигурой, выразителем времени. Однако в подобном поведении и образе мыслей он обнаруживает нечто для времени характерное.

Еще герой давнего афанасьевского романа «Привет, Афиноген» (1979) так аттестовал (несколько, правда, тоже иронизируя) себя и себе подобных: «Я не знаю, в чем смысл жизни... Я инфантильный. Понимаешь?.. Инфантильный — я тебе объясню, как критики в журналах объясняют,— это человек, который ищет ответы на простые вопросы. Вроде у него замедленное развитие. Считается, самое необходимое мальчикам и девочкам объяснили еще в детском саду. В том числе и про смысл жизни. А кто не понял, это и есть инфантильный. Самое бранное слово, да. Мечутся, мол, подымают бурю в стакане воды, а чего метаться, когда все ясно».

Нам, однако, представляется, что рефлексией и вообще качествами чуть ли не «лишнего человека» наших дней Афиноген Данилов в романе не наделен. Не ищет он ответы на «простые вопросы», не вникает в «смысл жизни», не «мечется» и не «подымает бури в стакане воды». Явлен же нам герой, который оказался не при деле, не находит себе применения, не ставит работу, в которой он по-настоящему компетентен, главной целью жизни,— и вот постоянно ерничает и баламутит, эпатирует и задирает окружающих. И мы с интересом познакомились бы с судьбой такого Афиногена, мы бы обязательно приложили усилия, чтобы понять этот характер, если бы... Афанасьев смог этот характер воплотить.

«Я теперь пишу, как вздумается, как рыбу спиннингом ловят, взмах за взмахом, то на мель, то в омут, авось, попадется,— ни о чем не беспокоюсь: ни о редакторах, ни о наших деликатных, глубокообразованных, всезнающих, прекрасных, многодумных художественно-литературных критиках».

Так — вызывающе (по своему обыкновению) — заявлял со страниц романа Афанасьев, который намеренно никак не отделял себя от этого авторского «я».

Однако не на глубине или на мели чувствуем мы себя с Афанасьевым, а в пустоте.

События, связанные с возможной сменой руководства отдела в институте, где служит Данилов, и несущие на себе сюжетный каркас романа, не могут быть названы даже бурей в стакане воды — только бурей в пустом стакане, ибо за ними не стоит никакая необходимость, они просто пусты е и с первого же эпизода производят уверенное впечатление, что все страсти здесь игрушечные, что все описывается «понарошку»... Как пусто и большинство судеб, оконтуренных в романе,— безразлично, захвачены ли они сетью институтских событий или претендуют на самостоятельность, выхваченные тем либо иным броском афанасьевского спиннинга.

Афиногену же и самому по себе слишком не хватает достоверности.

У нынешнего человека, в чем-то похожего на прежнего «лишнего», обычно нет какого-либо «дяди самых честных правил», а иметь где-то «руку» тоже не в его обыкновении, так что тут не до жиру — быть бы живу. Зато, как любой и всякий, он связан многими нитями с родными, близкими, приятелями, коллегами: за кого-то болеет, чью-то сторону берет, кому-то не примыкает. И не только независимым, но и немного самостоятельным быть рефлектирующему персонажу ныне очень затруднительно, даже если он больэгоист (а все «лишние» — эгоисты; это хоть и азбучная, но истина). А Данилов у Афанасьева и не эгоист, и независимым дальше некуда, и, не делая никому добра, умудряется пребывать и по другую сторону зла...

Возьмем следующий роман Афанасьева — «Командировка». В романе рассказывается о том, как Виктор Семенов, тоже научный сотрудник, только уже 37-летний, посланный разобраться в неполадках некоего прибора, вдруг начинает выводить подряд всех на чистую воду. Но нам лично кажется необыкновенным, совершенно удивительным то, что до 37 лет ему никак не «подвертывалась» такая типичная в наши дни ситуация, когда надо было отстаивать явную правду; что до 37 лет он равнодушно взирал на схожие «препятствия» (будь подругому, будь он и раньше охотником до «чистой воды», кто бы его отправил в эту командировку!), а тут сразу узрел и ополчился да еще, как привычно у Афанасьева: «Пришел, увидел и, сами понимаете, победил!»

Как здесь не вспомнить собственные слова Афанасьева, но сказанные по поводу героя, который ему не «по душе»: «Созданный по схеме, но с добрыми намерениями «идеальный» герой, как и следует, к концу повествования оказывается победителем и с честью выходит из всех затруднений. Узелок, к удивлению читателей, разрубается в этих случаях топором».

Что же, зеркало автору, зеркало!..

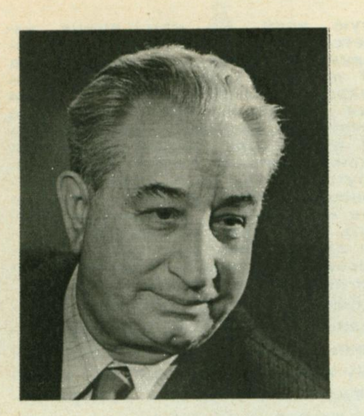
Вот и в «Командировке» снова почти все «понарошку», кроме истории любви Виктора и Наташи, но вряд ли стоило из-за одной ее весь остальной огород городить. И если кому-то из критиков даже видится, что афанасьевский Семенов примеряет к себе маску Печорина, то мы все-таки и о рефлектирующем герое хотим судить прежде всего по делам, а в маске правдоборца, надетой на него писателем, мы никак не можем причислить Виктора и ни к «лишним людям» и ни к донкихотам... Нам видится тут другой персонаж — тот, о котором сказано: король-то голый!

***

Не так давно критиком В. Ковским была высказана мысль, которая показалась нам донельзя странной: «Имея дело с «неготовым» (М. Бахтин) материалом текущего литературного процесса, с незавершенными творческими судьбами, с именами, быть может, еще не достигшими высших своих творческих точек, следует, нам кажется, быть предельно осторожными и щепетильными в оценках. Эта внутренняя установка полезна еще и потому, что критика и литературоведение в данном случае не просто изучают ход литературного развития, но и участвуют в нем, и подобное участие способно оказывать на результат отнюдь не только благотворное воздействие» («В масштабе целого». «Вопросы литературы», № 10, 1983).

Зная нашу повседневную критическую практику, мало кто усомнится, что разговор тут ведется об оценках со знаком «минус»,— о знаках «плюс» у нас заботятся куда меньше, независимо от того, достигнуты, будут достигнуты или никогда не случались «творческие точки».

Несомненно и то, что всякий, критикуя, желал бы оказывать лишь «благотворное воздействие». Но ведь для этого требуется именно «строже взглянуть», требуется быть не «предельно осторожным и щепетильным», а в первую очередь предельно заинтересованным и взыскательным. Последнее еще в большей степени, чем критикам, необходимо самим творцам, чтобы понятие «молодые прозаики» (давно уже перевалившие за сорок лет) наконец-то не ассоциировалось с понятием «малознакомые имена». Чтобы в связи с ними, «еще не достигшими», не возникал вопрос: «Не пора ли мужчинами стать?»

Георгий ГУЛИА

Рисунок Е. ШУКАЕВА

Рассказ о рассказе

Вот эта моя книжка: беленькая, тоненькая. За номером 44. Изданная в 1983 году. Книжка «Библиотеки «Огонек».

В ней восемь рассказов. Восьмой называется «Человек с нимбом».

Это не о святом. Но о человеке, который в глубине души почитал себя святым. Он ловко орудовал резцом и в нужный момент — кинжалом.

Был он горяч, неистов в работе. Его Персея с головой Медузы я видел на флорентийской площади, а скульптурный портрет самого — недалеко от Персея — на мосту через Арно.

Звали его Бенвенуто Челлини.

Я познакомился с ним в Сухуми, будучи молодым человеком. Это было нетрудно, поскольку я стал обладателем замечательнейшей из книг, название которой многое объяснит: «Жизнь Бенвенуто, сына маэстро Джованни Челлини, флорентинца, написанная им самим во Флоренции». Отметим, что писалась книга в середине шестнадцатого века.

С первых же страниц ее я понял, что имею дело с автором малограмотным. А до того наивно полагал, что книги пишут только люди грамотные. Но вот удивительно: оторваться от этой книги было невозможно. И я, что называется, проглотил пухлый том академического издания, которому была предпослана великолепная статья ныне покойного Дживелегова.

Проглотил и почувствовал себя не в своей тарелке. То есть настолько не в своей, что захотелось немедленно засесть за роман. Именно за роман! Меня всего распирало от доселе неведомого мне чувства, которое я по неопытности тотчас же окрестил вдохновением.

Своими планами я поделился с талантливым сухумским писателем Андрó Жвáния. К своему удивлению, я услышал слова, смысл которых уразумел не вдруг.

— Бенвенуто! — воскликнул Андро.— Гений! Скульптор — гениальный! Чеканщик — гениальный! Писатель — гениальный! Начал писать о нем пьесу.

— Кто начал? — задал я вопрос.

— Как кто? Конечно же, я!— Андро ликовал. Он произнес длинный монолог, в котором слово «гениальный» повторял дважды, а то и трижды в каждой фразе.

Мы беседовали на берегу моря, и эпитет напрашивался сам собою: безбрежный, как море. Это о таланте Бенвенуто Челлини.

После этой встречи я вдохновился еще больше. Мы с Андро жили на одной улице, но в разных концах ее. Наши перья скрипели, выводя итальянское имя Бенвенуто.

Поскольку я писал роман, то должен был он начинаться с самого начала, то есть с детства Бенвенуто. Разумеется, различные семейные картины должны занимать в романе достойное место.

Значит, так...

Флоренция...

Семейный очаг... Юный Челлини... Саламандра в огне... Которая привиделась Челлини... И прочее...

Значит, Флоренция...

Наверное, надо описать дом, двор, городские улицы, площади, реку Арно... Кстати, как одевались в то время?

Книга Челлини под рукой. Она верное подспорье. И листок за листком заполняются главами романа «Бенвенуто Челлини».

Нет, заглавие не годится...

После долгих поисков я останавливаюсь на «Неистовом Челлини». Этого заглавия хватает всего на месяц. Впереди еще один месяц каникул. (Я был студентом института путей сообщения.)

Через месяц на титульном листе появляется новый заголовок: «Неистовый Бенвенуто». Количество испещренных чернильными строками листков доходит до сотни. Или около того...

На бульваре снова встречаю Андро. Он сообщает:

— Закончил первый акт.

— Неужели?

— Да закончил. Сам понимаешь: первый акт — это завязка. Завязка должна быть крепкая. Дальше будет легче.

Черт возьми, а мне, наоборот, все труднее. Первые страницы писались сами собою, а дальше медленнее. И наконец, стоп машина! Как на пароходе, который причалил к пристани. Но я никуда не причалил. Просто не могу выбраться за пределы двора Челлини, на улицу. Кстати, какая была эта улица? С виду. Булыжная? Или грунтовая? Пыльная? И какие строения теснились на ней? Это же очень важно...

К концу летних каникул становится очевидным, что мне недостает всего-навсего зрительных впечатлений. Например: какие закаты во Флоренции; где находился дом Челлини по отношению к мосту через Арно? Далеко ли располагалась мастерская Микеланджело, которого обожествлял Челлини? И вообще: что есть Флоренция, какова собою и с чем ее едят, если прибегать к фразеологии самого Бенвенуто?

И я кое-что понял.

Поняв кое-что, порвал написанное (примерно сотню страниц) и принялся за изучение «статики сооружений» и «триангуляционной съемки». И все-таки я ощущал горький осадок на душе. Осадок был тем острее, чем больше узнавал новостей от Андро Жвания.

— Я сконструировал весь третий акт,— говорил он.

— Сколько же актов задумано?

— Не могу сказать,— говорил Андро.

— Приблизительно...

— Может, даже пять...

«Счастливчик,— думал я,— не нужна ему булыжная мостовая Флоренции, ни цвет воды Арно, ни фасад Уффици».

Я взялся за новое прочтение книги Бенвенуто Челлини. Против своего обыкновения начал делать пометки на полях. И чем больше вчитывался в текст, тем лучше понимал, что правильно поступил, изорвав в клочья свою рукопись. Осечка была явная...

Прошли годы...

Я стал инженером. Потом сделался журналистом. Усердно занимался рисованием. Работал на посту начальника Управления искусств Абхазии. Прошли тяжелые военные времена. И снова...

Вот именно, снова попалась на глаза эта потрясающая книга. Я заново проглядел ее всю, задумался над своими пометками. И в один прекрасный вечер засел, полный решимости написать нечто о своем Бенвенуто. А это нечто будет просто повесть. В ней не надо будет излагать всю жизнь Бенвенуто. А, собственно, почему это излагать? Она уже изложена. Не кем-нибудь, но «им самим». Что же я могу добавить?

А вот что: выпятить в жизни Бенвенуто главное, то есть те эпизоды, которые более всего выявляют творческую мощь Бенвенуто. То есть самое любопытное в ваянии и чеканке. То есть показать только сильные стороны Бенвенуто — артиста в высоком смысле слова.

Стояла абхазская весна. Небо было голубое. Зелень вся зеленая. Море шумело так, что до меня доносился его рокот. Мне казалось, что оно чем-то недовольно. И я тоже был недоволен тем, что с Бенвенуто у меня не клеилось. Недоставало чего-то, чего, по словам Бенвенуто, в аптеке не купишь. Надо ли говорить, что повести не получилось? Так же, как и романа.

Я, разумеется, очень огорчился. Изорвал рукопись и пошел прогуляться на бульвар. Андро стоял у каменного парапета и глядел на море. Увидев меня, он сказал словно бы для того, чтобы позлить меня:

— Я вчера пьесу закончил...

Снова пошли годы за годами.

Я уже работал в «Литературной газете» и выкинул из головы и роман и повесть о Бенвенуто. Но когда мне довелось побывать в Италии, я первым долгом решил посетить места, где могла ступить нога Бенвенуто,— в Риме, во Флоренции, в Неаполе... В Риме, в замке святого Ангела, где некоторое время сидел в заточении Бенвенуто, я обошел все закоулки. Гадал: где тот закуток, куда упрятали чудесного Бенвенуто, и тот уголок, откуда самодеятельный пушкарь Бенвенуто вел огонь по осаждавшему замок врагу? Вот как об этом пишет неподражаемый сочинитель Бенвенуто: «...узнав, что ко мне идут с приказом не стрелять, запалил полупушку, которая у меня была, каковая попала в столп во дворе этого дома, где я видел прислонившимся множество людей. Этот выстрел причинил врагам столь великий вред, что они готовы были покинуть дом. Этот кардинал Орсино сказанный хотел меня велеть повесить или убить во что бы то ни стало; против чего папа смело меня защищал. Громкие слова, которые между ними довелись, хоть я их и знаю, но так как не мое ремесло писать истории, то мне нет надобности их говорить; а буду заниматься только своим делом».

Я спросил себя: «Можно ли лучше выразить то, что сказал своими собственными словами неподражаемый Бенвенуто?» Я ответил себе: «Нет, нельзя». Поэтому, бегло осмотрев окрестности замка святого Ангела, я отправился в Колизей, который Бенвенуто именовал Кулизеем. Здесь, в Колизее, Бенвенуто проводил «некромантические опыты». «Мы отправились в Кулизей,— пишет Бенвенуто,— и там священник, нарядившись по способу некромантов, принялся чертить круги на земле, с самыми чудесными церемониями...»

И вы полагаете, что «возвышеннейшего ума священник» не вызвал духов? Ничего подобного!

Слушайте же:

«Длилась эта штука полтора с лишним часа; явилось несколько легионов, так что Кулизей был весь переполнен»... «Бенвенуто, попроси их о чем-нибудь». Я сказал, чтобы они сделали так, чтобы я был опять со своей Анджеликой, сицилианкой»...

Я, тщательно осмотрев Колизей, подумал,

что здесь ночною порой могут представиться сколько угодно «легионов». Думаю, что это не самое уютное место, куда священник привел доверчивого Бенвенуто.

Моим переводчиком и чичероне в Риме был молодой Умберто. Я попросил его показать места, которые мог видеть или где бывал Бенвенуто.

— Где угодно,— сказал Умберто.— В Ватикане. В замке святого Ангела. В Колизее. На берегах Тибра. На Капитолии. На всех холмах. Можно поехать во Флоренцию и Неаполь...

Челлиниевского «Персея» с головой Медузы, установленного недалеко от галереи Уффици во Флоренции, я рассматривал подолгу и со всех сторон. На меня почему-то большее впечатление произвела давнишняя фотография с восковой модели Персея, напечатанная в книге Челлини. Может быть, оттого, что сам постамент отвлекает много внимания? Или слишком велико «помещение», в котором установлен «Персей»? Я не могу определенно ответить на этот вопрос. Но знаю: любой ответ может быть оспорен...

Итак, я уезжал из Италии, достаточно познакомившись с небом Флоренции, Неаполя и Рима, а до этого — Парижа, где тоже жил и работал мастер Бенвенуто Челлини. И только тут я понял, что писать повесть или роман о Челлини просто бессмысленно. Ибо и то и другое уже написано им самим. Притом неподражаемо...

Но руки мои чесались все сорок лет. Я хотел писать о Челлини. Я не мог не писать. И вот написал...

Всего десять страничек. Рассказ. И назвал его «Человек с нимбом». Артист верил, что вокруг головы у него сверкает нимб. Правда, он виден не всегда и видят его не все. Для того, чтобы узреть этот самый нимб, должно быть раннее, росное утро. А где такие подходящие утра? Разумеется, на юге Франции.

В груди этого флорентинца кипели бурные страсти. Но самая сильная и яркая была одна: страсть к работе. Работа — а потом все остальное. И вся эта толстая книга, наполненная горячей страстью, каждая страница ее есть гимн труду мастера золотых дел, чеканки и скульптуры.

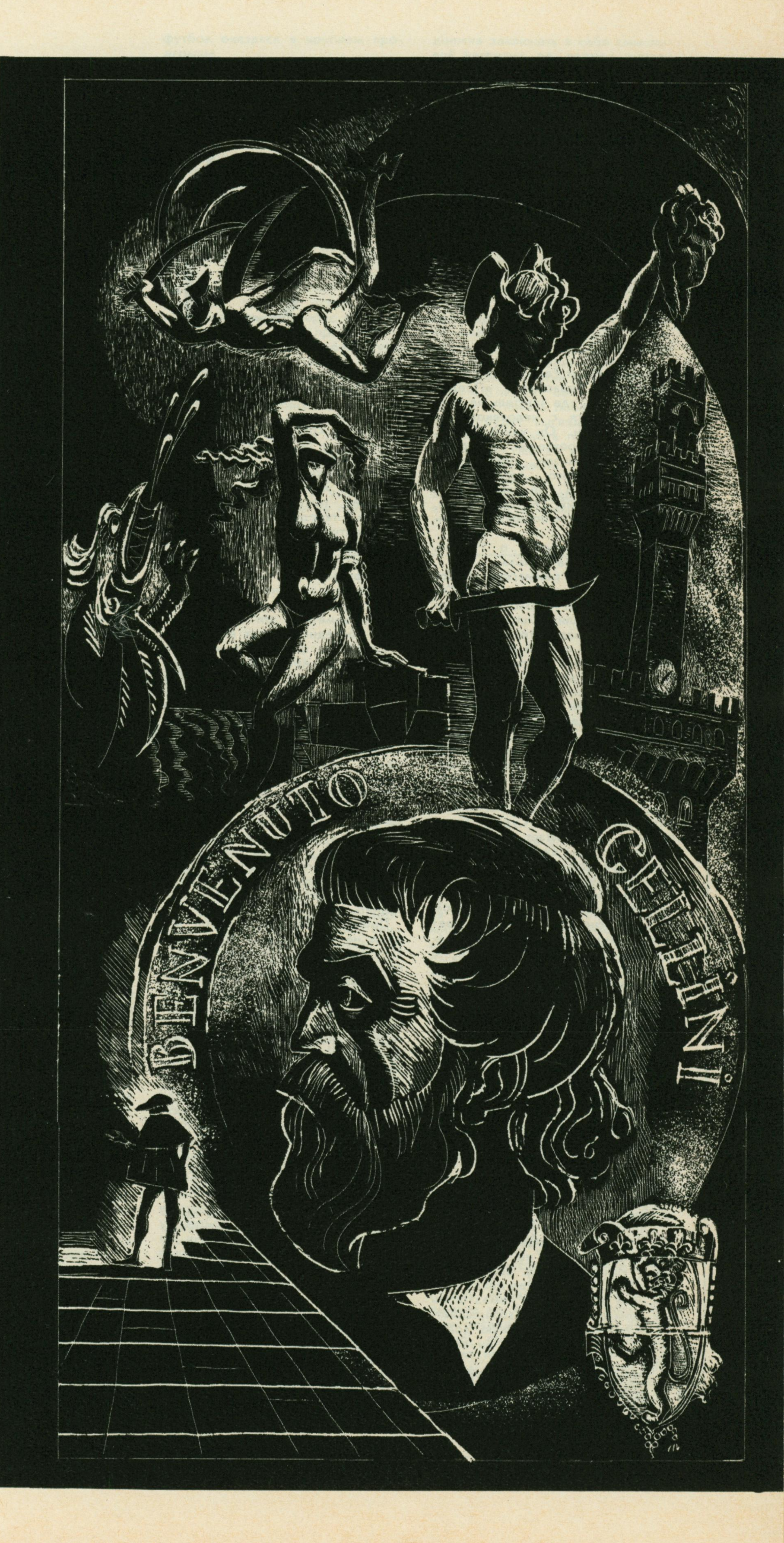
Мастера надували многие: женщины, просто князья и князья церкви, а то и друзья. Ему должны были многие. Даже Ватикан. Однако Бенвенуто не сдавался. Когда становилось особенно худо на душе и в кармане, он погружался в работу. Работая, забывал обо всем. Его материалом часто бывало золото. Это золото превращалось порой в обычные слитки, и великий труд мастера исчезал навсегда. Больше повезло его скульптуре. По ней мы можем судить о великих возможностях Челлини.

Знал ли сам Челлини цену своей книге? Не думаю. Но первым определил ее истинную ценность не кто иной, как первый ее редактор, Бенедетто Варки. Он показал себя непревзойденным редактором, ибо не притронулся к рукописи. Вот что пишет по этому поводу Бенвенуто: «...ваша милость мне говорит, что эта простая речь о моей жизни больше вас удовлетворяет в этом чистом виде, нежели будучи подскобленной и подправленной другими, что показалось бы не настолько правдой, насколько я писал»...

Что я мог положить рядом с этой книгой? На худой конец только короткий рассказ. Рассказ, в котором была бы сделана попытка показать Челлини в будничной ситуации. Это в конце концов дало бы выход чему-то непонятному и трудно объяснимому, задуманному мною еще сорок лет назад.

Дело сделано. Однако я не знаю, что означают эти десять листочков, которым сорок лет. Стоила ли игра свеч? Это вопрос не риторический, если иметь в виду, что давно существует опера «Бенвенуто Челлини» и есть уже в русском переводе пьеса, написанная в Сухуми и изданная в Москве. Попав в подобное положение, Бенвенуто, возможно, сказал бы так: «Кашу маслом не испортишь». Следуя этой премудрости, я отсылаю любопытных к вышеназванному (в самом начале) изданию и небольшому рассказу в нем, озаглавленному «Человек с нимбом».

Dixi!

ТВ

ПРОЩАНИЕ С РЕМЕЗОМ

Многим Игнат Ремез известен по роману И. Герасимова «Предел возможного», где читатель не просто встретился с человеком советской эпохи. Он узнал Героя, одного из строителей, созидателей нашей жизни, одержимого пафосом своего легендарного Времени. Это человек, мало сказать, сильный. Он один из тех, кем держалась и побеждала страна...

И вот — телефильм о Ремезе. О судьбе Игната Ремеза.

В постановке режиссера П. Когана (роман экранизирован И. Герасимовым и А. Гороховым) Ремеза играет Виталий Соломин. Играет, пожалуй, нарочито сдержанно, скупо. Хотя в первой серии, пусть звучит она тоже достаточно строго, пожалуй, все же чувствуешь молодой задор героя, вступающего в жизнь, как многие тогда вступали: беспощадно пробуя и свои силы и силы окружающих людей, если они были нужны стране... Вот он, совсем юный, пытаясь справиться со стропами парашюта, летит по воздуху, бежит, хромая, навстречу людям — счастливый, сияющий глазами... Судьба всяко пробует, испытывает Ремеза на крепость. И мы видим первые успехи молодого мастера на заводе и его же первые промахи, первую любовь, первую серьезную дружбу с ученым-металлургом (Е. Евстигнеев); Ремез мечтает стать таким же ученым, но грянувшая война ломает его — и не только его — планы...

Большое впечатление производит сцена, когда Игнат является по срочному вызову в обком партии, к секретарю Рокотову. При общем молчании Рокотов говорит Ремезу: «Возьми трубку». Телефонная трубка лежит на столе и кажется громадной, неподъемной. Из трубки — голос Сталина.

Молодой Ремез назначен директором танкового завода: уже через два месяца завод должен выпускать танки... Теперь профессор станет главным инженером. А потом погибнет на поле боя, где первые танки Ремеза пойдут в наступление.

Сложна жизнь и после войны — она требует от людей гигантской самоотдачи, но ее не хватает даже у Игната Ремеза. Ведь самый труд еще трудней стал после войны, чем до войны. И Ремез опять же приказом Сталина возвращается на прежнюю, довоенную должность мастера. И опять он как в бою.

Черты яркой, сильной личности и самый процесс нравственного становления человека позволяют поначалу увидеть близко, почувствовать остро самое жизнь с ее чаще всего сложными обстоятельствами.

Роковые сороковые... Безусловно, это они определили дальнейшую судьбу Игната Ремеза, «простого» непростого человека. Они диктуют жестко, безоговорочно характер, поступки, отношение к людям, твердость и непреклонность натуры, целеустремленность поступков... Все так. Все убеждает в первых двух сериях пятисерийного фильма. Но чем дальше он длится, тем заметнее эмоциональная сдержанность героя; и особенно заметны эти пробелы в двух последних частях картины.

Смотришь фильм до конца и невольно, по контрасту, вспоминаешь того Игната Ремеза, который однажды предстал перед зрителями на сцене Ленинградского театра имени Пушкина. В исполнении Горбачева — человек надломленный, измученный, но по-прежнему неистовый, по-прежнему яростно, сполна, без остатка отдающий себя людям, горячо кающийся перед ними в чем был и не был виноват, навсегда прощающийся с ними,— так сердечно, так горячо, что весь зрительный зал поднимался навстречу этому Ремезу в общем душевном стремлении поддержать, оберечь, сохранить человека для жизни.

Прощание Ремеза, которое видишь на телеэкране, совсем иное. Оно происходит очень вежливо и холодно. Молча глядит на героя «массовка», одноликая и безучастная. И спрашиваешь себя: а что думает, что чувствует телезритель, который во множестве, но теперь каждый сам по себе тоже прощается с Ремезом. Что он испытывает?..

Зритель, разумеется, скажет об этом сам. И все-таки можно предположить, что явная «корректность» прощальной сцены, ее приглушенная, суховатая тональность пусть и отвечает образу героя, предложенному телефильмом, но ответного душевного отклика, пожалуй, никак не рождает...

Да, Ремез только вначале замахивается на многие самостийные и даже дерзкие поступки. Потом вдруг он сломался, этот Ремез. Пожалуй, и в послевоенной-то жизни его скрыто держит, помогает ему только предвоенная и военная пора, которая удалась фильму и образу Ремеза в нем. Она обозначилась крупно в ее суровой подчиненности долгу, общенародном стремлении не жалеть своей жизни ради Победы. Именно своей-то больше всего и не жалеть! И не зря вспомнит о Ремезе бывший охранник завода, когда жена Ремеза Лена, журналистка (И. Бразговка), начнет собирать воспоминания людей о войне. И, конечно, об участии Игната в этой войне. Охранник сразу вспомнит, что положил в револьвер Ремеза два холостых патрона. Сверху их положил. Мол, если вздумает стреляться, так жив останется!.. Значит, нужен он был людям, тот Ремез!

— А вдруг во врага пришлось бы стрелять? — ужасается Лена.

— Нет! Он во врага всю обойму выпустил бы,— отвечает человек уверенно.

Другой, совсем другой характер был тогда у Игната...

Что ж, сломала его жизнь? Или перестроила? Перевоспитала? Сделала неспешно мудрым? Или неуверенным? Или же прячущим очень глубоко внутреннюю горечь при каждой новой стычке с бездушием, скрытой либо открытой неприязнью, которую встречает он со стороны нынешних — бойких, молодых, наступательных, уверенных в себе и начисто безразличных к делу, к свершению карьеристов и карьеристиков?!

Вопросы эти, прочерченные в фильме, может быть, не слишком уж резко, определяют внутреннюю, эмоциональную сферу картины и обусловливают многие реальные поступки Игната Ремеза. Он **существует** в современности, а не живет полной жизнью деятельно и самозабвенно, как это свойственно было Ремезу прежде, когда у него были не только враги и противники, но и добрые соратники, подлинные друзья. Когда он жил и работал неистово, не жалея себя. И как же это было хорошо! Как убедительно точно «доказывается» это артистом и режиссером в сцене, когда Ремез грудью, плечами, спиной — всем своим существом выталкивает из вязкого месива раскисшей дороги огромную грузовую машину... Вместе с другими «рядовыми» тружениками и сам такой же, как они, он толкает машину вперед и вперед, надсадно, до последнего дыхания, пока не двинется наконец эта громадина, уступив общему натиску...

Небольшой эпизод становится символически крупным, несет внутреннее содержание.

И таких сцен немало. Но они разбросаны, разъединены между собою. Обеднены повтором, длиннотами, обилием проходных, маловыразительных фигур.

Жаль, что совсем небольшое место уделено в телефильме интересному, содержательному образу Рокотова... Прежний секретарь обкома, преобразующий жизнь людей в дни войны, нынешний руководящий работник тяжелой промышленности, коммунист Рокотов в исполнении Ю. Ступакова — человек незаурядный, могучий. На таких земля держалась в ту пору, когда народ ковал оружие против врага... Но ведь всего лишь несколько раз мелькнет Рокотов на экране, хотя и не забудется, как другие.

Рядом с Ремезом до последних дней его жизни останется Костя Голиков (А. Леонтьев). Это еще одна непростая человеческая судьба. Косте, наверное, следовало бы яростно ненавидеть Игната: ведь Ремез «увел» у Кости жену!.. Впрочем, Лена все равно не любила Костю; вернее, не понимала, а потому и не ценила его доброту, его характер, открытый навстречу людям и делу... А. Леонтьев создает многосторонний образ, но и этой судьбе мешает недоговоренность, отрывочность, досадные пробелы...

И вот — финал.

Мы видим усталого, опустошенного Ремеза в самолете... Не знаем, куда он летит. Ремез похоронил Лену: она разбилась ночью в машине, когда мчалась к мужу, испугавшись, что у Игната начался очередной сердечный приступ... Не было на этот раз приступа. А Лены не стало.

Похоже, что не стало и Ремеза. Мы видим, как он мрачен. Как глубоко сосредоточен в себе. В своем безысходном одиночестве, в непричастности, чуждости всему сущему... Он словно в пустыне в этом самолете. Но вдруг Игнат слышит — и мы тоже слышим — бодрую, звонкую песню нашей далекой юности, нашего незабываемого Вчера.

Откуда взялась песня? И откуда возникает вдруг сам Игнат — совсем другой, давний парашютист, готовящийся прыгнуть в пустоту... К далекой земле? Или в смерть. В тот неизбежный приступ, которого боялась Лена и от которого сердце Игната уже не оправится, замолчит навсегда?..

Нам того знать не дано, это последний кадр. Самая последняя встреча с Ремезом, таким нужным жизни человеком, **нашим современником.** Героем, о котором хотелось бы все знать гораздо вернее, точнее, ближе. Которого хотелось бы увидеть ярче, убедительнее, крупнее.

Н. ТОЛЧЕНОВА,
заслуженный деятель искусств РСФСР

Лев **ФИЛАТОВ**

Пас назад и пас вперед

Все остановки футбола — по пути следования. Позади и та, что под названием «47-й чемпионат». А мы уже наводим справки: «Что там дальше?» И, наверное, поэтому два испытанных журналистских жанра — обозрение-итог и обозрение-прогноз — невольно сливаются воедино. Золотые медали «Зенита» и предстоящие нашей сборной весной два матча с командой Швейцарии, недалекое прошлое и недалекое будущее — это отметки на одном и том же футбольном циферблате. С какой же точностью идут часы?

Валентин Николаев, тренирующий молодежную сборную страны, недавно в сердцах сказал мне:

— Ничего не могу понять: твердишь им — отдавайте тут же мяч вперед, в атаку, а они поперек поля да назад, время потеряно, и противник перестроился. Им по двадцать, а играют как старички. Ума не приложу, как ломать эту привычку...

«Привычка». Слово верное. Напрасно сетовать на изъяны в технике обращения с мячом, на слабую успеваемость по разделу тактики, уж в сборную-то команду отбирают самых умелых. Чтобы по достоинству оценить наблюдение опытного тренера, в прошлом форварда знаменитого послевоенного ЦДКА, на всю жизнь оставшегося в душе форвардом, перенесемся к делам нашей главной команды, первой сборной страны.

Не станем углубляться в далекие времена, достаточно вспомнить три последних официальных матча: в ноябре прошлого года со сборной Португалии в Лиссабоне в рамках чемпионата Европы (0:1), в сентябре этого года со сборной Ирландии в Дублине (0:1) и в октябре со сборной Норвегии в Осло (1:1)— оба из отборочного турнира чемпионата мира. Даже арифметика итогов схожа. Противники забивали в ворота нашей команды по одному мячу, и это привело к двум поражениям и одной ничьей. Ответить оказалось нечем. В Лиссабоне советская сборная упустила возможность выйти в финальную стадию чемпионата Европы, в Дублине и Осло осложнила свое положение в чемпионате мира.

Во всех этих случаях нетрудно было подметить, что схожесть результатов предопределялась схожестью поведения. Не знаю, можно ли считать то, что мы видели, «моделью», но, право же, власть трафарета проявляла себя с удивительным постоянством, граничащим с наивностью.

Создавалось впечатление, что начальные нули на табло, от которых отталкивается игра, вполне устраивали наших футболистов. На первых минутах они демонстрировали благие порывы к активности, но, не застав противника врасплох, как-то чересчур покладисто отказывались от борьбы за инициативу и разрешали себя атаковать. Игра принимала односторонний характер. Потом мяч влетал в ворота, и тогда наша сборная, встрепенувшись, устремлялась вперед. И тут мы убеждались, что она способна вести наступательную игру, что ее противники уязвимы.

Такой странно повторяющийся образ действий нашей главной команды более всего обижал зрителей. «Откуда же взялся трафарет? За ответом далеко ходить не надо. Совсем недавно, 28 октября, на стадионе московского «Торпедо» хозяева поля встречались в матче розыгрыша Кубка СССР с «Днепром». Матч полностью транслировался по телевидению, и, надо полагать, многие любители футбола его еще помнят. Это был матч из тех, которые отбивают охоту ходить на стадион. Его не спасло даже то условие, что проигравший выбывает из розыгрыша, и вроде бы обеим сторонам полагалось приложить максимум усилий для победы. Не был приложен даже минимум. Команды фактически имитировали борьбу, они, как видно, поджидали нечаянную оказию, гримасу случая. Случай подвернулся: торпедовский защитник неловко пошел в отбор мяча, и было назначено пенальти. После этого москвичи по необходимости повели наступление, но так как с самого начала они к нему не готовились, у них решительно ничего не клеилось. На этот раз слепая судьба оказалась благосклонной к «Днепру», но с тем же успехом можно было и без игры кинуть жребий.

А ведь в тот вечер на поле сошлись команды, которые состояли в лидирующей группе чемпионата, способные, как мы не раз убеждались, играть напористо, с настроением. Но тут они обе позволили себе выжидательную «модель», когда оборона преобладает над атакой, а в подсознании футболистов живет надежда на «авось». Победитель нашелся, но футбол оказался в крупном проигрыше.

Все это не что иное, как сознательная ставка на деловой подход, который не один год опустошал трибуны наших стадионов.

Примеры предъявлены. Но разве в них дело? Разве не стали мы привыкать к тому, что дорогое игровое время то одной стороной, а то и обеими вместе тратится попусту? И ведь нам еще пытались внушить, что тактическая аритмия должна присутствовать в «структуре» игры, что это хороший тон.

...Команда открыла счет. И только что бойкая и деятельная, словно по неслышному для нас, зрителей, приказу, остепенилась, потеряла живой интерес к чужим воротам, она уже не прочь мирно скоротать оставшееся время, уже послушна кличу «Назад!». В ход идут мелкие уловки, ауты, угловые, штрафные выполняются после глубокомысленных совещаний, затеваются препирательства с судьей по пустяшным поводам, к которым тому трудно придраться, вратарь прямо-таки страдает, вводя мяч в игру, словно приносит последнюю жертву. И уж, конечно, ведущие в счете не преминут подержать мяч на своей половине поля. Его бережно и аккуратно передают поближе к своим воротам, чтобы можно было завершить «комбинацию» пасом в руки вратаря. И стадион обычно не выдерживает, разражается гулом и свистом. В его глазах это отказ от футбола, капитуляция, и люди расходятся разочарованными. А случается и так, что проигрывающий вырвется из силков и забьет гол в ответ. Тут «спящая красавица» вскакивает и как оглашенная кидается в пекло борьбы, но второе удачное начало редко удается. И время на исходе, и настроение испорчено. Зрители не обманываются: «Полчаса дурака валяли, вот и попались!»

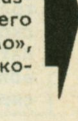
Не возьмусь судить, какой процент удач приносит подобная практичность. Больше чем достаточно трех упомянутых неудач, которые подстерегли нашу сборную в ответственных турнирах, чтобы убедиться, насколько беспредметны и опасны пассивные вариации вокруг минимально необходимых либо единицы, либо нуля, какой бедой оборачиваются эти пустые хлопоты.

Не одни проценты существенны. Бескрылая тактика самоограничения вытравляет из души футболиста смелость, уверенность, лишает его радости большой игры. И постепенно становится привычкой. Простенькая, казалось бы, частность — передача мяча назад, в свой лагерь, «домой». Она не должна заключать в себе смысловой нагрузки, ее делают между прочим, когда есть необходимость. Если же этой передаче придается серьезное тактическое значение, если она, а не естественная передача вперед для зачина наступления избирается в качестве оружия победы, тогда игра получает обратное движение, пятится, как рак, и мы перестаем узнавать футбол, чувствуем, что нас надувают, предлагают суррогат.

Как бы ни клялись практичностью постановщики такого футбола, мы им не доверяем, они нас возмущают и смешат. Мы слишком хорошо знаем, что успех полагается развивать, что старенькое изречение — «лучшая оборона — наступление» — оттого и навязло в зубах, что не опровергнуто и ежегодно приплюсовывает в свою пользу сотни доказательств. Счет 1:0 может остаться до конца, но истинным победителем команда будет выглядеть в глазах зрителей только в том случае, если она так же до конца атаковала, переигрывала противника, а не сутяжничала, не трусила, не вымучивала единицу. Футбол высокого класса немыслим без проявления чувства собственного достоинства.

Пас назад как метод встречается в практике мирового футбола. Большей частью им пользуются вынужденно, не от хорошей жизни. Мне кажется, что в свое время некоторые наши тренеры легковерно приняли его за примету модерна и поэтому стали усердно вводить в обиход. И вот теперь обнаружилось, что целое поколение футболистов усвоило, что передавать мяч следует без малейшего риска — поперек поля, ближнему партнеру, назад, а передачи вперед, особенно дальние, которые ведут к обострению, применять неблагоразумно. И динамика игры, в первую очередь атаки, пошла на убыль. Удивляться нечему: практичность, возведенная в неукоснительный принцип, обязательно что-то нарушает и отнимает.

Не критически, школярски воспринятая мода, к счастью, была поставлена под сомнение. Сначала тренерами «Спартака» К. Бесковым и минского «Динамо» Э. Малофеевым. Их аргументы в пользу активной игры, предъявленные на футбольном поле, нашли последователей и, что характерно, среди тренеров сравнительно недавно возглавивших команды высшей лиги. Можно назвать В. Арзамасцева, сменившего Малофеева в минском «Динамо», П. Садырина («Зенит»), В. Прокопенко («Черноморец»).

МИХАИЛ БИРЮКОВ — ЛУЧШИЙ ВРАТАРЬ

Закончился очередной чемпионат страны по футболу, и длинный ряд лучших вратарей, которым с 1960 года вручается Кубок «Огонька», пополнился новым лауреатом.

За эти годы Кубок «Огонька» вручался Л. Яшину (трижды), В. Маслаченко, Е. Рудакову (трижды), В. Банникову, А. Кавазашвили (дважды), А. Прохорову (дважды), С. Котрикадзе, Ю. Пшеничникову, В. Пильгую, В. Астаповскому, Ю. Дегтяреву, О. Габелия, В. Чанову, Р. Дасаеву (трижды). И вот наш новый лауреат: Михаил Бирюков — вратарь ленинградского «Зенита».

Несмотря на то, что Бирюкову уже 26 лет — возраст достаточно зрелый, о нем заговорили только в прошлом году, когда он выстоял в воротах «Зенита» все матчи чемпионата и внес свой весомый вклад в успех команды, которая завоевала бронзовые медали.

Спортивная судьба М. Бирюкова прихотлива. Он начал играть в футбол в Серпухове, где его заметили тренеры «Спартака» и пригласили в свою команду. Но в «Спартаке» уже играл Дасаев, и молодой вратарь оказался на скамье запасных. Другой бы на его месте так и сидел в запасе, дожидаясь своей минуты, но это было не в характере Бирюкова, и он уехал на Дальний Восток, в Благовещенск, стал играть в команде 2-й лиги «Амур». И снова его заметили тренеры высшей лиги — на этот раз зенитовцы. И снова Бирюков оказался в запасе. В первый год он не был даже заявлен, затем сыграл два матча и пропустил семь мячей. После этого сыграл десять матчей, в следующем году — двадцать семь, а в 1983 году прочно вошел в первый состав и поразил всех своим умением чувствовать мяч. В течение сезона он отбил четыре пенальти.

И вот в нынешнем сезоне снова, выступая во всех 34 матчах чемпионата, Бирюков показал высокое мастерство, завоевав уважение и любовь как зрителей, так и своих товарищей по команде.

Редакция журнала «Огонек» поздравляет своего нового лауреата и желает ему успеха.

Фото С. Колганова

Но последствия пассивной, выжидательной игры «на счет» быстро не вытравишь. Показательны в этом смысле затруднения, с которыми столкнулся новый тренер сборной Э. Малофеев, пришедший на смену В. Лобановскому. Сила инерции оказалась настолько живучей, что пока преодолеть ее новому тренеру не удается, и сборная как бы его «не слушается», ведет себя на поле вопреки его убеждениям, энергии и темпераменту придерживаясь старых образцов. Ситуация, прямо скажем, драматическая. Хорошо то, что она очевидна, и нет нужды блуждать впотьмах, дело за практическими шагами. И первые шаги как будто бы сделаны. Чемпионат страны этого года иначе как увлекательным не назовешь. Его фабульная линия настолько извилиста и затейлива, так много клубов на разных отрезках перебывало в претендентах на все три призовых места, так часто, как карточные домики, рассыпались верные прогнозы, что оставалось только разводить руками. Но коль скоро мы, наблюдатели, не в силах оставаться безучастными, невольно возникал вопрос: «Что скрыто за фабулой и почему создавалось впечатление, что никто не торопился в чемпионы?»

Если обратиться за помощью к таблице, то она с присущей ей объективностью сообщит, что конкуренция в нынешнем чемпионате развернулась нешуточная, что пресловутый комплекс чужого поля меньше, чем прежде, влиял на поведение ведущих — «Зенита», минского «Динамо», «Спартака», «Днепра», «Торпедо», что после прошлогоднего провала приходит в себя тбилисское «Динамо», очень давно не играл так стройно, как нынче, «Кайрат», а «Черноморец» прекрасно исполнил озорную роль грозы авторитетов, приостанавливая то одного, то другого лидера.

Все эти сведения как общего, так и частного значения, разумеется, приятны, их полагается зачислить в актив сезону. И все-таки сравнительно замедленное, со срывами и перепадами, продвижение лидирующей группы главным образом объясняется тем, что ни одна из команд не сумела на протяжении всего года сберечь постоянство своей игры, а турнирные очки, как давно известно, приплюсовываются именно к игре и вычитаются, когда она не ладится. Ни в коей мере не ставлю тем самым под сомнение успехи призеров: речь идет об уровне игры, характерном для всего чемпионата. Мне кажется, что в этом отношении наибольшую последовательность проявило минское «Динамо», не разрешившее себе никаких поблажек на длинном пути, что стало возможным благодаря тому, что команда уже не первый год верна динамичному наступательному стилю и ищет свое счастье в упрямых атаках. Правда, коэффициент их полезного действия должен быть выше, неспроста минчане были сурово наказаны за превышение лимита ничьих, хотя то, что эта задиристая, колючая, азартная команда потеряла очки по подозрению в излишнем миролюбии, выглядит досадным парадоксом.

Нельзя не порадоваться за «Зенит», за ленинградский футбол. Выдвижение команд происходит по-разному. Бывает, что мы к нему готовы, ждем его, все на мази и дело за малым. Так в свое время случилось с киевским «Динамо» в бытность там тренера В. Маслова. Примерно так же было и со «Спартаком» в 1979 году. Напротив, взлет минского «Динамо» в 1982 году и «Днепра» в следующем вызвал у многих желание подождать подтверждения этим сюрпризам в будущем. Скорее всего, «Зенит» в таком же положении.

Спору нет, успех его готовился. Городские футбольные школы вырастили для него способных молодых игроков, коренных ленинградцев. Несколько лет назад «Зенит», словно примериваясь, можно ли преодолеть репутацию команды из средних, занял третье призовое место, а в прошлом году был четвертым. Минувшим летом он пробился в финал Кубка страны, но там проиграл.

Я связываю успех «Зенита» с тем, что он под началом тренера П. Садырина стал командой играющей. Не мудрствуя лукаво, новый тренер, сам некогда полузащитник-организатор, поощрил футболистов к использованию всех тонких игровых приемов как индивидуальных, так и коллективных. И сразу же зрители смогли почувствовать, что футбол в исполнении зенитовцев пронизан удовольствием. Когда команда только трудится, строго выполняя заданное, она оставляет впечатление мрачноватой, сумрачной, безулыбчивой. «Зенит» от сознания, что ему позволено играть, посветлел.

«Зениту» было нелегко в этом году и, по-моему, более всего с непривычки. Если бы ленинградцы дрогнули и погнались за нужным счетом в концовке чемпионата, их могли бы обойти конкуренты. А они продолжали играть даже в дни поражений. Это их и выручило, помогло преодолеть «застенчивость», естественную для клуба, никогда не поднимавшегося так высоко.

И вот награда — золотые медали в чемпионате страны.

Принято говорить, что отстоять достигнутое труднее, чем победить, потому что обладателей почетных званий ждет в будущем особо пристрастная проверка. Это верно лишь отчасти. Трудность в том, чтобы не остановиться, не соорудить самим себе памятник. Если минское «Динамо» избежало этой опасности, то «Днепр» и «Спартак» в своей игре дальше не продвинулись, они повторялись. Этого хватило, чтобы остаться в головной группе, однако игровое лидерство ими утеряно, лучшие свои черты обе эти команды проявляли изредка, по вдохновению. Очень старалось «Торпедо» занять ведущее положение, что похвально, но и ему активные действия не всегда давались.

И все же я сказал бы, что минувший сезон в целом, ознаменовавшись рядом достижений относительного значения, абсолютных не преподнес. Возможно, его следует назвать сезоном переосмысления.

Несколько лет все дискуссии у нас разворачивались вокруг киевского «Динамо». То эту команду брали за всеобщий образец, то подвергали критике ее суховатую, однообразную тактическую линию, счетоводческую стратегию сбора турнирных очков. Сейчас эти споры стихли. Да и о чем толковать, если киевское «Динамо» второй год подряд прячется в середине таблицы?! И сейчас эта команда располагает достаточным числом интересных игроков, и, думается, ей было под силу шагнуть на несколько ступенек выше. Ее неудачи продолжают удивлять тех, кто привык к ее главенствующей роли. Но уже не всех. Многие разобрались в ее игровом аскетизме, благо появилась возможность сравнивать.

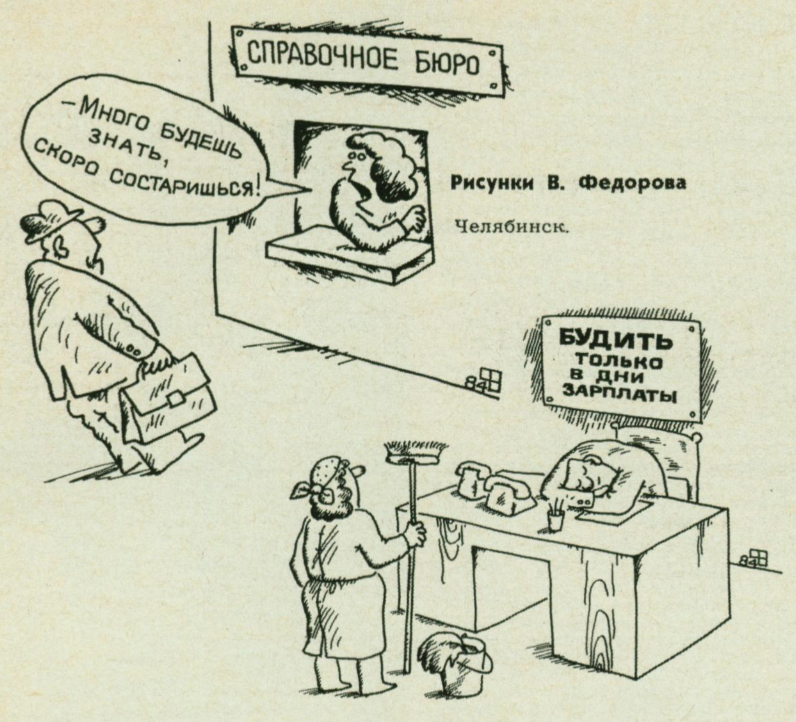
Я остановился на примере киевского «Динамо» не ради дискуссии, а для того, чтобы оттенить бег футбольного времени. Образно говоря, время теперь требует игры, построенной не на пасе назад, а на пасе вперед.

В 1985 году с № 1

в нашем журнале будет печататься новый роман

Юрия БОНДАРЕВА

«ИГРА»

Рисунки В. Федорова

Челябинск.

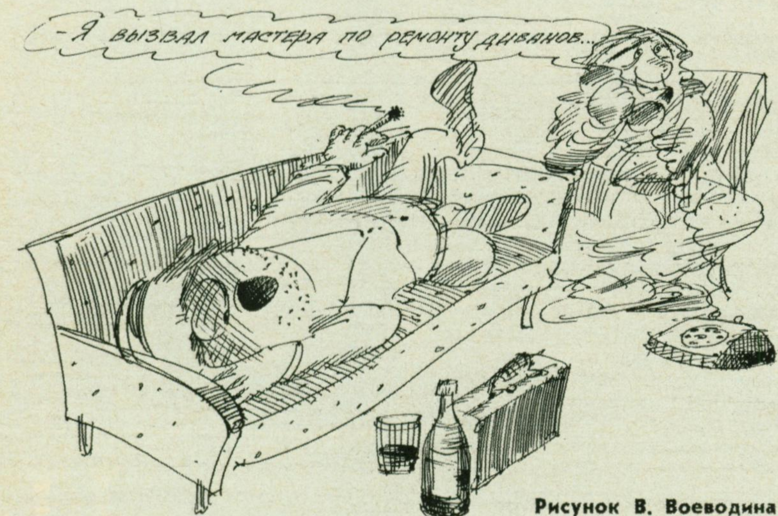

Рисунок В. Воеводина

ФРАЗЫ...

Сало в мешке не утаишь.

Бокальное трио с буяном.

К. Котлярская

Баку.

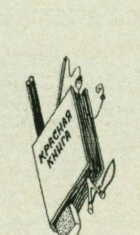
Сколько надо видеть, чтобы ничего не замечать!

«Что тут долго говорить!»— начало длинной беседы.

Н. Крутиков

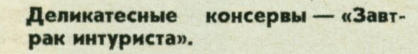
Ленинград.

Точка, исполняющая обязанности многоточия.

В. Коняхин

Деликатесные консервы — «Завтрак интуриста».

Широкая натура — ни в какие ворота не лезет.

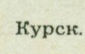

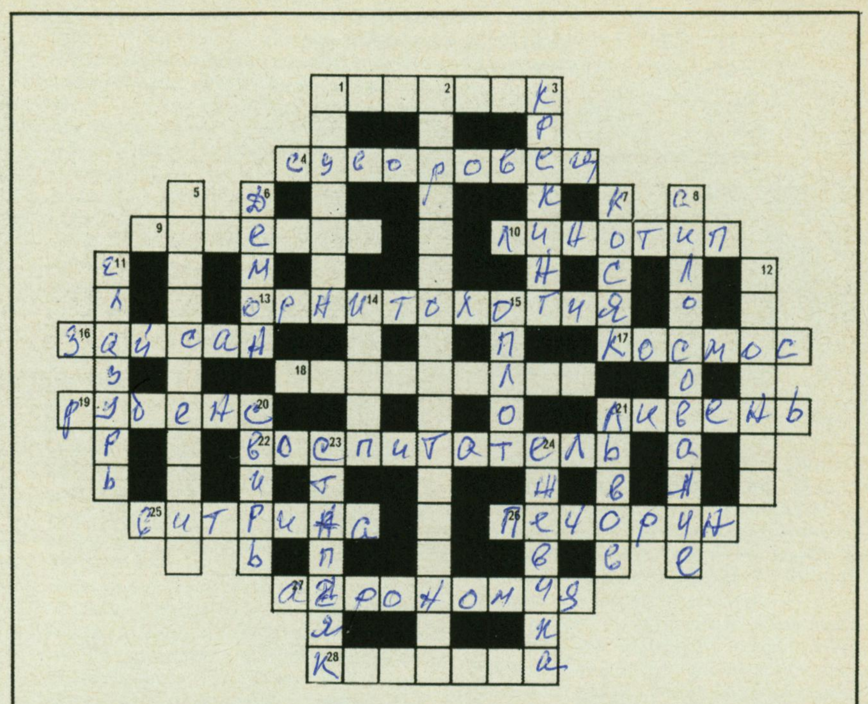
Все мы — коллектив авторов «Красной книги» природы.

Театр одного буфета.

А. Прозоров

Курск.

КРОССВОРД

По горизонтали: 1. Сельскохозяйственное орудие для ухода за корнеплодами. 4. Воспитанник военного училища. 9. Река, впадающая в Баренцево море. 10. Типографская наборная машина. 13. Раздел зоологии, изучающий птиц. 16. Озеро в Казахстане. 17. Серия советских искусственных спутников Земли. 18. Незаконченный роман А. С. Пушкина. 19. Фламандский живописец. 21. Сильный дождь. 22. Наставник. 25. Специально оборудованное место для показа товаров, экспонатов. 26. Персонаж романа М. Ю. Лермонтова «Герой нашего времени». 27. Комплекс наук о возделывании сельскохозяйственных культур. 28. Героиня комической оперы Ш. Гуно.

По вертикали: 1. Горный хребет в Якутии. 2. Город в Ворошиловградской области. 3. Переработка нефти для получения моторного топлива. 5. Певчая птица. 6. Опера А. Г. Рубинштейна. 7. Стая рыб, птиц. 8. Способ заготовки сочных кормов. 11. Стекловидное покрытие на керамике. 12. Деталь трубопровода. 14. Эфирномасличное растение, применяемое в медицине. 15. Роман Т. Драйзера. 20. Река, соединяющая Онежское и Ладожское озера. 21. Областной центр на Украине. 23. Поэт, революционер, народник. 24. Ягода.

ОТВЕТЫ НА КРОССВОРД, НАПЕЧАТАННЫЙ В № 49

По горизонтали: 7. Кутаиси. 8. Антарес. 9. Луньяненко. 11. Пони. 12. Сова. 13. Гамбит. 15. Зарема. 16. Атрато. 17. «Костер». 19. Руслан. 21. Идиома. 24. Фетр. 25. Икар. 26. Амфибрахий. 29. Визитка. 30. Остужев.

По вертикали: 1. Суббота. 2. Киву. 3. Цильма. 4. Качели. 5. Шток. 6. Вельвет. 9. Литература. 10. Островский. 13. Гафури. 14. «Тамара». 18. Овечкин. 20. Асафьев. 22. Джинал. 23. Мрамор. 27. «Мать». 28. Инта.

НА ПЕРВОЙ СТРАНИЦЕ ОБЛОЖКИ: И. Глазунов. ПОРТРЕТ ИНДИРЫ ГАНДИ. (См. в номере материал «Эти дни не забыть...».)

НА ПОСЛЕДНЕЙ СТРАНИЦЕ ОБЛОЖКИ: В ленинградском Доме книги на Невском проспекте. (См. в номере материал «Чтоб в душе остался след».)

Фото С. Петрухина

Главный редактор — А. В. СОФРОНОВ.

Редакционная коллегия: Д. Н. БАЛЬТЕРМАНЦ, В. В. БЕЛЕЦКАЯ, И. В. ДОЛГОПОЛОВ (главный художник), Д. К. ИВАНОВ (ответственный секретарь), Н. А. ИВАНОВА, Б. А. ЛЕОНОВ (заместитель главного редактора), В. Д. НИКОЛАЕВ (заместитель главного редактора), Ю. С. НОВИКОВ, А. Г. ПАНЧЕНКО, Ю. П. ПОПОВ, Н. П. ТОЛЧЕНОВА.

Адрес редакции: 101456, ГСП, Москва, Бумажный проезд, 14.

Оформление при участии Е. М. КАЗАКОВА.

Телефоны отделов редакции: Секретариат — 212-23-27; Отделы: Очерка, публицистики и информации — 250-56-88; Морали и права — 251-00-26; Международный — 212-30-03; Социалистических стран — 212-22-90; Искусств — 250-46-98; Экономики быта — 250-38-17; Поэзии — 250-51-45; Критики и библиографии — 251-21-46; Военно-патриотический — 250-15-33; Науки и техники — 212-21-68; Юмора — 212-14-07; Спорта — 212-22-19; Фото — 212-20-19; Оформления — 212-15-77; Писем — 212-22-69; Литературных приложений — 212-22-13; Отдел прозы — 212-63-69.

Сдано в набор 19.11.84. Подписано к печати 05.12.84. А 00466. Формат 70×108 1/8. Глубокая печать. Усл. печ. л. 7,0. Уч.-изд. л. 10,87. Усл. кр.-отт. 16,80. Тираж 1 671 000 экз. Изд. № 4097. Заказ № 3791.

Ордена Ленина и ордена Октябрьской Революции типография газеты «Правда» имени В. И. Ленина. 125865, ГСП, Москва, А-137, улица «Правды», 24.

О. ПЕТРИЧЕНКО
Фото С. ПЕТРУХИНА

...И зрядная очередь к окошечку кассы волновалась напрасно: все билеты на очередную премьеру Кировского театра были давным-давно распроданы, и никаких «остатков» от брони не предвиделось. Не помогали ни солидные удостоверения, ни таинственные записочки — театр был полон, и приунывшие поклонники Терпсихоры, услышав решительное «нет», один за другим отправлялись к подъезду в надежде поймать желанный «лишний» с рук.

Явно не могла рассчитывать на успех и веселая стайка мальчишек и девчонок, судя по форме, воспитанников ПТУ. И тем не менее, когда подошла их очередь, непреклонного администратора словно подменили: несколько росчерков на листке бумаги — и заветные двери гостеприимно распахнулись перед ребятами.

— Ну вот,— то ли вздохнул, то ли обиделся кто-то в изумленной очереди,— а говорили, не будет никаких контрамарок...

— Не будет,— подтвердили в кассе.— Исключение только для них, наших подшефных из ПТУ-90.

...Эта забавная сценка весьма характерна для нынешнего отношения ленинградцев к будущему пополнению рабочего класса.

Каким ему быть? Об этом здесь задумались давно и всерьез. И успели сделать многое: ПТУ города и области первыми в стране полностью перешли на подготовку рабочих со средним образованием. В республиках подхвачен почин ленинградских передовиков — Героев Социалистического Труда, ставших мастерами, педагогами в ПТУ. Для ребят построены великолепные учебные комплексы, оснащенные самым современным оборудованием.

Свой вклад внесла и творческая интеллигенция.

Договор о содружестве, заключенный творческими союзами Ленинграда с управлением профтехобразования, оказывает реальное влияние на формирование духовного мира подростков. Без преувеличения можно сказать, что все культурные богатства города к их услугам и пример с Кировским театром далеко не единичен.

— Мы часто бываем в Эрмитаже, Русском музее,— рассказывают будущие секретари-машинистки Ира Панфилова, Катя Жданова, Лена Родионова.— Сотрудники их стараются показать нам самое интересное, например, знаменитую «золотую кладовую», приглашают в святая святых — реставрационные мастерские, куда посторонним вход категорически воспрещен. Но мы не чувствуем себя посторонними, знаем, что везде нас встречают с радостью, охотно знакомят с секретами своего кропотливого труда. С особым уважением рассматриваем мы потом картины в залах, потому что знаем, как непросто сохранить и возродить эту красоту.

Наша преподавательница эстетики Н. Клеопина — очень энергичный человек и скучать не дает. Мы не пропускаем ни одной новой выставки в Манеже, бываем у художников в мастерских, приглашаем их к себе. В гости к нам приезжали композитор Морозов, артист Толубеев.

Действительно, энергии, настойчивому стремлению Наташи Клеопиной делать ближним добро можно только по-хорошему позавидовать. Мир своих подопечных она знает, как никто другой,— несколько лет была секретарем комитета комсомола ПТУ-90, без отрыва от работы окончила вечернее отделение истфака ЛГУ имени Жданова и диплом свой посвятила Музею революционных, боевых и трудовых традиций рабочего класса Петрограда-Ленинграда, музею, в создании которого есть немалая доля ее труда.

Музей уникальный, единственный в своем роде. В его экспозиции обширный ленинский раздел, материалы о ветеранах партии, подлинные документы, экспонаты времен Великой Отечественной войны. Создан он был по инициативе ребят, вот уже несколько лет соревнующихся между собой за право присвоения учебным группам имен ветеранов Коммунистической партии. Решение о присвоении принимает Ленинградский совет ветеранов партии, заслужить его непросто: надо достойно проявить себя не только в учебе, но и в поисковой работе.

В училище созданы клубы «Искровец», «Ленинская гвардия» и «Верность». Встречи в своем, избранном по интересам клубе, пожалуй, самая популярная здесь форма проведения досуга. Благо клубов — на все вкусы и увлечения: «Театральная гостиная», «Любители изобразительного искусства», «Книголюб», «Ты — ленинградец», «Любители кино», «В человеке все должно быть прекрасно». А кроме того, есть еще свой вокально-инструментальный ансамбль «Мерит», скульптурная студия, кружки инкрустации и резьбы по дереву, рисунка и росписи по фарфору.

Именно в клубах знакомятся подростки со своими шефами из Театра оперы и балета имени С. М. Кирова, Института театра, музыки и кинематографии, Эрмитажа, областной филармонии и других культурно-просветительных учреждений.

«Каждое занятие «Театральной гостиной» проходит перед очередным просмотром спектакля,— пишет в своей заметке в рукописном журнале училища «Пульс» будущий литейщик-формовщик Андрей Хозяинов.— Прежде чем пойти смотреть спектакль, надо что-то знать об авторе и той эпохе, в которой происходит действие. Многие члены «гостиной» ходили недавно на «Бориса Годунова». И за два дня до этого была прослушана лекция студентов театрального института об истории создания оперы и ее авторе, что позволило легче воспринять эту сложную в идейном и музыкальном плане оперу».

Вот так, осмысленно вступают ребята в новый, зачастую малознакомый им мир подлинного искусства. Их наставники прекрасно понимают, что просто завлечь, записать кого-то в клуб мало. Надо, чтобы занятия в нем заинтересовали, стали потребностью.

С благодарностью отзываются в училище о людях, встречи с которыми оставляют глубокий след в душе воспитанников. Это ветеран партии Герой Социалистического Труда В. П. Виноградов, народная артистка СССР И. Колпакова, директор Эрмитажа академик Б. Пиотровский. Впрочем, когда Наташа Клеопина стала перечислять даже наиболее активных своих помощников, ручку пришлось отложить, так как, по сути, это весь цвет ленинградской культуры. Фактически нет ни одного заметного в своем деле человека, который не приходил бы, и не раз, на встречу с ребятами, да и из интересных гостей города редко кто минует гостеприимство училища.

Здесь, конечно, добрые слова надо сказать и в адрес самих сотрудников ПТУ-90, стремящихся дать своим подопечным все лучшее, чем располагает Ленинград. И вместе с тем очень характерный штрих подметил в одном из своих выступлений мастер производственного обучения Герой Социалистического Труда Б. Журавлев:

— Конечно, духовные запросы, общая культура человека формируются не только лекциями и посещениями спектаклей, а всем образом жизни, окружающей нас. Если все вокруг красиво, хорошо, со вкусом и душой сделано, если в помещениях, цехах и во дворе порядок и чистота, это поневоле формирует привычку к порядку, уважение к красоте. Помню, как в столовой по настоянию нашего директора упорно стелились новые белоснежные скатерти, и мы с отчаянием смотрели, что делалось с ними к концу обеда. Но терпение и настойчивость принесли свои плоды: сама обстановка, дух, царящий в стенах училища, в том числе и в мелочах, заставляют ребят быть подтянутыми, аккуратными, вежливыми.

Да, порядок в ПТУ-90 царит образцовый. Поддерживают его сами ребята, ими же изготовлена прекрасная мебель для многих мастерских, кабинетов. Ходишь по училищу, как по музею, и радуешься — как, оказывается, талантливы эти обыкновенные, по-школьному шумно отмечающие переменки мальчишки и девчонки! И как серьезны они в своем творчестве, выставка которого открыта прямо здесь, в одном из холлов. И уже не удивляешься, узнав, например, что Светлану Лапину из группы живописцев по росписи фарфора пригласили в знаменитое Мухинское училище, на специалистов которого большое впечатление произвели ее работы в студии скульптуры ПТУ, руководимой П. Криворуцким. Как должное воспринимаешь серьезное 33-страничное исследование «Петербург Достоевского», опубликованное в том же «Пульсе» первокурсницей Мариной Белкиной.

Одним словом, интересная, увлекательная жизнь кипит в этом ленинградском ПТУ. Здесь умеют и отдыхать, и учиться, и трудиться: ежегодно в ходе практики выпускают различной продукции почти на 400 тысяч рублей.

Красивая работа сама за себя говорит, и не случайно однажды ребятам доверили оформить целое кафе. Вот уж где в полной мере проявилось их мастерство, вкус, фантазия. Кафе не просто оформили, считай, заново построили, так как абсолютно все здесь создано влюбленными в дело людьми: великолепно расписаны деревянные стены, с выдумкой создана мебель, безупречным вкусом отмечены детские сервизы. Детские, потому что кафе это предназначено для самых маленьких. Назвали его «Теремок», и назвали точно — здесь красиво, весело, как и должно быть в сказке. У малышей Невского района оно сразу стало любимым. И очень хорошо, что юные посетители знают, кому они этой радостью обязаны. И умельцам из ПТУ-90 добрая слава, и малышам наглядный урок — вот, оказывается, на что уже способны их старшие братья и сестры...

Чт

Занимаются будущие столяры.

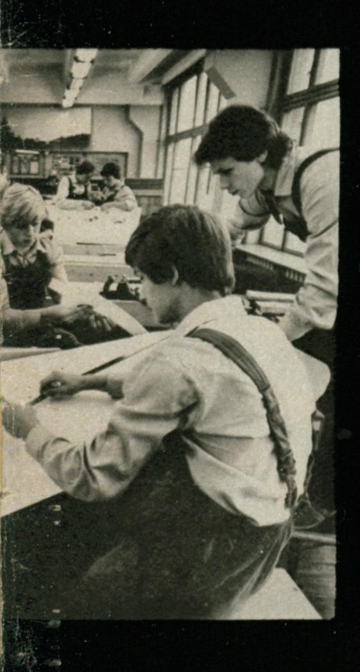

С директором Эрмитажа Борисом Борисовичем Пиотровским учащиеся ПТУ встретились в прославленном музее.

Оля Иванова в скульптурной студии.

об в душе остался след

В реставрационных мастерских.

ISSN 0131—0097
Цена номера 40 коп.
Индекс 70663